

ЧЕЛЯБИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВУЗОВСКАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ
МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОМУНИКАЦИЙ

LINGUA MOBILIS

Научный журнал

№ 4 (43) 2013

Выходит 6 раз в год

Издается с 2006 г.

Челябинск

Главный редактор

Селютин Андрей Анатольевич – кандидат филологических наук, заведующий лабораторией межкультурных коммуникаций Челябинского государственного университета.

Зам. главного редактора, редактор перевода

Селютин Александр Анатольевич – кандидат филологических наук, декан факультета высшего профессионального образования Челябинского государственного института путей сообщений.

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Шкатова Людмила Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка Челябинского государственного университета.

Араш Голандам Карим – кандидат филологических наук, зав. кафедрой русского языка Гилянского государственного университета (Иран).

Квашнина Елена Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка Челябинского государственного университета.

Селютина Елена Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Редколлегия журнала может не разделять точку зрения авторов публикаций. Ответственность за содержание статей и качество перевода аннотаций несут авторы публикаций.

Адрес редакции: 454084, г. Челябинск, пр. Победы, 162-в, к. 107

Группа журнала “Lingua Mobilis” на сайте vkontakte.ru

<http://vkontakte.ru/club7687624>

сайт www.linguamobilis.ucoz.ru

ISSN 1998-1546

© ФГБОУ ВПО «Челябинский
государственный университет»

© Лаборатория
межкультурных коммуникаций

© ООО «Энциклопедия»

Подписано в печать 11.07.13

Формат 60x84 ¹/₁₆. Бумага ВХИ 80 гр.

Объем: 10,3 усл.п.л.

Тираж 500 экз. Заказ 590.

Отпечатано в типографии
“Два комсомольца”.

454084, г.Челябинск,

Комсомольский проспект, 2.

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

<i>Sidita Hoxhiq Dano (Tirana, Albania)</i> Symbolic characters in Kurt Vonnegut's fiction	7
<i>Атжанова Н. Е.</i> Способы отражения вкраплений в художественных текстах	16
<i>Булычева В. П.</i> Русская приключенческая проза первой половины XX века	24
<i>Вербовский Н. Ю.</i> Поэтический диалог: О. О. Сулейменов – А. А. Вознесенский	33
<i>Галуцких И. А.</i> Телесный код любви в образном пространстве художественной прозы английского постмодернизма: семантико-когнитивный анализ (на материале текста романа Дж. Уинтерсон «Written on the Body»)	39
<i>Маренина Е. П.</i> Особенности организации условного пространства в романе М. Осоргина «Времена»	58

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Айткалиева А. С.</i> Взаимопонимание в семье как основа нравственного воспитания поликультурной личности	64
<i>Аржановская А. В.</i> Семантические особенности языковых единиц, выражающих протяженность в пространстве, в русском и английском языках	69
<i>Гарюнова Ю. О.</i> Оценочный потенциал метонимии мыло в кинокритическом дискурсе (на материале украинского языка)	73
<i>Емельянов В. Ю.</i> О необходимости исправления толковых словарей	80
<i>Покалюхин С. Ю.</i> Лингвостилистический анализ спортивного комментария	83
<i>Ротару И. Ю.</i> Основы типологии сложных предложений со взаимозависимыми частями	87
<i>Синцов В. Ю.</i> Антропоцентрическая метафора: когнитивные и семасиологические аспекты	93
<i>Сирипля М. А., Бекбаева К.</i> Политкорректные выражения как составляющая национально-культурного сознания	98

ЯЗЫК ПОЛИТИКИ

Лобанова Т. Н., Малюгина Н. А. Лексико-стилистические свойства политической коммуникации (на материале анализа газетных текстов КНР)102

ЛИНГВИСТИКА И ПЕРЕВОД

Lindita Kaçani (Korçë, Albania) On factors influencing the right approach to grammar instruction108

Vanina Kanini (Tirana, Albania) Albanian student among changes and challenges in learning ESP courses119

Баклагова Ю. В. Деказатив в английском и немецком языках126

Дорохова Ю. Э. Проблема эквивалентности и безэквивалентности в переводе и двуязычной лексикографии131

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКА

Бексаева Н. А. Стратегии самостоятельного изучения иностранного языка142

Сбитнева Н. Н. Лингвострановедческий интегрированный курс как способ формирования целостной картины мира курсантов при обучении иностранному языку в военном вузе148

АННОТАЦИИ156

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ161

CONTENTS

LANGUAGE OF FICTION LITERATURE

- Sidita Hoxhiq Dano (Tirana, Albania)** Symbolic characters
in Kurt Vonnegut's fiction7
- Atzhanova N. E.** Ways to reflect inclusions in fiction16
- Bulycheva V. P.** Russian adventure prose first half of XX century24
- Verbovsky N. Yu.** Poetic dialogue: O. O. Suleimenov A. A.
Voznesensky (comparative analysis of the lyrics of authors)33
- Galutskich I. A.** Nude code of love, in a figurative space fiction
English postmodernism: semantic and cognitive analysis
(on the material of the text of the novel of J. Winterson
«Written on the Body»)39
- Marenina E. P.** Organization peculiarities of the conditional space
in M. Osorgin's novel "The Times" ("Vremena")58

LANGUAGE STUDIES

- Ajtkalieva A. S.** The understanding of the family as the basis
of moral education of the polycultural personality64
- Arzanovskaya A. V.** Semantic peculiarities of language units
expressing length in space, in Russian and English languages69
- Garyunova Yu. O.** Evaluative capacity метонимии МЫЛЮ
in cinemacritical discourse (on the material
of the Ukrainian language)73
- Emelyanov V. U.** About the necessity of correcting the explanatory
dictionaries80
- Pokalukhin S. Yu.** Linguo-stylistic analysis of sports commentaries ...83
- Rotaru I. Yu.** Basis for the typology of complex sentences
with interdependent parts87
- Sintsov V. Yu.** Anthropocentric metaphor: the cognitive
and semasiological aspects93
- Sirivlya M. A., Bekbayeva K.** Politically correct expression
as a component of national and cultural consciousness98

LANGUAGE OF POLYTICS

- Lobanova T. N., Malyugina N. A.** Lexico-stylistic properties
political communication (on the material of the analysis
of newspaper texts China)102

LINGUISTICS AND TRANSLATION

Lindita Kaçani (Korçë, Albania) On factors influencing the right approach to grammar instruction	108
Vanina Kanini (Tirana, Albania) Albanian student among changes and challenges in learning ESP courses	119
Baklagova Ju. V. Decausative in English and german	126
Dorokhova Yu. E. The problem of equivalence and nonequivalence in translation and bilingual lexicography	131

METHODOLOGY OF LANGUAGE TEACHING

Beksaeva N. A. New strategies in independent foreign language learning	142
Sbitneva N. N. Linguocultural integrated course as a way to create an integral picture of the world cadets in training to foreign language in the military College	148

ABSTRACTS	124
------------------------	-----

INFORMATION ABOUT AUTHORS	130
--	-----

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

УДК 82.0

SYMBOLIC CHARACTERS IN KURT VONNEGUT'S FICTION

Sidita Hoxhiq Dano
(Tirana, Albania)

Kurt Vonnegut is one of the most well known and prolific writers of the 21st century American literature. He has been labeled as a science-fiction writer, as a black humorist, as a satirist and as a postmodernist. His most well-known novels are "Player Piano", "Sirens of Titan", "Cat's Cradle". But the novel that put him on the pedestal of postmodern American writers was "Slaughterhouse-Five", considered an anti-war novel.

His characters are human beings, being stuck in a time, in a moment, or being stuck in an "unstuck" situation, moving from one planet to another. They live the end of the world. But the most important is that Vonnegut's characters are symbolic. That is the aim of this paper: to present some of the most symbolic characters of Vonnegut's fiction, that serve the idea of the novel, more than the structure. For this reason, I have divided the characters into those who try to find solution to their problems in a universal pilgrimage – represented by Billi Pilgrim and Malachi Constant- and those who wait for the end to come in their own apathy – represented by Jonah and Paul Proteus.

Keywords: fiction, characters, dehumanization, quest, idea

On April 11th, 2007 dies one of the most well-known writers of the 21st century American literature. During his life he wrote essays, plays and short-stories, but the reader knows him best as a novelist. His novels turned into symbols to students of the '60 and '70, who strongly opposed the Vietnam war.

Like Mark Twain, he used his humor and satire to respond some questions that troubled him as a writer, but also the American society in general. At the center of his fiction was the old question of free will and the meaning of life, death and love. The usage of figures like Jonah and Christ, made the connection of the common man's fate to the divine will.

However, using techniques of the science-fiction, satire, humor and post-modernism, Vonnegut did not write only about metaphysical issues, but also about everyday themes of American urban culture.

His novels are built as complex compositions, allowing the narrator to enter every angle of the story, by maximizing and minimizing the elements of sci-fi and grotesque. He creates new realities, by creating new planets, like Tralfamador, or Titan; he creates new religions, like that of Bokonon; not as a mere means of science-fiction, but as a way to criticize and oppose the present reality.

He is of German origin, but his family moved to Illinois many years before. His father was an architect and his mother came from a very rich family. He went to Cornell to study chemistry, but he was always fond of writing, starting with the school newspaper. However, the most significant moment in the life of Kurt Vonnegut is Dresden. During the Battle of the Bulge, the largest American defeat of the Second World War, Vonnegut was captured by the Germans. As a prisoner of war, Vonnegut was shipped to Dresden, and along with other prisoners, he was kept in a slaughterhouse, which had the number 5. When they emerged a few hours later, he found out that the allied forces had destroyed the beautiful city of Dresden, with its unique architecture, and more than 130.000 people died. This wartime experience served him as basis for his most famous and important novel, "Slaughterhouse-Five". However, Vonnegut's art is influenced by other important events and literary figures.

Vonnegut frequently mentions Robert Louis Stevenson as an important influence in his writing. He says that he kept his example in mind while he was writing about popular magazines in the '50s. But, when he is asked to name his favorite writer, he says George Orwell, the author of "Animal Farm" and "1984". There are also other critics who say that the way that Vonnegut uses science-fiction into his novels is too much owed to Aldous Huxley, with "Brave New World", or that he has uses the humor of Mark Twain to satirize the problems of American society.

Vonnegut has caused debates among scholars, not only about his ideas, but also about his art. There were those who did not really appreciate his science-fiction literature, by considering it as a very low kind of art. But there were those who valued his art, saying that science-fiction was not a technique, but it was a means of Vonnegut's writing to create his novels. There those who liked to characterize him, like calling him a satirist, a black humorist and a postmodernist. He has always rejected labeling. On the other hand, some critics accused him of repeating themes,

repeating characters, repeating ideas and repeating structures. Seeing that a character like Kilgour Trout are found in more than two novels, is to be considered. Even though, in Vonnegut's novels, we lack well-rounded characters, they do have strong symbolic function to the novel and to the message of the novel.

Vonnegut's world is gone chaotic. He is always in this search for the meaning of life. In "Cat's Cradle" he tells us that all the answers to that question are lies and the best we can do is to live by those lies that make us "brave and kind and happy and healthy". In "Breakfast of Champions" Kilgore Trout finds the question "What is the purpose of life?" written on a bathroom wall. Moreover, Trout's answer is "to be the eyes and ears and conscience of the Creator of the Universe, you fool" [Vonnegut, BCh., pg. 67–68]. In "The Sirens of Titan", he mocks with the question and those who search for the answer in the outer space when he starts the novel by saying that "Everyone now knows how to find the meaning of life within him."

As I said, his characters are not well rounded. All they do is serve the structure of the novel and the ultimate message that the author wants to convey. They are people stuck in one place and are unable to change the situation. External forces, like nature, sophisticated scientific means or aliens, direct them. They are characterized by a lack of control of their life and consequently we do not expect a change of the situation. They are lonely people. Even though, they might be married, like Paul Proteus, or they may have children like Bill Pilgrim, they still feel the need to be loved and to be in the presence of other people. While reading Vonnegut's novels, we can see that these characters are somehow desperate. While some of them, like Paul Proteus and Jonah, who wait in apathy for the end of the world, there are others, like Bill Pilgrim and Malachi Constant, who want to find a way out, into the universe, travelling in other planets. However, these four "Vonnegutian" characters bear a very strong symbolism. I have chosen to pair them, not only based on the actions they take, but on the symbols they bear. Paul Proteus and Jonah bear a mythical symbolism, while Malachi Constant and Bill Pilgrim, a semantic one.

Vonnegut's first novel was "Player Piano" published in 1952. It is set in the future after a fictional third world war. During the war, while most Americans were fighting overseas, the nation's managers and engineers developed ingenious automated systems that allowed the factories to op-

erate with only a few workers. It is the story of Paul Proteus, the young manager of the Ilium Works and the son of the late George Proteus who had served as Director of National Industrial, Commercial, Communications, Foodstuff and Resources. As a brilliant administrator who is only 35 years old, Paul has a major opportunity to assume a major position in America's technocracy. But he becomes more and more disillusioned with the system. At the same time, Vonnegut gives another parallel plot, that of the Shah of Bratpur, who comes to visit America. He sees immediately the emptiness of American life, which is all focused on the mechanization of the society. Paul wants to escape this reality and he rebels by trying to join the "Ghost shirts", which is a rebellious group rebelling against the technocracy of the society. Very quickly, Paul is kept by the police and realizes that it is very difficult, almost impossible to change.

So, the main character in this novel is Paul Proteus. It is not a coincidence for Kurt Vonnegut. In fact, Vonnegut wrote this novel, based on the experience he had in Cornell, but also when working at General Electrics. However, Paul, bears a mythical symbolism, which serves the author to convey the idea of the destruction of the society by technology in modern America. His name is related to the Greek myth of Homer's *Odyssey*. He is a sea monster that can change his shape at will. The relation of Vonnegutian Paul to the myth is that he lacks a shape. In fact, the American society is so planned, that is run by corporations for profit. In the novel, the narrator gives us an example where a machine chooses people randomly to employ, without taking into consideration the human part. "Player Piano" gives the image of a society with no real place or need for humans any more. Paul, like the myth, tries to be "a free man". But he is controlled by a society dominated by such machines. The critic Thomas Marvin calls him "an ultimate insider". He goes further by saying that "...Paul becomes a representative man of the machine age. His lack of a stable identity, his inability to understand himself or others, and his desire for a powerful organization that can answer his nagging questions are revealed to be symptomatic of the times, and not just personal failings" [Marvin, T. pg. 30–31]. With the passing of the time, and with the parallel plot of the Shah of Bratpur opposing him, Paul feels the need to change. Not the change of the myth, anytime he wants and in any shape he wants, but he must have the strength, will and possibility of the myth to change. That is why Paul tries to enter a group, which rebels the technocracy of the American society. Because, Paul is "the one most out of touch, having had little time for reflection, having been so eager to join a large confident

organization with seeming answers to the problems that had made him sorry to be alive” [Vonnegut, PP, pg. 334]. In this way he realizes that he does not want to be just a lone human manager overseeing machines. On the other hand, this change for him is not easy. He finds that he has made a bad decision going to the “Ghost Shirt Society” and tries to change it. But that change is not done so easily. For the critic Stanley Schatt “he is not ready”. According to him “Paul feels a moral responsibility to search for a solution to the problems poses by an unjust society, but he chooses unwisely because of his own insecurity” [Schatt, pg. 23].

Another novel of Kurt Vonnegut, where he uses a symbolic character is “Cat’s Cradle” (1963). It was more successful than “Player Piano”, mingling again elements of science-fiction, satire and bitter humor. It is a story told by a first person narrator, who says “Call me Jonah”, since in the opening. He is a writer and wants to write a book about “The day the world ended”. He wants to find the scientist who invented the atomic bomb. Instead he searches his three rotten children, who have a part of ice-9, a combination of elements that when in contact to water, they turn everything into ice. In this journey, he ends in the island of San Lorenzo, which is governed by a dictator. The life in the island is kept by a morality play in which good and evil battle endlessly. Jonah or John gets to know a religion that is prohibited to the people in the island, called Bokononism. This religion is based on the “harmless untruths”. It has its own Books of prays and it is read much like the Bible’s New Testament.

“Call me Jonah” is an expression that many people relate to Melville’s “Mobi Dick”: “Call me Ishmael”. In both novels, the reader asks if it is the real name of the narrator. Thomas Marvin makes a parallelism with the white color of the whale to the white color of ice-9. But he and Stanley Schatt consider also the reference to the Biblical character of Jonah. God calls prophet Jonah to travel to Nineveh and warn its citizens to give up their evil ways or he will destroy the city. Jonah does not go and takes a ship to the opposite direction. A storm happens and the sailors want to understand who brought the wrath of God into them. He confesses, then is thrown into the sea and he is eaten by a big fish. After three days, Jonah comes to shore and decides to go to Nineveh and preach the word of God. The people repent and the city is saved. But Jonah is mad, because he wanted Nineveh to be destroyed. But God is more concerned for the people than for Jonah’s prophecy.

Unlike Paul Proteus, Jonah does not want to change anything, science is threatening human beings. It is not a machine, but it is ice-9. Both

of them pass through a passage of epiphany before deciding to change. While Paul Proteus understands the situation as technology is replacing people every day and he is being part of the same technocracy, Jonah on the other hand, understands the difference of American society to that of San Lorenzo, when he lives there himself. But Jonah is not related to the myth of change. He is seen by most people as a representation of bad luck. Nevertheless, the idea of Vonnegut is that someone else controls human destiny, when he says, “somebody or something has compelled me to be certain places at certain times” [Vonnegut, K. CC, pg. 1].

Like Proteus, which is stuck in Illium, Jonah is stuck in San Lorenzo. His main job now is the quest for truth. Todd Davis sees Jonah “as a mirror to our own stubborn refusal to admit that the only meaning in the universe is the meaning we create for ourselves” [Davis, pg. 62]. And that is what Jonah does. He starts to find information about the book called “The day the world ended”. “The book was to be factual. The book was to be an account of what important Americans had done on the way when the first atomic bomb was dropped on Hiroshima, Japan. It was to be a Christian book. I was a Christian then. I am a Bokononist now.” Like Jonah in the Bible, he has to find the truth, write a book and tell the world about it. But along the way he risks being a nihilist and ends up being a Bokononist. Like in the Bible, even though he tries to avoid it, he can not gather the three parts of ice-9, which are in the hands of the scientist’s children. At the end, a part of it ends in the waters of San Lorenzo, they freeze, and so on the whole world ends up frozen.

So, while in “Cat’s Cradle”, Vonnegut brings the vision of the world locked up in ice that will not melt, in “Player Piano”, he brings us the vision of the despaired man, whose job is “to do a good job of being human beings”. Like Proteus is in search of an identity, so is the modern American. Like Jonah, in search for truth, so is Vonnegut.

Illium is not a setting to Paul only, it is also a setting to Bill Pilgrim, the main character of “Slaughterhouse-Five”. As mentioned above, it is the story of Dresden, but told in another way. Like his contemporary, Joseph Heller, Vonnegut wanted to show the atrocities of the Second World War. But “there was nothing wise to be told about a massacre”, so Vonnegut chooses another kind of narration, and that included elements of science-fiction, telegraphic-schizophrenic manners, stream of consciousness, etc. What serves him best to do that is the main character, Bill Pilgrim. As his name implies, Bill is a “pilgrim”. Having suffered in the WWII, having

been a prisoner, he is wounded, like many other characters of the time. Much like Heller's Yossarian, Vonnegut's Billy Pilgrim has been disillusioned by the bombs of the war and longs to reconcile himself to the experience. It is the hard effort to explain something as absurd and cruel as war. But unlike others, Bill becomes "unstuck" in time and space. The narration is just like messages of planet Tralfamador, which Bill visits a lot. One moment he is in Illium, then we find him in the slaughterhouse in Dresden, and suddenly he is in Tralfamadore. It is as if he can not make a distinction between fiction and reality, because like Paul Proteus and Jonah, he feels hopeless. However, unlike them, Bill tries to find a way out and that is by a pilgrimage in the universe, trying to find a new planet.

On the other hand, the critic Thomas Marvin, sees the symbolism of Bill's Pilgrimage as a reference to "Christ figure" [Marvin T., pg. 124]. For him, Bill is an anti-war hero. Jerome Klinkowitz, another scholar finds a relation between Vonnegut as a writer and Bill. "Above all, Vonnegut and his protagonist find themselves conventionally speechless in the face of ultimate but unanswerable questions, unanswerable at least within the limits working to confine them" [Klinkowitz, J. pg. 89]. But the answers to the questions of Bill, does not come from the earthlings, but from aliens of Tralfamadore.

"The most important thing I learned on Tralfamadore was that when a person dies he only appears to die. He is still very much alive in the past. ... It is just an illusion we have here on Earth that one moment follows another one, like beads on a string, and that once a moment is gone it is gone forever [Vonnegut, K. SH5, pg. 26–27].

Besides Bill, also Malachi Constant is another character of Vonnegut's that tries to find a way out by visiting another planet. He is the main character in "Sirens of Titan". After loosing all his wealth, he fulfills the prophecy of Rumfoord to go into another planet, and have a son with Rumfoord's wife. He goes to Titan. As the years go by on Titan, Malachi Constant lives the simple life of a farmer. But, eventually he comes back to Earth. Waiting to catch a bus to the city's center, Malachi Constant freezes to death in the snow. Just like in "Cat's Cradle", the end comes from a "white" death. Malachi is also seen as a Jonah figure. In fact, Malachi uses the name Jonah Rowley, when he visits Rumfoord's estate, preparing the reader for his anxious flight from Rumfoord's prophecy. As Jonah, Malachi becomes the focal point of Vonnegut's moral discourse. According to the narrator, Malachi's wanderings across the universe represent "empty heroics, low comedy and pointless death" [Vonnegut, K.

ST, pg.8]. The scholar Todd Davis says that “Sirens of Titan focuses on the cosmological education of one man: Malachi Constant” [Davis, T. pg.55]. I would say that this is the real symbol of the character of Malachi, which means “constant messenger”. Malachi is a messenger, and his message is revealed immediately, in the opening of the novel that “everyone now knows how to find the meaning of life within himself” [Vonnegut, K. ST. pg.1]. So, Bill Pilgrim and Malachi Constant do not only bear a semantic symbol to the novels, but they serve also to the symbolic idea that the author wants to reveal to the reader.

Vonnegut’s characters, bearing not only mythical, biblical and semantic symbols, they also serve to Kurt Vonnegut to build the structure and serve the main idea. He has been accused very often that he uses only elements of science-fiction, but he has always known how to master it. He is considered to be an author of ideas, rather than characters. But the latter have always helped to the idea. Vonnegutian characters have been influenced by external forces. These forces manipulate and control every human being’s actions and thoughts for their own mean purposes. They have two solutions: either to wait in apathy, or quest to discover the meaning of life in another dimension. They suffer from a lack of will or passivity. But not all of them end up in despair. “Player Piano” ends with no clear resolutions, whereas “Sirens of Titan” ends with a literal movement towards light. While “Cat’s Cradle” ends in a frozen world, Bill Pilgrim of “Slaughterhouse-Five” finds the answers of life in an alien organization. Outer forces control them, which can be nature, science and even God.

Above all, Vonnegut’s characters are human. That is why he always says that “a purpose of human life is to love whoever is around to be loved” [Vonnegut, K. ST, pg. 320].

References

- ¹ Vonnegut, Kurt. *Breakfast of Champions*. New York: Delacorte Press, 1973
- ² Marvin, Thomas F. *Kurt Vonnegut, A Critical Companion*, Greenwood Press, 2002
- ³ Vonnegut, Kurt. *Player Piano*, New York: Charles Scribner’s Sons, 1980
- ⁴ Schatt, Stanley, Kurt Vonnegut, Jr. G.K. Hall &Co, 1976
- ⁵ Vonnegut, Kurt. *Cat’s Cradle*. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1998

⁶ Davis, Todd F. Kurt Vonnegut's Crusade, State University of New York Press, Albany, 2006

⁷ Marvin, Thomas F. Kurt Vonnegut, A Critical Companion, Greenwood Press, 2002

⁸ Klinkowitz, Jerome. The Vonnegut Effect, University of South Caroline Press, 2004

⁹ Vonnegut, Kurt. Slaughterhouse-Five. New York: Delacorte Press, 1969

¹⁰ Vonnegut, Kurt. Sirens of Titan. New York, Dell, 1998

Bibliography

1. Allen, William Rodney. Understanding Kurt Vonnegut. University of South California, 1991.

2. Bloom, Harold. Kurt Vonnegut's Slaughterhouse-Five. Infobase Publishing, 2009.

3. Hipkiss, Robert A. The American Absurd: Pynchon, Vonnegut and Barth. Port Washington, N. Y.: National University Publications / Associated Faculty Press, 1984.

4. Klinkowitz, Jerome. The Vonnegut Effect. University of South Carolina Press, 2004.

5. Marvin, Thomas. Kurt Vonnegut, A Critical Companion. Greenwood Press, 2002.

6. May, John R. Vonnegut's Humor and the Limits of Hope. The Critical Response to Kurt Vonnegut. Greenwood Press, 1994.

7. Scholes, Robert. Kurt Vonnegut and Black Humor. Critical Essays on Kurt Vonnegut. Robert Merrill. Boston: G.K. Hall, 1990.

8. Todd, Davis. Kurt Vonnegut's Crusade: Or how a postmodern harlequin preached a new kind of humanism. State University of New York, 2006.

УДК 82.0

СПОСОБЫ ОТРАЖЕНИЯ ВКРАПЛЕНИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ

Н. Е. Атжанова

В настоящей статье рассматриваются вопросы взаимодействия и взаимообогащения языков. Производится анализ казахских слов-реалий, а также описываются способы внедрения вкраплений в двуязычные художественные тексты.

Ключевые слова: духовная жизнь, нравственно-эстетическое освоение действительности, художественное слово, национальная лексика, безэквивалентные слова.

Отличительной чертой современного общественного процесса является обостренное чувство всеобщей взаимосвязанности материальной и духовной жизни людей, выраженное в попытках познать и осмыслить идеи и формы культурно-исторического и нравственно-эстетического освоения действительности.

Использование двуязычия в различных сферах общественной жизни имеет свои особенности. Это, так сказать, проявление двуязычия как функциональной потребности, необходимости «что-то сказать другому». Вместе с тем двуязычие выступает как инструмент удовлетворения духовных, нравственно-эстетических потребностей личности и общества, что находит свое выражение именно в сфере художественно-литературных контактов между народами. Сфера художественной литературы на современном этапе характеризуется дальнейшим распространением двуязычия, фактора воздействия на всестороннее совершенствование языковой жизни и литературы многоязычных народов Казахстана в их взаимообогащении.

Как отмечает Б. Хасанов: «Двуязычие, являясь мощным средством межнационального культурного общения, расширяет диапазон живой связи писателя с творчеством разных народов, с их художественной культурой и обеспечивает сочинение художественных произведений на двух языках или мастерское использование элементов другого языка» [1. С. 12]. Художественно-литературная письменная речь, в отличие от устной, всегда организована и все ее эле-

менты упорядочены. Так, элемент второго языка, введенный в текст, сопровождается переводом или разъяснением в тексте или вне его (порою и в тексте, и вне его). Писатели-билингвы в художественном творчестве используют и создают своеобразные приемы двуязычного словоупотребления. В результате мы являемся свидетелями того, что наряду с произведениями, написанными на одном языке или с иноязычными элементами, есть и такие, что по словарному составу и структуре отражают своеобразное художественно-литературное двуязычие. Оно может отражаться в творчестве одного писателя – в его сочинениях, написанных на разных языках, – но отнюдь не всякий билингв может написать двуязычное художественное произведение, совмещая в нем два языка. Среди казахстанских писателей можно назвать Бауржана Момышұлы и Герольда Бельгера.

Художественный текст выступает как феномен, отражающий фрагмент языковой картины мира автора. В процессе восприятия и осмысления художественного текста читателем происходит наложение языковой картины мира автора и читателя. В билингвистическом произведении русскоязычный текст опирается на казахскую культуру, а казахская культура как система материальных и духовных ценностей народа воплощается в русскоязычном тексте. Текст, будучи знаковой системой, требует от инокультурного читателя погружения в чужую культурную среду. Главным средством передачи фоновой информации является слово как лингвоспецифическая единица национальной лексики. Слово, функционируя внутри определенной этнокультурной общности людей, может быть вовсе непереводаемым на другие языки или не иметь адекватного перевода. Такие безэквивалентные слова и значения можно определить как собственно фоновые. Речь идет по сути дела о культурном фоне, закрепленном за тем или иным словом. По мнению исследователей [2. С. 34], национальную культуру можно понять через ключевые слова национального языка. В этой связи наша цель представить способы передачи казахских специфических лексических единиц в произведениях двуязычных писателей.

Особый аспект рассматриваемой проблемы – функционирование национальной лексики в билингвистическом тексте. Критерием определения национальной является наличие в тексте национальной лексики. В двуязычном тексте национальной считаем лексику языка, за которым стоит воплощенный в тексте культурный слой языка, являющегося для писателя первым родным. Е. М. Верещагин и В. Г. Ко-

стомаров следующим образом определяют специфику национальных слов: «Слова, служащие для выражения понятий, отсутствующих в иной культуре и в ином языке, слова, относящиеся к частным культурным элементам, а также слова, не имеющие перевода на другой язык, не имеющие эквивалентов за пределами языка, к которому они принадлежат» [3. С. 57]. Подобные безэквивалентные единицы составляют лишь один пласт национальной лексики. Можно говорить о различной степени межъязыковой эквивалентности таких единиц.

Казахизмы, с одной стороны, отражают лексику казахского языка, безэквивалентную по отношению к русскому. С другой стороны, существует пласт лексических единиц, не имеющих полной эквивалентности в русском языке. Можно говорить об относительной безэквивалентности этого пласта собственно национальной лексики по отношению к русскому языку. В казахском языке есть наименования предметов с узкоспециализированным лексическим значением, отсутствующим в русском языке по объективным причинам. Их специфика обусловлена определенными условиями жизни, своеобразным бытом и шире – определенным мировосприятием. С этой точки зрения значительный интерес представляют лексические единицы, имеющие ярко выраженный национальный компонент в составе лексического значения. Национальный компонент значения – доля значения, отражающая специфически национальное представление обозначаемого. В исследуемом материале представлены национальные единицы, занимающие разное положение на векторе безэквивалентности. Национальная лексика в одной своей части может быть отнесена к собственно безэквивалентной; в другой части – к относительно безэквивалентной.

Билингвизм – сложное психолингвистическое явление, которое предполагает владение двумя языками и связано с такими понятиями, как языковая картина мира, языковое сознание, языковая личность, языковая способность, а также с национальной культурой народа – носителя данного языка. Язык является не только средством общения, но также орудием мышления и инструментом познания, отражением картины мира. Усвоение национальной языковой картины мира другого народа в свою очередь способствует формированию языковой личности, т.е. личности, не просто владеющей языком как кодом, а усвоивший нравы, обычаи, культуру – менталитет народа – носителя языка. Значит, усвоение национальной языковой картиной мира двух народов в условиях активного билингвизма по-

может формированию полноценной билингвальной языковой личности. Только билингвальная языковая личность, усвоившая языки в органической связи с культурой народов – носителей этих языков, в состоянии воспринять речь. Усвоение билингвом национальной языковой картины мира двух народов связано с формированием у него языкового сознания, которое является частью национального самосознания. Языковое сознание индивидуально по своей природе, но соотносится с национальной культурой народа – носителя языка. Степень языкового сознания зависит от таких условий, как степень владения языками, широта кругозора, степень образованности.

Вкрапления очень хорошо просматриваются в произведениях писателя-билингва Б. Момышұлы. Сопоставительный анализ двуязычного произведения писателя «Ұшқан ұя» - на казахском языке и «Наша семья» - на русском языке показывает, что автором преимущественно используются два способа передачи казахских слов-реалий и вкраплений: в тексте как пояснение; вне текста в виде сноски. Приведем конкретные примеры.

1) вне текста, в виде сносок:

Күй – музыкальное произведение без слов.

Би – выборный судья.

Қос – несколько табунов, которые обычно пасутся вместе, но в стороне от других косов.

Төре – знатные казахские роды, ведущие свое начало от чингизидов; обычно их представители занимали влиятельные должности.

Жайлау – летние пастбища, они были строго распределены по отдельным племенам и родам.

Саба – бурдюк для кумыса, сшитый из нескольких воловьих шкур.

Отағасы – обращение к почтенным людям, букв. – хранитель очага.

Женеше – тетушка; обращение к жене старшего брата.

Бауырсақ – пончики из сдобного теста, жаренные в кипящем масле.

Дастархан – скатерть, накрытый стол.

Құрық – длинный тонкий шест с веревочной петлей на конце, для ловли лошадей.

Бәрекедi – прекрасно, возглас одобрения.

Ағай – старший брат, дядя, может употребляться как уважительное обращение к мужчине, старшему по возрасту.

Қара-Тау – название горы.

Айналайын – милая, милый.

Отау – юрта, меньшая по своим размерам, предназначенная для молодоженов.

Төр – почетное место в юрте, напротив входа, у очага.

Мырза жігіт – щедрый деверь; к брату мужа не было принято обращаться по имени, давались специальные уважительные обращения; данное обращение к младшему брату мужа, а к старшему брату невестка обращалась **қайын аға**.

Шырағым – лучинка моя, светик мой, свет моих глаз.

Тамыр – друг, иногда в значении – побратим.

Көрімдік – подарок при показе невесты, жениха или новорожденного.

Байғазы – подарок за обнову.

Кимшек – легкий женский головной убор.

Сүйінші – подарок за доставленную весть.

Шіркін – восклицание, выражающее высшую степень восхищения чем-нибудь.

Айтыс – поэтическое состязание двух певцов (поэтов-импровизаторов).

Той – праздничный пир.

Қоржын – переметная сумка.

2) в тексте, в описательной форме:

- «... В третью годовщину смерти деда отец устроил большой **ас** с призами для наездников, а также борцов и певцов, пригласив весь уезд. У казахов существует закон, определяющий права и обязанности семьи, родственников и близких. Это не разновидность «усовершенствованного кодекса» о браке, семье и опеке. Нет, это веками сложившиеся традиции и обязанности, нормы поведения, основанные на человеческом достоинстве, морали и справедливости. Отец обязан вырастить детей и дать им хорошее воспитание, женить сына, выдать замуж дочерей и поровну разделить между ними **енши**, то есть долю из своего состояния, когда они станут самостоятельными, захотят отделиться и жить своей юртой. Отец должен охранять честь семьи и рода.

Сыновья обязаны «беречь родных от плохого имени», то есть не делать ничего такого, что давало бы повод другим плохо говорить о них. Дети должны до конца жизни не допускать грубостей и непочтительного обращения, уважать их старость, с почетом похоро-

нить, помнить их во всех молитвах и устраивать **асы** – поминки. Если по какой – либо причине не устраивался **ас**, то это считалось невыполнением сыновнего долга и заслуживало порицания. «Отец и мать остались непомянутыми», – это рассматривалось как дурной поступок, неуважение к памяти родителей и осуждалось из поколения в поколение. **Ас** полагалось устраивать щедро, не жалея для этого ничего. В его подготовке принимала участие вся семья. **Ас** в честь старых, хорошо проживших свой век людей носил торжественный характер и справлялся как праздник в честь человека, ушедшего из жизни, исчерпав всю полноту, оставившего достойное наследие. **Ас** по молодым проводился в печали, как по преждевременно ушедшим из жизни. Большие **асы** устраивались состоятельными людьми, и о них извещали близкие и дальние аулы за два – три месяца, приглашалась вся округа. О предстоящем **асе глашатаи – жыршы** в стихотворной форме объявляли на базарах. Они с похвалой говорили о покойном и достойных его сыновьях, объявляли место и порядок проведения **аса**, призывали **акынов и саяпкеров – наездников** – готовиться к выступлению, обещая им большие призы. Все готовились к такому **асу**. Приводили в порядок одежду, сбрую, коней, выхаживали и тренировали скакунов: ведь на таких сборищах встречались люди со всей округи...»

- Женщины в ослепительных **кимешеках и жаулыках**, расшитых кораллами – **маржанами**. Под подборками у них висели **тумарша** (серебряные треугольники, вышитые узорами), на шпильках которых были нанизаны красные кораллы с круглой подвеской или монетой. **Кундык – жаулык** наматывается из десяти – пятнадцати метров материи, с кокардой – вышивкой в центре. Намотать **кундык** – это целое искусство; материю наматывали так складно, что вечером кундык снимался, как корона, и не терял формы. Длинный хвост **кимешека** сзади висел, как фата. На одной из женщин было пальто из черного бархата, подбитое спереди коричневым мехом и окаймленное серебристо – белым галуном. Из-под пальто видна была белая, в оборку, длинная юбка, пояс из красной материи с серебряной пряжкой пересекал в талии черный бархат. Другая была разодета тоже по-праздничному, только **чапан** у нее был из зеленого бархата, перетянутый расшитым многоцветным поясом с бахромой. Девушка была в высокой меховой шапке с голубым бархатным верхом, расшитым кораллами. На шее в несколько рядов висели коралловые бусы. **Бешмет** с серебряной застежкой у пояса подчеркивал

тонкость талии и складками разбежался книзу. Бархат по обеим сторонам был обшит серебряными украшениями. Девушка тоже была в светлой трехполой юбке, такой широкой, что если бы она взялась за концы ее и закинула руки над головой, веер юбки не открыл бы ног. Она была в красных сафьяновых сапожках на каблуках.

• В молодости отец имел прозвище **Молда-бала** – грамотный парень, **Уста-бала** – мастеровой парень. Бабушка звала его **Кара катпа**, то есть черный, сухой, как мумия. Отец усмехнулся, не без удовольствия погладил свои усы и бороду, подумал немного, исподлобья посмотрел на меня и, снова усмехнувшись, сказал:

– Раз ты задаешь мне такой прямой вопрос, значит ты созреваешь, сынок... Зрелому, как говорить, зрелый ответ. Я тебе скажу прямо, безо всяких обиняков. Ты, наверное, знаешь, почему говорится в народе: «**Сырты кампиган – іші қуыс**» – внешне сыт, а внутри пусто. Я не был таким бедняком. У нас всегда было внешнее худо, а внутри жирно...

• После обеда происходили конные скачки. Назначалось три приза – конь, корова и теленок... В **байге** – скачках принимали участие до тридцати лошадей, **кунанов**, то есть трехлеток; по обычаю **тоев**, коней старше трех лет не выпускали. Победители получали свои призы, после чего снова начиналось козлодрание – **кокпар**, как и вчера. Вечер и ночь прошли в **айтысах** [4. С. 17; 48; 62].

Писатель-трилингв, публицист, переводчик Г. Бельгер указывает: «Неравнодушие и любопытство, неистребимая тяга к другим мирам, к другой культуре есть бесспорный двигатель прогресса, парадоксальная основа самопознания и начало сближения иноязычных духов добра и благородства» [5. С. 118].

Таким образом, вкрапления как элемент национальной лексики занимают особое место в межкультурной коммуникации и способствуют взаимообогащению контактируемых языков.

Список литературы

1. Хасанов, Б. Казахско-русское художественно-литературное двуязычие. Алматы : Рауан, 1990. С. 191.
2. Вежбицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М., 2001. С. 118.

List of literature

1. Hasanov, B. Kazahsko-russkoe hudozhestvenno-literaturnoe dvujazychie. Almaty : Rauan, 1990. S. 191.
2. Vezhbickaja, A. Ponimanie kul'tur cherez posredstvo kljuchevyh slov. M., 2001. S. 118.

3. Верещагин, Е. Лингвострановедческая теория слова / Е. Верещагин, В. Костомаров. М., 1980. С. 134.
 4. Момышұлы, Б. Наша семья. Алматы : Өнер, 2008. С. 262.
 5. Бельгер, Г. Казахское слово. Астана, 2010. С. 289.
3. Vereshhagin, E. Lingvostranovedcheskaja teorija slova / E. Vereshhagin, V. Kostomarov. M., 1980. S. 134.
 4. Momyshyly, B. Nasha sem'ja. Almaty : Өner, 2008. S. 262.
 5. Bel'ger, G. Kazahskoe slovo. Astana, 2010. S. 289.

УДК 82-313.3

РУССКАЯ ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКАЯ ПРОЗА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

В. П. Булычева

Первая половина двадцатого столетия – время взлета в развитии науки, техники, культуры в России. К этому времени существенно изменилась и увеличилась читательская аудитория. Появился массовый читатель, появилась мода на ту или другую литературу. Такой литературой стала приключенческая литература. Задачей ее являлось создание на протяжении всего произведения эмоционального напряжения, которое вынуждало читателя следить за перипетиями произведения.

Ключевые слова: приключения, русская, литература, жанр, детектив, фантастика, авантюра, сюжет, герой.

Приключения – это великая сила. Они способны перенести нас в иное время, в иные миры. Именно приключенческая литература служит своеобразным увеличительным стеклом, которое показывает, открывает реальный мир, в котором мы живем во всех аспектах. Перед читателем открывается мир с необычной стороны, со всеми подробностями и нюансами.

Советский период – время расцвета приключенческой литературы: А. Грин – «Алые паруса», «Бегущая по волнам», Б. Полевой – «Повесть о настоящем человеке», А. Рыбаков – «Кортик», «Бронзовая птица»; книги Л. Шейнина, Л. Никулина, И. Ликстанова, А. Адамова, да и вся военная проза (достаточно указать на имена В. Некрасова, Э. Казакевича), где естественна приключенческая атмосфера.

По мнению многих писателей, исследователей приключенческая литература всегда с острым сюжетом, ситуациями, направленным действием, связана с научной фантастикой, детективом, содержит элементы путешествия. Такая литература востребована читателями разных возрастных групп. С помощью этого жанра государство ненавязчиво пропагандирует некоторые свои идеи, формирует общее представление о нравственности, особенностях поведения человека в обществе [1. С. 12].

В приключенческой литературе герои всегда стремятся преодолеть большие препятствия, невзгоды, беды и несчастья. В этом им помогает случай, острый сюжет. Как правило, это один из признаков приключенческой литературы. Именно это определяет характеры, судьбы, диктует – каким быть герою. Интерес к такой литературе у человечества возник очень давно, вне зависимости от возраста и рода деятельности. Он вызван чистотой жанра, противоборством добра и зла, динамикой событий, сюжетными переливами, яркостью красок, выразительностью деталей реальной жизни.

Нас привлекает этот жанр еще и потому, что его герои наделены авантюризмом, иногда положительным, иногда отрицательным. Согласитесь, в душе почти каждый человек хоть немного авантюрист.

В приключенческой литературе положительный герой зачастую бродит, скитается по белому свету только потому, что оклеветан негодьями или не хочет жить более в лживом мире обывателей. Он не ищет выгоды для себя. Он борется за свободу, защищает беззащитных. В этом жанре с героями происходят приключения случайно и неожиданно, происходит борьба героя и антигероя, которая заканчивается торжеством добра и великодушия, спасением положительного героя, наказанием отрицательного.

Среди ученых нет определенного мнения, когда возникла приключенческая литература. Тем не менее, очевидно, что широкое распространение она могла получить после судебной реформы 1866 года. Изменились условия жизни людей. Преступления были всегда и везде. Но после отмены крепостного права резко возросла поляризация общества, стали менее устойчивы сословные и семейные связи. Россия оказалась на путях выхода на капиталистические рельсы. В связи с этим стало расти число преступлений. Поэтому приключенческая литература захватывает и детективный жанр. Тему преступности затрагивают многие писатели: Ф. Достоевский, Л. Толстой, И. Бунин, Н. Лесков, А. Чехов и другие [1. С. 32].

Первая половина двадцатого столетия – время взлета в развитии науки, техники, культуры в России. К этому времени существенно изменилась и увеличилась читательская аудитория. Появился массовый читатель, появилась мода на ту или другую литературу. Такой литературой стала приключенческая литература. Задачей ее являлось создание на протяжении всего произведения эмоционального напряжения, которое вынуждало читателя следить за перипетиями произведения.

В приключенческой литературе очень часто сюжет посвящен раскрытию загадочного преступления, конфликта, основой которых является столкновение двух сил: закона и беззакония, нормы и беспредела. В итоге – победа справедливости. Основным признаком приключенческого жанра является загадочное происшествие, причины которого неизвестны, но они должны быть выяснены. Тайна – неперемненное условие приключенческой литературы. Она питает действие, и чем сложнее тайна, тем больше она интригует человека.

К основоположникам русской приключенческой литературы можно отнести А. Н. Толстого «Гиперболоид инженера Гарина», Ф. Шагинян «Месс-Мент», Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», А. П. Чехова «Злоумышленник».

Развивается социалистическое общество, растет и сопротивление классового врага. Враждебное окружение СССР засылает шпионов, диверсантов. Появляются враги и внутри страны. Начинается погоня за инакомыслящими, идут судебные процессы, растет число ссыльных. В литературе появляется шпионский жанр. К основателям этого жанра можно отнести А. Н. Куприна «Штабс-капитан Рыбников», Н. Н. Брешко-Брешковского «Гадины тыла», «В сетях предательства», «Ремесло сатаны».

«Штабс-капитан Рыбников» – это своеобразный психолого-приключенческий детектив, который интригует читателя с первых страниц. Уже первые строки рассказа выдержаны в духе детектива <...> По драматизму и психологической тонкости он может быть причислен к лучшим образам остросюжетного жанра», – отмечал А. А. Волков [3. С. 177]. Создается впечатление, что уже в экспозиции рассказа Куприн стремительно вводит в его структуру все характерные для детективного жанра реалии: шифрованная телеграмма, внезапное исчезновение её получателя, допрос хозяйки, у которой проживал загадочный постоялец, несданные в гостинице документы и полный комплект штатского белья в чемодане бедного армейского офицера. Писатель, исповедовавший принцип «не выкладывать» в произведении «своих намерений в самом начале», представить «дело так, чтобы читатель ни за что не догадался, как распутается событие», неожиданно сам помогает читателю и уже «в самом начале» предлагает нам почти готовое решение. Нам остается только узнать, каким образом произошло разоблачение штабс-капитана; в том, что Рыбников не тот, за кого себя выдает, мы уже догадываемся.

В 1911 году Александр Куприн согласился еще на один авантюрный проект. Он принял приглашение петербургского издателя Корнфельда поучаствовать в написании коллективного фантастического романа «Три буквы».

Самое тиражное бульварное издание «Синий журнал» собрало именитых литераторов, чтобы они из номера в номер продолжали сенсационное повествование с неожиданными поворотами сюжета, страшными преступлениями и приключениями агентов сыскальной полиции.

В эксперименте участвовали сверхпопулярные в то время А. Аверченко, Тэффи, А. Будищев (тоже наш земляк), В. Немирович-Данченко и многие другие.

Куприну поручили написать первые главы. Завязка получилась такой: в мрачных трущобах Сан-Франциско в притоне «Кривая мышеловка» капитан русского судна князь Енгушев проигрывает все наличные деньги и ставит на кон золотую серьгу с бриллиантом, на котором выгравированы три древнееврейские буквы. Талисман приносит ему счастье. Банк сорван, но бриллиант таинственным образом исчезает со стола. Впоследствии выясняется, что драгоценный камень зашит под кожей в колене у агента русской полиции. Причем этот господин зачем-то загримивался под негра...

Для приключенческого романа характерен сюжет, где раскрывается борьба за новые пространства, борьба европейских держав за мировое господство. В романе Р. Кипплинга «Ким» (1901 г.) видим борьбу англичан и русских за индийские пространства. Чисто приключенческой, почти авантюрной является повесть П. Бляхина «Красные дьяволята». Позднее по этому произведению был создан замечательный фильм «Приключения неуловимых мстителей».

Роман Г. Адамова «Тайна двух океанов» – блестящий приключенческий роман. Здесь описан путь подводной лодки «Пионер» в глубинах океана. Вызывает эмоции описание сражений с вражеской армадой, путешествие на остров Пасхи. Сюжет романа не оставлял равнодушным ни одного читателя.

Ученые – исследователи (А. З. Вулис, К. Бадигин) до сих пор считают, что приключенческая литература не имеет строго очерченных границ. Это и романы-путешествия, и любовно-приключенческие рассказы, и авантюрные приключения, и научная фантастика. В любом случае – это приключение, событие, куда попадает кто-то. Классическая приключенческая литература первой половины двадцатого

века не потеряла своей притягательности и новизны. В начале века происходит стремительное развитие городов, промышленности. Заметно меняется психология городского жителя, облик города-мегаполиса. За тридевять земель уже не надо было ехать или плыть, чтобы почувствовать дух приключения. Улицы, дворы, парки, скверы, подвалы родного города таят в себе опасность, неприятные сюрпризы. Родной город подобен каменным джунглям.

Теперь ученые изучают не дальние страны, а городскую среду. О популярности приключенческой литературы в стране свидетельствуют многочисленные серийные издания, журналы, сборники. В этом жанре работали А. Толстой «Аэлита», В. Каверин «Два капитана», А. Грин «Алые паруса», А. Гайдар «Тимур и его команда», В. Катаев «Белеет парус одинокий» и другие. Невероятной популярностью пользуется «Приключения петербургского Макарки Душегуба» И. А. Гурвича. Панкертоновщина-детективно – приключенческая литература привлекает внимание читателя в начале века (названа по имени главного героя – сыщика Ната Панкертона из произведения Э. По).

Известным становится в эти годы творчество А. Толстого. Писатель в годы Первой Мировой войны написал ряд военных корреспонденций «В Англии, на Кавказе, по Волыни и Галиции», рассказы: «Маша», «Прекрасная дама», «Простая душа».

Например, в авантюрной истории А. Толстого «Приключения Невзорова» читатель найдет не только динамичный сюжет, но и пищу для размышления: почему такие ничтожества, как Невзоров, оказываются «хозяевами жизни»? Цель рассказа не столько развлечь, сколько продемонстрировать великие возможности человеческого духа. Повесть изобилует событиями и героями, но благодаря мастерству писателя не кажется чем-то фантастическим, а, наоборот, производит впечатление правдивой истории. Прежде всего, писатель добился этого, создав реальные образы героев. Все они у него живые, без масок. Комизм ситуаций не выходит за рамки вероятного.

Оригинальность повести заключается и в том, что Толстой поставил перед собой задачу показать сложную историческую эпоху глазами мелкого проходимца. Именно потому, что герой таков, многое в повести воспринимается читателем как живое и убедительное. Невзоров смотрит на мир так, как может смотреть лишь проходимец, и если прибавить к этому осведомленность читателя в исторических событиях того времени, то все встает на свои места. Собственно, в

этом и есть, я считаю, правда жизни. Для одних людей того времени Февральская революция в России началась с митингов и кровавых столкновений, с расколовшегося российского общества, а для героев Толстого революция начинается случайной пулей, залетевшей в окно, да криками во дворе, где какой-то бритый плотный человек с крашеными баками кричал удушенным голосом: «На Екатеринбургском канале лавошники околотошного жарят заживо».

Романы-путешествия знакомят читателей с экзотическими странами, позволяют подняться над обыденностью. С развитием кораблестроения, картографии дальние страны становятся доступными. Для читателей они уже не сказочные пространства, а пространства с другой культурой, другим народом. Изучение этих стран стали мотивами приключенческих романов.

Частью приключенческого жанра является научная фантастика. Фантазия – великая сила. Она способна сделать обычное невероятным. В научно – фантастическом романе научные идеи обретают особый смысл, особую окраску, хотя они не более достоверны, чем путешествие во времени или оторвавшиеся от Земли материка. Эти идеи не претендуют на предвидение, но придают особый колорит произведению, служат предостережением человечеству. Торжество разума неизбежно на Земле. Человек должен понять, что равновесие, при котором гомо сапиенс появился на Земле, неустойчиво. С помощью научных открытий, граничащих с фантастикой, можно сделать жизнь человека интереснее, цивилизованнее. Но так же легко можно изменить климат в другую сторону, спровоцировать, например, похолодание или ледниковый период. Изобретения, наряду с пользой, могут уродовать природу. Эта мысль прослеживается в приключенческой фантастике А. Н. Толстого «Гиперболоид инженера Гарина».

Роман «Гиперболоид инженера Гарина» отличается сложной, увлекательной интригой, остротой конфликтов, динамичностью действия. Писатель достиг подлинной занимательности своего произведения, во многом определяющей его успех у читателей. Большое значение придавал Толстой точности научной стороны своих произведений. При переизданиях писатель нередко уточнял некоторые места или вносил в них поправки в соответствии с новейшими данными науки.

Приключенческий сюжет, увлекательность социальной и научной фантастики в романе «Гиперболоид инженера Гарина» сочетаются с актуальностью темы. Главная идея произведения — изобраа-

жение судьбы науки в капиталистическом обществе, развенчание распространенного в буржуазной литературе индивидуалистического героя, «сильной личности», разоблачение стремления верхушки капиталистических монополий к неограниченной диктатуре над миром. Изображение капиталистического мира дано Толстым в ярких, полных сатирической силы образах, запоминающихся характеристиках, остроумие которых сочетается с разящей силой сатиры.

Одна из основных тематических линий романа — изображение деятельности американских и европейских монополий. Образ химического короля миллиардера Роллинга нарисован с бичующей сатирической силой. Сверхиндивидуализм и жажду миллиардеров к войнам, к ограблению и подчинению всей вселенной Толстой характеризует как следствие империализма. Сатирически остро отображается в романе холуйство перед долларом многих европейских правителей.

Все детские впечатления и воспоминания А. Н. Рыбакова связаны с жизнью большого города 20-х годов. Его увлекательное произведение «Кортик» завоевало сердца почти всех детских читателей. Невероятные приключения Миши Полякова и его друзей, разыскивающих таинственное оружие, которое исчезло во время первой мировой войны, непримиримое классовое столкновение не оставляет равнодушным ни одного читателя. Этим определяются все переживания главного героя и его друзей, которые постигают, что хорошо и что плохо, на чьей они стороне и как действовать дальше. Юные читатели имели полную возможность сверить поступки героев, обстановку их жизни, суждений, шуток с тем, как бы они поступили в данной ситуации. Такая самостоятельная работа всегда доставляет детям особое удовольствие. Автор дает такую возможность своим читателям.

В. П. Катаев – популярный советский писатель. Пишет очерки, остросюжетные приключенческие рассказы о гражданской войне. Наиболее читаемой детьми и взрослыми является повесть «Белеет парус одинокий». Повесть «Белеет парус одинокий» (1936) была напечатана в журнале «Красная новь» и почти сразу же вышла отдельным изданием. Многие исследователи отмечали ее высокий идейный пафос, жизненность фактов, легших в основу книги, талант Катаева-бытописателя, жизнеутверждающий характер его юмора, глубокое раскрытие психологии персонажей. Автор рассказывает о героических событиях, происходивших в грозные дни начала революции 1905 года. Романтически-приподнятый тон повествования

порой сменяется житейски-обыденной интонацией, окрашенной мягким юмором и лиризмом. Глубоко и психологически достоверно раскрываются Катаевым характеры Пети Бачея, Гаврика Черноиваненко, матроса Родиона Жукова, олицетворяющего высокие качества революционера-большевика, и других персонажей.

А. П. Гайдар – это новый тип писателя, чья жизнь сплошное приключение. Он родился в 1904 году. Уже 13-летним мальчиком он помогает большевикам: расклеивает листовки, помогает чекистам, патрулирует по ночному Арзамасу. В 17 лет он становится красным командиром. Это единственный случай за всю историю Красной Армии. То, что Гайдар стал писателем, было закономерностью. Ему хотелось рассказать мальчишкам и девчонкам «какая она жизнь» [7. С. 75].

В рассказе «РВС» автор убеждает читателя в неповторимости, необыкновенности времени, о котором он пишет. Ощущается оно уже в загадочном названии рассказа – «РВС», которое раскрывается только к концу. Здесь есть динамичность и драматическая напряженность, есть таинственность. Дети. Димка и Жиган, совершают смелый поступок, но не осознают себя героями. Они мужественно и стойко делают то, что в их силах, оставаясь, при этом, детьми. Романтика, приключения – это часть их жизни.

Трудно найти человека вчера и сегодня, который бы не прочитал когда-то сказочную повесть А. Н. Толстого «Золотой ключик, или Приключение Буратино», которая была написана в 1936 году. Эта сказочная фантастика читалась и читается до сих пор с удовольствием. Много приключений пришлось пережить Буратино с первого дня появления его на свет. Тогда его мысли, как он говорил, были «маленькими-маленькими, коротенькими, пустяковыми-пустяковыми», до того момента, когда он поймет: «Надо спасти товарищей – вот и все» [11. С. 45]. «Темный мир» связан с Карабасом-Барабасом. Страна дураков изображается автором комически и таинственно. Идет борьба за золотой ключик. Для Карабаса-Барабаса, лисы Алисы, кота Базилио этот ключ-символ богатства, власти над «глупым народцем». Для Буратино и его друзей – символ свободы от угнетения. Таким образом, произведения А. Н. Толстого – это образец здоровой романтики, увлекательных приключений, поисков настоящих друзей.

Итак, подводя итог, мы можем заключить, что приключенческая литература имеет свою специфику. Она способна воссоздать наше далекое прошлое, когда человек протаптывал первые тропы, когда хриплые крики превращались в слова. Прошлое не забыто. Оно жи-

вет в приключенческой литературе и нашем подсознании. Эта литература была, есть и будет жить хотя бы потому, что для русской души характерны приключения.

Список литературы

1. Акимов, В. М. Сто лет русской литературы. От «серебряного века» до наших дней. СПб., 1995. С. 12–34.
2. Бадигин, К. Собрание сочинения в пяти томах. СПб. : Terra, 1993. С.432.
3. Волков, А. А. Творчество А. И. Куприна. М. : Худ. лит. 1981. С. 177, 183.
4. Катаев, В. Белеет парус одинокий. М. : Советский писатель, 1987, С. 14–258.
5. Вулис, А. З. В мире приключений: Поэтика жанра. М. : СП, 1986. С. 32.
6. Киплинг, Р. Ким. М. : Высш. шк., 1990. С. 320.
7. Кормилов, С. И. Русская литература после 1917 года как предмет исторической поэтики // Ломоносовские чтения 1994. М., 1994. С. 73–91.
8. Куприн, А. И. Избранные сочинения. М. : Худ. лит., 1985. С. 134.
9. Толстой, А. Гиперболоид инженера Гарина. М. : Худ. лит. С.342–435.
10. Толстой, А. Прекрасная дама. М. : Радио Петербург, 1993. С. 54.
11. Толстой А. Золотой ключик, или приключения Буратино. Минск : Изд-во «Универсі-еэцкае», 1998. С.65.

List of literature

1. Akimov, V. M. Sto let ruskoj literatury. Ot «serebrjanogo veka» do nashih dnej. SPb., 1995. S. 12–34.
2. Badigin, K. Sobranie sochine-nija v pjati tomah. SPb. : Terra, 1993. S.432.
3. Volkov, A. A. Tvorchestvo A. I. Kuprina. M. : Hud. lit. 1981. S. 177, 183.
4. Kataev, V. Beleet parus odinokij. M. : Sovetskij pisatel', 1987, S. 14–258.
5. Vulis, A. Z. V mire priključenij: Pojetika zhanra. M. : SP, 1986. S. 32.
6. Kipling, R. Kim. M. : Vyssh. shk., 1990. S. 320.
7. Kormilov, S. I. Russkaja literatura posle 1917 goda kak predmet istoricheskoj pojetiki // Lomonosovskie chtenija 1994. M., 1994. S. 73–91.
8. Kuprin, A. I. Izbrannye sochine-nija. M. : Hud. lit., 1985. S. 134.
9. Tolstoj, A. Giperboloid inzhenera Garina. M. : Hud. lit. S.342–435.
10. Tolstoj, A. Prekrasnaja dama. M. : Radio Peterbrug, 1993. S. 54.
11. Tolstoj A. Zolotoj ključik, ili priključenija Buratino. Minsk : Izd-vo «Universi-ejeckae», 1998. S.65.

УДК 82.0

**ПОЭТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ:
О. О. СУЛЕЙМЕНОВ – А. А. ВОЗНЕСЕНСКИЙ
(СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛИРИКИ АВТОРОВ)**

Н. Ю. Вербовский

В данной работе рассматриваются поэтические произведения Олжаса Сулейменова и Андрея Вознесенского на предмет изучения общих тем, мотивов и художественных образов в их творчестве. Применяя метод сопоставления, автор статьи выявляет наличие «поэтического диалога» в лирике поэтов.

Ключевые слова: поэтика, сопоставление, диалог, художественный образ, литературный жанр.

Со второй половины XX века в ряде гуманитарных наук изучение диалога стало особенно актуальным. В исследованиях академических лабораторий появилось много объектов, имеющих в своем составе диалогическую структуру или ориентированных на диалог. «Подход ко многим явлениям как явлениям адресованным, породил новые аспекты изучения различных понятий, связанных с диалогом. Так, был отмечен взгляд на текст как на диалогическую структуру, и в частности на художественное произведение как на объект, имеющий коммуникативную направленность в своей основе» [1. С. 3].

Проблема диалога становится центральной для многих наук - культурологи, психологии, философии, и, конечно же, филологии. Особое значение в филологии приобрели исследования поэтического диалога на примере художественных текстов.

В художественной литературе возможно наблюдать поэтический диалог в творчестве двух, совершенно разных, авторов. Это может быть обусловлено несколькими факторам, главными из которых являются: личная дружба поэтов и схожесть поэтических взглядов в выборе средств для творчества.

Этот диалог может возникать как между литературными деятелями одной страны, в этом случае он чаще всего основан на национальной специфике той или иной литературы; так и между авторами разных стран – при этом условии выявляется своеобразный

поэтический диалог межнационального и даже международного уровня.

В данной работе мы рассматриваем лирику российского поэта – Андрея Вознесенского и казахстанского Олжаса Сулейменова, с целью выявления в творчестве двух авторов, наличия поэтического диалога.

А. Вознесенский (1933–2012) – выдающийся российский поэт. Его творчество причисляют к генетическому пласту поэтов-шестидесятников, к числу которых так же относятся: Р. Рождественский, Е. Евтушенко, Б. Ахмадулина и многие другие.

Творчество Олжаса Сулейменова – известного казахстанского поэта, литературного и политического деятеля, продолжающего работать и в наши дни, тоже относят к поэтам-шестидесятиникам. Становление личности О. Сулейменова как поэта и мыслителя началось в период хрущевской «оттепели». Будучи студентом Литинститута, О. Сулейменов начинает активно выступать как русскоязычный поэт. Он знакомится с молодыми авторами, и выделяет для себя из многих творчество А. Вознесенский, которого всегда считал соратником по своему метафорическому, ассоциативно-историческому и поэтическому мышлению. Эта дружба продолжалась многие годы и оставила большой след в творчестве обоих авторов. Подтверждением этому могут служить стихотворения-посвящения адресованные поэтами друг другу, например: А. Вознесенский «Песня Акына» - О. Сулейменов «Мы кочевники»:

«...Это кажется мне: Аз и Я – Азия, ошибаюсь

Мы кочуем на встречу себе,
узнаваясь в другом...» [2. С. 396].

«...И пусть мой напарник певчий,
забыв, что мы сила вдвоём...» [2. С. 146].

Но если эти произведения написаны авторами в контексте дружеской лирики, в форме посланий, то создание А. Вознесенским стихотворения «2 секунды 20 июня 1970 года» с пометкой «посвящено О. Сулейменову», обусловлено трагическим случаем в жизни обоих авторов, а именно аварией, в которую попали поэты под г. Алма-Атой. Андрей Андреевич однажды написал об этой трагедии: «Олжас Сулейменов спас мне жизнь ...».

Семантика названия произведения «2 секунды 20 июня 1970 года. В замедленном дубле» [2. С. 438] – содержит в себе точную дату этого происшествия. «2 секунды» - это временной отрезок события.

Стихотворение наполнено экспрессией и глубоким метафорическим смыслом. Автор по хронологической системе рассказывает о происшествии, не упуская из виду мельчайшие детали происходящего: «... 30 метров полета и пара поворотов/ Тараним!/ Расплющен передний мост/ над «Волгою» милицейской горит...сигнал». Поэт богато использует разные поэтические тропы, в частности сравнения, так как они помогают автору, более точно, воссоздать картину произошедшего: «горит волдырем сигнал/ как купол мой...над крышей...синим огнем мигал», «выдергивали, как из наперстка», «как ноготь из-под зубила, синяк чернел в пол-лица».

В заключении, А. Вознесенский говорит: «Мы дети «37–70», из бешенного семени родившиеся в свитерах». Используя в последней строфе фразу «родившиеся в свитерах», автор имеет в виду известный афоризм «рожденный в рубашке» – «счастливый, везунчик». И используя это выражение, он подводит итог случившемуся, заканчивая все произведение акцентирующей фразой из двух начальных строк «сотрясение – семечки». Автор не просто так в конце произведения возвращается к начальной фразе, этим моментом он показывает кольцевую систему рассказа о развернувшемся действии, тем самым применяя важный авторский прием: «от чего начали, к тому и вернулись».

Анализируя лирическое творчество О. Сулейменова и А. Вознесенского, мы встречаем достаточно схожие образы и мотивы, которые авторы используют в своих произведениях. Это можно продемонстрировать на нескольких стихотворениях, например: О. Сулейменов «Мы кочевники» – А. Вознесенский «Мы кочевые»:

«...Андрей! Мы – кочевники,
нас разделяют пространства культур и эпох...» [2. С. 396].

«...Мы – кочевые,
сегодня чудом переночуем, а там – увидим!» [5. С. 343].

В приведенных нами отрывках из произведений возможно проследить мотив кочевничества, в творчестве обоих авторов. Но этот мотив не представлен понятием «кочевать» с точки зрения исторической семантики этого значения. Кочевничество – у обоих авторов, это движение вперед, свобода и независимость. Анализируя оба авторских произведения, к понятию «кочевать», можно подобрать несколько синонимов – «эмигрировать» (/...мы эмигрировали в край чужой.../ А. Вознесенский) или «бродяжничать» (/...мы бродяжим по разным маршрутам.../ О. Сулейменов).

Нельзя не согласиться с мнением критика Б. Канапьянова, который писал: «Образ кочевника XX столетия сопрягается с образом «кочевника с авиабилетом» века нынешнего в эпоху естественно-космополитизма, когда равнодушие нашего бытия можно разрушить, и необходимо разрушать, только осознанием корней своего прошлого...» [3. С.167].

О. Сулейменов и А. Вознесенский – поистине гениальные поэты. В своем творчестве они прославляют великих людей, которые оставили заметный след в мировой культуре, истории. В лирике как А. Вознесенского так и О. Сулейменова есть один герой-образ, который объединил двух авторов и оставил заметный след в их поэтическом творчестве – это образ Махамбета.

Махамбет – известный казахский поэт и борец за свободу и независимость Казахстана во второй половине тридцатых годов XIX века. С его творчеством О. Сулейменов познакомился еще в юности и с тех самых пор считает его своим учителем и поэтическим наставником. Б. Канапьянов в своей статье «Быть далеко услышанным», писал: «...в юности поэт Олжас Сулейменов признавался своему кумиру: «Какая радость, что я стал поэтом, иначе бы не знал, что ты поэт». В стихотворениях, посвященных непосредственно Махамбету, поэт уже со всей ответственностью и со всем присущим ему мастерством объединяет свое поэтическое «я» с образом Махамбета» [3. С. 164].

Анализируя этот момент, мы убеждаемся, почему во многих произведениях О. Сулейменова (таких как «Последние мысли Махамбета, умирающего на берегу Урала от раны», «Молитва батыра Махамбета перед казнью»), присутствует образ Махамбета. Но что мотивировало российского поэта А. Вознесенского не просто написать одно стихотворение, посвященное национальному поэту казахской земли, а создать целый поэтический цикл?

Чтобы ответить на этот вопрос, мы снова обратимся к статье Б. Канапьянова, который пишет: «...где-то в начале семидесятых, когда готовилась книга новых переводов Махамбета, посвященная 170-летию со дня рождения поэта, Олжас Сулейменов предложил перевести стихи казахского классика своему другу поэту А. Вознесенскому» [3. С. 168]. По каким-то причинам А. Вознесенский не занялся переводом поэта, а создал на удивление критиков и читателей поэтический сборник «Читая Махамбета». «В цикле «Читая Махамбета» образ поэта-бунтаря с мужественной, но ранимой душой,

одетого в кольчугу, но с открытым сердцем, рожден силой таланта большого поэта, каким является Андрей Вознесенский» [3. С. 168] – писал Б. Канапьянов.

Вот так в результате творческой и земной дружбы двух больших поэтов Олжаса Сулейменова и Андрея Вознесенского появился уникальный «совместный проект». И образ поэта Махамбета, ставший определяющим идеалом борца за свободу творчества, благодаря поэзии Андрея Вознесенского и Олжаса Сулейменова, стал близок и понятен многим аудиториям мира». Наверное, никто не поспорит о том, что если бы, не их творческий союз то мы никогда бы не прочитали о Махамбете в интерпретации Вознесенского и, может быть, никогда не постигли закона выдвинутого О. Сулейменовым в стихотворении, посвященном другу: «Мы кочуем на встречу друг другу, узнавая в другом» [2. С. 396].

Анализируя и сопоставляя лирические произведения А. Вознесенского и О. Сулейменова, мы полагаем, что поэтический диалог в творчестве обоих авторов – проявляется не только в форме адресатной лирики (послания, стихи-посвящения), но так же в единообразии тем, образов и мотивов в их поэтическом творчестве поэтов.

Б. Канапьянов, человек, который был лично знаком с обоими поэтами. Однажды вспоминал один интересный случай: «Когда в феврале 1996 года я проводил вечер поэзии Андрея Вознесенского, Беллы Ахмадулиной и Александра Ткаченко в Алма-Ате, то был свидетелем, как слушатели, пришедшие в зимний февральский вечер на встречу с поэтами из Москвы, просили прочитать и «АТЕ 36-70», посвященное Олжасу Сулейменову, и стихи из цикла «Читая Махамбета». Андрей Вознесенский взволнованно выдохнул и сказал: «Спасибо вам за Олжаса!».

Список литературы

1. Бердникова, Т. В. Диалог в поэтическом тексте как проявление идиостиля: на материале лирики А. А. Ахматовой и И. Ф. Анненского. Саратов, 2008. 222 с.
2. Сулейменов, О. Собрание сочинений в 7 томах: Т. I. Стихотворения. Алматы : Атамұра, 2004. 480 с.

List of literature

1. Berdnikova, T. V. Dialog v poeticheskom tekste kak pojavlenie idiositilja: na materiale liriki A. A. Ahmatovoj i I. F. Annenskogo. Saratov, 2008. 222 s.
2. Sulejmenov, O. Sobranie sochinenij v 7 tomah: T. I. Stihotvorenija. Almaty : Atamura, 2004. 480 s.

3. Феномен Олжаса: прочее: сб. ст., посвященных творчеству О. О. Сулейменова / сост., отв. ред. С. Абдулло. Алматы : Библиотека Олжаса, 2011. 496 с.
4. Сулейменов, О. О. Но людям я не лгал...: прочее: (Мудрости Олжаса). Алматы : Библиотека Олжаса, 2011. 360 с.
5. Вознесенский, А. А. Дубовый лист виолончельный. Стихотворения. М. : Худ. лит., 1975. 588 с.
3. Fenomen Olzhasa: procee: sb. st., posvjashhennyh tvorchestvu O. O. Sulejmenova / sost., otv. red. S. Abdullo. Almaty : Biblioteka Olzhasa, 2011. 496 s.
4. Sulejmenov, O. O. No ljudjam ja ne lgal...: procee: (Mudrosti Olzhasa). Almaty : Biblioteka Olzhasa, 2011. 360 s.
5. Voznesenskij, A. A. Dubovyj list violonchel'nyj. Stihotvorenija. M. : Hud. lit., 1975. 588 s.

УДК 82.0

**ТЕЛЕСНЫЙ КОД ЛЮБВИ В ОБРАЗНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ
АНГЛИЙСКОГО ПОСТМОДЕРНИЗМА:
СЕМАНТИКО-КОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ
(НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТА РОМАНА ДЖ. УИНТЕРСОН
«WRITTEN ON THE BODY»)**

И. А. Галуцких

Статья посвящена изучению специфики отображения концепта ЛЮБОВЬ в образном пространстве художественного текста периода английского постмодернизма (романа Дж. Уинтерсон «Тайнопись плоти») и его переосмысления сквозь призму художественной телесности, что выполняется методом семантико-когнитивного анализа.

Ключевые слова: телесность, концепт ЛЮБОВЬ, художественный текст, концептуальная метафора.

В виду того, что в настоящее время исследования художественной семантики текста и образности как его эмоционально-смысловой доминанты остаются в фокусе внимания филологов, особенную актуальность продолжают сохранять когнитивные исследования образности [2; 3; 10], которые переводят изучение художественной семантики в плоскость анализа ментальных процессов и когнитивных процедур, лежащих в основе формирования образов, что позволяет высветлить способы отображения в них знаний о мире.

Охудожествлению в процессе создания образности подлежат многие явления окружающей действительности, среди которых, ввиду очевидного антропоцентрического принципа мировоззрения, полноценное место занимает человек и его телесность.

Телесная образность в художественном тексте неоднократно находилась в фокусе литературоведческих исследований [7; 9; 13], и обзор этих работ свидетельствует о значительном повышении интереса на рубеже XX–XXI веков к проблемам телесного бытия человека, как на уровне обыденного сознания, так и на уровне сложных социокультурных форм, к которым относится художественная

литература. Это отчасти объясняется тем, что XX век был эпохой поисков человечеством нового способа мышления как реакции на собственную незащищенность и беспомощность перед происходящими событиями, отдаления индивидуальной личности от социального мира, идей об одиночестве человека, готового признать абсурдность своего существования и погрузиться в собственные индивидуальные переживания, иногда физиологического (в частности, эротического) свойства [6; 14; 19]. Все это способствовало очевидному акцентированию темы тела и телесности в художественных произведениях эпохи модернизма и постмодернизма, что, в частности, и привело к эксплицированному вниманию к человеческому «биологическому телу», его «соматике», его «потаенному эросу» [6. С. 7; 19]. **Это нашло выражение в ряде произведений писателей-модернистов, к которым относят, например, вошедший в классику эротического романа “Lady Chatterley’s Lover” («Любовник Леди Чаттерлей») Дэвида Г. Лоуренса, некоторые его рассказы, произведения Джеймса Джойса, часто обвиняемые в излишней анатомичности и натурализме, художественные тексты писателей-постмодернистов Джона Фаулза, Джанет Уинтерсон и других. В них ключевым аспектом становится тело именно как источник наслаждения, образованное исключительно эротическими функциями [1. С. 434], а синонимами «телесности», нужно заметить, не без влияния идей М. Фуко, становятся «сексуальность», «эротичность», «чувственность».**

Вообще, в период постмодернизма телесность как понятие неклассической философии, легитимирующее такой феномен как сексуальность, получает радикальное переосмысление в направлении его семиотизации. Философия постмодернизма – это философия новой телесности. Телесность представляется постмодернизмом как сфера разворачивания социальных и дискурсивных кодов: «феноменологическое тело» у Мерло-Понти, «социальное тело» у Делеза и Гваттари, «текстуальное тело» у Р.Барта, и т.п. [12]. Это выводит на несколько новый виток понимание тела и телесности и, в частности, находит отражение и в ее «охудожествленном» виде, поскольку, как мы полагаем, присущее обществу своеобразное видение мира, «детерминированное доминантной для определенной эпохи культурной парадигмой и определяющее художественное сознание и поэтическое мышление» [2. С. 83], так или иначе находит выражение в своеобразии словесных образов.

Эротические аспекты образности и роль телесности в образной концептуализации действительности в прозе английского модернизма уже подлежала изучению в выполненных ранее работах [4; 5], что позволило сформулировать гипотезу о том, что, благодаря универсальности и многозначности телесных образов, тело выступает в качестве важнейшего образа-символа, семиотического кода, который позволяет интерпретировать и поэтически переосмыслить самые разнообразные явления окружающей действительности. Среди таких явлений значимое место занимает эмоционально-чувственная сфера, одной из центральных составляющих которой выступает концепт ЛЮБОВЬ / LOVE.

В виду обозначенных выше аргументов предметом отдельного интереса выступает возможность изучения специфики образной концептуализации ТЕЛА ЧЕЛОВЕКА в художественных текстах периода постмодернизма, чему и посвящена представленная статья.

В данной статье, где приводится анализ специфики художественной репрезентации концепта ЛЮБОВЬ / LOVE как одного из краеугольных универсальных лингвофилософских категорий, объектом исследования выступают телесные образы в художественном тексте, что позволяет рассматривать концепт ЛЮБОВЬ / LOVE сквозь призму концептосферы ТЕЛО ЧЕЛОВЕКА / HUMAN BODY.

Материалом исследования послужила художественная проза английской писательницы-постмодерниста Джанет Уинтерсон, а именно – текст ее романа «Тайнопись плоти» (“Written on the Body”), в котором тема плотской любви пронизывает красной нитью всю сюжетную линию.

Наблюдения над процессами телесной образной концептуализации ЛЮБВИ / LOVE осуществлялись посредством применения методов семантико-когнитивного анализа, что предполагает реконструирование концептуальных метафор в тексте [15; 16. С. 47–53; 17].

Проведенный анализ позволил установить, что концепт ЛЮБОВЬ / LOVE получает прямые номинации в прозе Дж. Уинтерсон посредством единиц «любовь» (*love*), «секс» (*sex*), «страсть» (*passion*), «чувственность» (*sensuality*), что демонстрирует акцентирование в произведении преимущественно плотской стороны любви.

В контексте художественной образности романа Дж. Уинтерсон «Тайнопись плоти» концепт ЛЮБОВЬ / LOVE находит репрезентацию на уровне тела как целостного организма (*body, flesh*), отдельных частей тела (*heart, breast, blood, lips, cells*), а также его харак-

теристик (*nakedness*), сквозь призму которых происходит образное переосмысление.

Так, анализ отобранных фрагментов текста продемонстрировал, что одно из направлений образной концептуализации ЛЮБВИ / LOVE в художественной прозе Дж. Уинтерсон обобщает концептуальная метафора ЛЮБОВЬ ЭТО ПРОЦЕСС КОДИРОВАНИЯ И РАСКОДИРОВАНИЯ ЗНАКОВ / LOVE IS THE PROCESS OF ENCODING AND DECODING THE SIGNS, где ТЕЛО ЧЕЛОВЕКА ЭТО ЗНАК / HUMAN BODY IS A SIGN.

Такое направление переосмысления иллюстрирует целый ряд фрагментов текста, и, очевидно, является приоритетным в тексте романа.

Например, обобщенное видение ТЕЛА как ЗНАКА отражается в следующем фрагменте: «*Articulacy of fingers, the language of the deaf and dumb, singing on the body body longing. Who taught you to write in blood on my back? Who taught you to use your hands as branding irons? You have scored your name into my shoulders, referenced me with your mark. The pads of your fingers have become printing blocks, you tap a message on to my skin, tap meaning into my body. Your morse code interferes with my heart beat. I had a steady heart before I met you, I relied upon it, it had seen active service and grown strong. Now you alter its pace with your own rhythm, you play upon me, drumming me taut* [18. С. 89].

Written on the body is a secret code only visible in certain light; the accumulations of a lifetime gather there. In places the palimpsest is so heavily worked that the letters feel like Braille. I like to keep my body rolled up away from prying eyes. Never unfold too much, tell the whole story. I didn't know that Louise would have reading hands. She has translated me into her own book» [18. С. 89].

ТЕЛО здесь переосмысливается сквозь призму палимпсеста (*palimpsest*), манускрипта, причем свернутого и скрытого от нежелательных любопытных взглядов (*like to keep my body rolled up away from prying eyes*), который человек всегда старается не разворачивать полностью и не «рассказывать всю историю» (*never unfold too much, tell the whole story*), не раскрывая своей сущности всем проходящим людям.

Из фрагмента очевидно, что именно на ТЕЛЕ повествуется наша история, отражается наш прошлый опыт в виде «письмен на теле», «секретного кода» (*written on the body is a secret code only visible in*

certain light; the accumulations of a lifetime gather there), который понятен не всем, хотя и очевиден, и глубоко, «сильно впечатан» в кожу (*so heavily worked that the letters feel like Braille*), а только любовникам, вступающим в сексуальный контакт. Именно любовники имеют «читающие руки» (*reading hands*), которые и «расшифровывают послание», изучая истинную сущность любимого человека. Этот процесс в образной системе автора предстает собой перевод «послания на теле любовника» на свой, понятный только ему «язык» (*she has translated me into her own book*), делая его открытым и понятным, в чем и состоит процесс «раскодировки».

Любопытно, что параллельно с процессом «раскодирования» друг друга, любовники в процессе сексуальных отношений одновременно «закодируют» друг друга или «перекодируют» в понятный им язык. Этот процесс они осуществляют, будто бы оставляя на теле любимого человека знаки, что имеет место посредством телесного контакта, прикосновений пальцами, которые «превращаются в литеры» (*the pads of your fingers have become printing blocks*), имеют способность «выжигать клеймо» (*use your hands as branding irons*), «писать кровью» (*to write in blood on my back*) на возделуемом теле любимого человека, пометать его своим именем и оставлять на нем метки (*have scored your name into my shoulders, referenced me with your mark*), впечатывать послание в кожу и смысл в тело любовника (*you tap a message on to my skin, tap meaning into my body*), оставляя будто бы свое «присутствие на нем при помощи языка глухонемых и ловкости пальцев» (*articulacy of fingers, the language of the deaf and dumb, singing on the body body longing*) и даже изменяя его, будто бы используя «азбуку морзе, которая перебивает ритм его собственного сердцебиения» (*your morse code interferes with my heart beat*).

Интересно, что автор, обращаясь для образной репрезентации плотской любви к процессам зашифровки или дешифровки ЗНАКОВ НА ТЕЛЕ как метафорическим коррелятам, использует для концептуализации последних различные виды кодовых систем, поскольку прикосновения пальцев к телу любимого человека представляется как отбивание азбуки морзе, выжигание клейма, а также как письмо при помощи естественного языка, о чем свидетельствует использование образа «палимпсеста» как метафорического коррелята ТЕЛА ЧЕЛОВЕКА. Выбор последнего, видимо, тоже не случаен, ведь автор обращается не просто к образу манускрипта, а рукописи, которая выполняется на пергаменте или папирусе поверх смывого

или соскобленного текста. Именно сходным образом в видении Дж. Уинтерсон происходит и процесс сексуальных отношений, в которых партнеры будто бы «стирают письма», нанесенные предыдущими любовниками, и наносят свои, предварительно «переведя на свой язык».

Следующее направление образного переосмысления ЛЮБВИ обобщает концептуальная метафора ЛЮБОВЬ ЭТО ИССЛЕДОВАНИЕ МЕСТНОСТИ, ПУТЕШЕСТВИЕ, ЭКСПЕДИЦИЯ В НЕИЗВЕДАННЫЕ ЗЕМЛИ / LOVE IS EXPLORATION OF LANDSCAPE, TRAVEL, EXPEDITION TO UNKNOWN LAND, где ТЕЛО ЧЕЛОВЕКА ЭТО ЛАНДШАФТ, НЕИЗВЕСТНАЯ МЕСТНОСТЬ / HUMAN BODY IS UNKNOWN TERRITORY и ТЕЛО ЧЕЛОВЕКА ЭТО КАРТА / HUMAN BODY IS A MAP.

Очевидно, что данный модус образной концептуализации акцентирует видение автором процесса сексуальных отношений как узнавания, изучения, исследования ТЕЛА-«территории» с последующим составлением карты.

Этот вектор переосмысления телесной ЛЮБВИ присущ, в частности, образной составляющей следующих фрагментов текста: «*The bright vision of your face will blur. I may not notice this once or twice, I may pride myself on **having enjoyed those fleshy excursions in the most cerebral way***» [18. С. 79]; «*We lay down on my floor, our backs to the day. I needed no more light than was in her touch, her fingers brushing me skin, bringing up the nerve ends. Eyes closed **I began a voyage down her spine, the cobbled road of hers that brought me to a cleft and a damp valley then a deep pit to drown in. What other places are there in the world than those discovered on a lover's body?***» [18. С. 82]. Здесь узнавание тела сексуального партнера уподобляется и «телесной экскурсии» (*fleshy excursion*), и путешествию вдоль позвоночника (*a voyage down her spine*), переполненным **стремления открывать новые места** на теле возлюбленной, интереснее которых нет в мире, что отражает вопрос: *What other places are there in the world than those discovered on a lover's body?* [18. С. 82].

Изучив ТЕЛО возлюбленной, ее партнер, кажется, знает и помнит все его особенности, и даже составляет карту этой «местности». Так в образной системе Дж. Уинтерсон отображается процесс узнавания любимого человека посредством телесного контакта с ним, сравним фрагменты текста романа: «*My **eyes are brown, they have fluttered across your body like butterflies. I have flown the distance of your***

body from side to side of your ivory coast. I know the forests where I can rest and feed. I have mapped you with my naked eye and stored you out of sight. The millions of cells that make up your tissues are plotted on my retina. Night flying I know exactly where I am. Your body is my landing strip... The lining of your mouth I know through tongue and spit. Its ridges, valleys, the corrugated roof, the fortress of teeth» [18. С. 117–118]; «*In the old or ill, the nostrils flare, the eye sockets make deep pools of request»* [18. С. 119].

Пройдя всю протяженность пути (*I have flown the distance of your body from side to side*), на теле возлюбленной находит и леса, где можно отдохнуть и насытиться (*the forests where I can rest and feed*), и озера (*deep pools of request*), и берега цвета слоновой кости (*your ivory coast*), и горы с равнинами (*ridges, valleys*), и укрепления (*fortress of teeth*), будто весь мир концентрируется на теле любимого человека, что приводит к пониманию, что этот мир непостижим. Подобное чувство осознания Дж. Уинтерсон сравнивает с ощущениями Колумба, впервые увидевшего Америку: «*Louise, your nakedness was too complete for me, who had not learned the extent of your fingers. How could I cover this land? Did Columbus feel like this on sighing the Americas?»* [18. С. 52].

Такая ЛЮБОВЬ-ИССЛЕДОВАНИЕ не ограничивается исключительно «наземными путешествиями», а также предполагают проникновение вглубь, что автор отображает при помощи образа археологической экспедиции, сравним: «*Let me penetrate you. I am the archeologist of tombs. I would devote my life to marking your passageways, the entrances and exits of that impressive mausoleum, your body. How tight and secret are the funnels and wells of youth and health. A wringing finger can hardly detect the start of an ante-chamber, much less push through to the wide aqueous halls that hide womb, gut and brain»* [18. С. 120]. Причем подкрепляет она и делает более объемным такое образное видение сексуальных отношений следующими фрагментами текста за счет приведения детальных описаний элементов снаряжения исследователя таких видов ландшафтов, как пещеры, горы, колодцы и т.п. Руки любовника-«исследователя» полны инструментов (*my hands full of tools to record and analyse*), среди которых фонарь (*come to you with a torch*), канаты альпиниста (*ropes*), а также фляга (*flasks*), карты (*maps*) и записная книжка (*notebook*), куда исследователь заносит свои результаты.

Проиллюстрируем фрагментом текста: «*I can't enter you in clothes that won't show the stains, my hands full of tools to record and analyse. If I come to you with a torch and notebook, a medical diagram and a cloth to mop up the mess, I'll have you bagged neat and tidy. I'll store you in plastic like chicken livers. Womb, gut, brain, neatly labeled and returned. Is that how to know another human being?*» [18. С. 119–120]; «*'Explore me', you said and I collected my ropes, flasks and maps, expecting to be back home soon. I dropped into the mass of you and I cannot find the way out. Sometimes I think I'm free, coughed up like Jonah from the whale, but then I turn a corner and recognize myself again. Myself in your skin, myself lodged in your bones, myself floating in the cavities that decorate every surgeon's wall. That is how I know you. You are what I know*» [18. С. 120].

Интересные детали понимания ЛЮБВИ у Дж. Уинтерсон открываются в следующих фрагментах текста, где она переосмысливает любовника как искателя сокровищ, исследователя недр: «*Louise, in this single bed, between these garish sheets, I will find a map as likely as any treasure hunt. I will explore you and mine you and you will redraw me according to your will. We shall cross one another's boundaries and make ourselves one nation. Scoop me in your hands for I am good soil. Eat of me and let me be sweet*» [18. С. 20]; и как захватчика: «*I have already altered my world and Jacqueline's world for ever. She doesn't know this yet. She doesn't know that there is today a revision of the map. That the territory she thought was hers has been annexed*» [18. С. 38].

Поскольку ЛЮБОВЬ чаще всего тяготеет не только к УЗНАВАНИЮ, но еще и ОБЛАДАНИЮ объектом любви, иногда даже против его воли, Дж. Уинтерсон акцентирует и эту деталь, поскольку ее любовник-«исследователь» не только изучает ТЕЛО-ЛАНДШАФТ, но и устанавливает свои границы на карте этой «местности», переписывает эту карту по собственному желанию (*a revision of the map, you will redraw me according to your will*), а также совершает акт аннексии, присоединения территории-ТЕЛА любимого человека даже против воли бывших его сексуальных партнеров, насильственное ее присвоение (*the territory she thought was hers has been annexed*).

Сходное с указанным направление образного переосмысления ЛЮБВИ наблюдаем в тех фрагментах текста, где Дж. Уинтерсон уподобляет ЛЮБОВЬ ПУТЕШЕСТВИЮ ПО МОРЮ (ЛЮБОВЬ ЭТО ПУТЕШЕСТВИЕ ПО БУРНОМУ МОРЮ / LOVE IS SAILING IN THE ROUGH SEAS), например: «*I was hopelessly in love with Lou-*

ise and very scared. I spent the three days trying again to rationalize us, to make a harbour in the raging sea where I could bob about and admire the view. There was no view, only Louise's face. I thought of her as intense and beyond common sense. I never knew what she would do next. I was still loading on to her all my terror. I still wanted her to be the leader of pour expedition. Why did I find it hard to accept that we were equally sunk? Sunk in each other?» [18. С. 91].

Здесь можем наблюдать еще один модус образной концептуализации ЛЮБВИ, который обобщает метафора ЛЮБИТЬ ЭТО ТОНУТЬ ДРУГ В ДРУГЕ / TO LOVE IS SINK IN EACH OTHER (*Why did I find it hard to accept that we were equally sunk? Sunk in each other?*).

Состояния тишины, комфорта и спокойствия в отношениях между возлюбленными, сменяющимися моменты бурной страсти, отождествляются в образной системе автора с поиском «тихой гавани в бушующем море» (*make a harbour in the raging sea*).

Периоды страсти наоборот ассоциируются с состоянием моря во время шторма, что дает представление о ЛЮБВИ как о чувстве, таящем опасность, что наблюдаем в следующем фрагменте текста:

«Louise took my face between her hands. ... Sharp points of desire were still there but there was too a sleepy safe rest like, being in a boat I had as a child. She rocked me against her, sea-calm, sea under a clear sky, a glass-bottomed boat and nothing to fear.

'The wind's getting up,' she said.

Louise, let me sail in you over those spirited waves. I have the hope of a saint in a coracle. What made them set out in years before the year 1000 with nothing between themselves and the sea but pieces of leather and lath? What made them certain of another place uncharted and unseen? I can see them now, eating black bread and honeycomb, sheltering from the rain under an animal hide. Their bodies are weathered but their souls are transparent. The sea is a means not an end. They trust it in spite of the signs.

The earliest pilgrims shared a cathedral for a heart. They were the temple not made with hands. The Eklasia of God. The song that carried them over the waves was the hymn that rung the rafters. Their throats were bare for God. Look at them now, heads thrown back, mouths open, alone but for the gulls that dip the prow. Against the too salt sea and the inhospitable sky, their voices made a screen of praise.

Love was that drove them forth. Love that brought them home again. Love hardened their hands against the oar and heated their sinews

against the rain. The journeys they made were beyond common sense; who leaves the hearth for the open sea? Especially without a compass, especially in winter, especially alone. What you risk reveals what you value. In the presence of love, hearth and quest becomes one» [18. С. 81].

Именно поэтому Дж. Уинтерсон и описывает отношения как путешествие без компаса (*without a compass*) к берегам, не обозначенным на карте (*What made them certain of another place uncharted and unseen?*), чем подчеркивает их непредсказуемость, поскольку влюбленные никогда не знают к чему приведет это чувство и, возможно, исход отношений будет похож на кораблекрушение.

Двойкий характер чувства ЛЮБВИ – одновременно таящей опасность и дарящей успокоение и наслаждение – подчеркивает контекст, где отношения влюбленных описаны как дающее ощущение спокойствия путешествие в лодке, похожее на то, что было в детстве (*too a sleepy safe rest like, being in a boat I had as a child*), когда нечего бояться, поскольку море спокойно, небо ясное (*sea-calm, sea under a clear sky, a glass-bottomed boat and nothing to fear*), хотя в самый неожиданный момент любимая и может «обрушить себя» на любимого как море (*rocked me against her*).

Вместе с тем, очевидно, что в поэтической интерпретации ЛЮБВИ Дж. Уинтерсон все же преобладает вера в это чувство как спасение, поскольку именно любовь помогает в этой непростой схватке с морем – «приводит путешественников назад домой» (*Love was that drove them forth. Love that brought them home again*), «укрепляет их руки для весел и согревает их мышцы в ненастье» (*Love hardened their hands against the oar and heated their sinews against the rain*).

Сразу несколько составляющих образной системы романа формируются в следующем фрагменте текста: «*Love demands expression. It will not stay still, stay silent, be good, be modest, be seen and not heard, no. It will break out in tongues of praise, the high note that smashes the glass and spills the liquid. It is no conservationist love. It is a big game hunter and you are the game. How can you stick at a game when the rules keep changing? I shall call myself Alice and play croquet with the flamingoes. In Wonderland everyone cheats and love is Wonderland isn't it? Love makes the world go round. Love is blind. All you need is love. Nobody ever died of a broken heart. You'll get over it. It'll be different when we're married» [18. С. 9–10].*

Здесь актуализируется сразу несколько признаков концепта ЛЮБОВЬ.

Так, экспрессивность, необходимость в выражении и интенсивность чувства ЛЮБВИ Дж. Уинтерсон акцентирует сквозь призму концептуальной метафоры ЛЮБОВЬ ЭТО ВЫСОКАЯ НОТА В ПЕСНЕ / LOVE IS A HIGH NOTE (*Love demands expression... the high note that smashes the glass and spills the liquid*).

Непредсказуемость, неожиданность, способность творить чудеса, и иногда нереальность, неправдивость, обманность ЛЮБВИ отражает направление переосмысления, обобщаемое при помощи концептуальных метафор ЛЮБОВЬ ЭТО ИГРА / LOVE IS A GAME и ЛЮБОВЬ ЭТО СТАРАНА ЧУДЕС / LOVE IS A WONDERLAND (*It is a big game hunter and you are the game... In Wonderland everyone cheats and love is Wonderland isn't it?*).

Способность управлять миром ЛЮБВИ Дж. Уинтерсон эксплицитно подчеркивает в контексте: *Love makes the world go round*.

Персонафикацию ЛЮБВИ параллельно с образным переосмыслением ЛЮБВИ как КРЕПКОГО НАПИТКА / LOVE IS AN ALCOHOLIC DRINK наблюдаем в следующем фрагменте: «*But I am not engaged, I am deeply distracted. I am **desperately looking the other way so that love won't see me. I want the diluted version, the sloppy language, the insignificant gestures***» (p.10), где ЛЮБОВЬ уподобляется человеку (*looking the other way so that love won't see me*), от которого хочется отвернуться с опаской, и напитку, который слишком крепок, чтобы пить его неразбавленным (*I want the diluted version*).

Вектор переосмысления чувства СТРАСТИ, который отражает концептуальная метафора СТРАСТЬ ЭТО ОГОНЬ / PASSION IS FLAME, где ТЕЛО ЧЕЛОВЕКА ЭТО ВУЛКАН / HUMAN BODY IS A VOLCANO, наблюдаем во фрагменте текста: «*There was a **dangerously electrical quality** about Louise. I worried that the **steady flame** she offered might be fed by a current far more volatile. **Superficially she seemed serene, but beneath her control was a crackling power of the kind that makes me nervous when I pass pylons.** She was more a Victorian heroine than a modern woman. A heroine from a Gothic novel, mistress of her house, yet **capable of setting fire** to it and fleeing in the night with one bag. I always expected her to wear her keys at her waist. She was compressed, stoked down, a **volcano dormant but not dead. It did occur to me that if Louise were a volcano then I might be Pompeii***» [18. С. 49].

Очевидно, здесь акцентируется способность СТРАСТИ воспламеняться, внезапно вспыхивать, которая может даже сжигать дотла (*capable of setting fire*), что осуществляется с помощью уподобления

ТЕЛА возлюбленной ВУЛКАНУ, который может находиться в состоянии покоя, «спать», но оставаться действующим (*a volcano dormant but not dead*) и в момент «извержения» (проявления страсти) может сжечь партнера как Помпеи (*It did occur to me that if Louise were a volcano then I might be Pompeii*), что подтверждает опасность и разрушающую силу вспышек страсти.

Поскольку любящие друг друга люди, как правило, стремятся к объединению, этот признак концепта ЛЮБОВЬ также неизменно реализуется в изучаемом текстовом материале. Это проявляется в образной концептуализации плотской ЛЮБВИ как ПОГЛОЩЕНИЯ друг друга, СЛИЯНИЯ (LOVE IS CONSUMING, UNITING).

В частности, данное положение иллюстрирует такой текстовый фрагмент: «*We consumed each other and went hungry again. There were patches of relief, moments of tranquility as still as an artificial lake, but always behind us the roaring tide*» [18. С. 20], где СТРАСТЬ параллельно ассоциируется с чувством голода.

Иногда Дж. Уинтерсон под таким СЛИЯНИЕМ подразумевает полное отождествление тел возлюбленных, когда сексуальный партнер становится «кровью» и «плотью» и невозможно отграничить одно тело от другого, сравним: «*Nothing about you has faded. You are still the colour of my blood. You are my blood. When I look in the mirror it's not my own face I see. Your body is twice. Once you once me. Can I be sure which is which?*» [18. С. 99].

Идея объединения людей реализуется с помощью образа ЕДИНОГО ТЕЛА для обоих любящих также и в следующих контекстах, где наблюдаем просьбу к возлюбленному «пригвоздить к себе»: «*Nail me to you. I will ride you like a nightmare*» [18. С. 131]; описание сексуального контакта как «вливания одного тела в другое»: «*I don't want a pillow I want your moving breathing flesh. I want you to hold my hand in the dark, I want to roll on to you and push myself into you*» [18. С. 110], а их любовной связи в целом – как «обвивание тел веревкой»: «*Louise and I were held by a single loop of love. The cord passing round our bodies had no sharp twists or sinister turns. Our wrists were not tied and there was no noose about our necks. In Italy in the fourteenth and fifteens centuries a favourite sport was to fasten two fighters together with a strong rope and let them beat each other to death. Often it was death because the loser couldn't back off and the victor rarely spared him. The victor kept the rope and tied a knot in it. He had only to swing it through the streets to terrify money from passers-by.*»

I don't want to be your sport nor you to be mine. I don't want to punch you for the pleasure of it, tangling the clear lines that bind us, forcing you to your knees, dragging you up again. The public face of a life in chaos. I want the hoop around our hearts to be a guide not a terror. I don't want to pull you tighter than you can bear. I don't want the lines to slacken either, the thread paying out over the side, enough rope to hang ourselves» [18. С. 88].

Последний приведенный фрагмент текста проясняет понимание ЛЮБВИ как связывающих УЗ, которые делают возлюбленных одновременно ближе и отдаляют друг от друга, что метафорически реализуется у Дж. Уинтерсон через образ буквально СВЯЗАННЫХ ТЕЛ (*held by a single loop of love*), причем автор указывает на опасность и ослабления этих «связей», и более «тугого затягивания» этой «любовной петли» (*I want the hoop around our hearts to be a guide not a terror. I don't want to pull you tighter than you can bear. I don't want the lines to slacken either, the thread paying out over the side, enough rope to hang ourselves*).

Причем подобная тесная связь должна иметь место, в идеальных случаях, **без потери индивидуальности участниками такого любовного союза**: *«They seemed to have become one another without losing their very individual selves. Only once had I seen it and I envied it»* [18. С. 82].

Акцентируя разные аспекты признака изучаемого концепта «связь, единение», Дж. Уинтерсон отмечает как преимущества, так и недостатки чрезмерной близости людей. Одним из недостатков ЛЮБВИ она считает то, что она «лишает людей свободы», что метафорически реализует посредством уподобления влюбленных людей «лобстерам в ресторанном аквариуме», а ЛЮБОВЬ переосмысливает как ДОБРОВОЛЬНУЮ ССЫЛКУ, ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ / LOVE IS CONSTRAINED FREEDOM, VOLUPTUOUS EXILE: *«Don't move. We can't move, caught like lobster in a restaurant aquarium. These are the confines of our life together, this room, this bed. This is the voluptuous exile freely chosen»* [18. С. 72]. Пребывание в отношениях отождествляется с пребыванием в этом аквариуме, а их границы и есть границы свободы влюбленных.

Объясняет Дж. Уинтерсон единение влюбленных людей и с научной точки зрения. Если расценивать влюбленность как биохимическую реакцию в организме человека, то это четко коррелирует с примененным ею средством образности, где направление переосмысления обобщает концептуальная метафора ЛЮБОВЬ ЭТО СТЫКОВКА

МОЛЕКУЛ / LOVE IS MOLECULAR DOCKING: «*In the park in the rain I had recognized one thing at least; that Louise was the woman I wanted even if I couldn't have her. Jacqueline I had to admit had never been wanted, simply she had had roughly the right shape to fit for a while. Molecular docking is a serious challenge for bio-chemists. There are many ways to fit molecules together but only a few juxtapositions that bring them close enough to bond. On a molecular level success may mean discovering what synthetic structure, what chemical, will form a union with, say, the protein shape on a tumour cell. But molecules and the human beings they are a part of exist in a universe of possibility. We touch one another, bond and break, drift away on force-fields we don't understand. Docking here inside Louise may heal a damaged heart, on the other hand it may be an expensively ruinous experiment*» [18. С. 61–62].

Ряд других направлений переосмысления, которые обобщают концептуальные метафоры ЛЮБИТЬ ЭТО ОТДАВАТЬ ВЗАЙМЫ СВОЕ СЕРДЦЕ / TO LOVE IS TO LEND ONE'S HEART, например: «*You never give away your heart, you lend it from time to time. If it were not so how could we take it back without asking?*» [18. С. 38]; ЛЮБИТЬ ЭТО ИМЕТЬ РОТ, НАПОЛНЕННЫЙ ЛЮБИМЫМ/ОЙ / TO LOVE IS TO HAVE A MOUTH FULL OF SOMEBODY: «*At 9 o'clock I told Jacqueline I was exhausted. She reached over and took my hand. I felt nothing. And then there we were in our pyjamas side by side and my lips were sealed and my cheeks must have been swelling out like a gerbil's because my mouth was full of Louise*» [18. С. 41]; ЛЮБИТЬ ЭТО ИМЕТЬ УВЕЛИЧЕННОЕ СЕРДЦЕ / TO LOVE IS TO HAVE AN ENLARGED HEART: «*But she wouldn't call the police, she'd take her pearl-handled revolver from the glass decanter and shoot me through the heart. At the post-mortem they'll find an enlarged heart and no guts*» [18. С. 49]; ЛЮБИТЬ ЭТО ПРИНОСИТЬ ПОДНОШЕНИЯ БОГУ, которого не ублажить и сожженной плотью / TO LOVE IS TO MAKE OFFERINGS TO A GOD: «*June. The wettest June on record. We made love every day. We were happy like colts, flagrant like rabbits, dove-innocent in our pursuit of pleasure. Neither of us thought about it and we had no time to discuss it. The time we had we used. Those brief days and brief hours were small offerings to a god who would not be appeased by burning flesh*» [18. С. 20], акцентируют определенные аспекты видения телесной любви автором.

Позитивным признаком концепта ЛЮБОВЬ выступает «ее способность выступать энергетической подпиткой», причем ТЕЛО пар-

тнера выступает в данном случае АККУМУЛЯТОРОМ / HUMAN BODY IS A BATTERY: «*Into the heart of my childish vanities, Louise's face, Louise's words, 'I will never let you go'. This is what I have been afraid of, what I've avoided through so many shaky liaisons. I'm addicted to the first six months. It's the midnight calls, the bursts of energy, the beloved as battery for all those fading cells*» [18. С. 76].

В то же время физическая УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ЭТО ОЦЕПЕНЕНИЕ, ОБЕССИЛЕННОСТЬ / CONTENTMENT IS WALLOWING, NUMBNESS, что отражает фрагмент: «*She (Jacqueline) muffled my senses. With her I forgot about feeling and wallowed in contentment. Contentment is a feeling you say? Are you sure it's not an absence of feeling? I liken it to that particular numbness one gets after a visit to the dentist. Not is pain nor out of it, slightly drugged. Contentment is the positive side of resignation. It has its appeal but it's no good wearing an overcoat and furry slippers and heavy gloves when what the body really wants is to be naked*» [18. С. 76]. Очевидно, что обессиленность физическая влечет за собой и эмоциональное оцепенение.

В стремлении подчеркнуть такой неотъемлемый признак сексуальных отношений, как «способность поглощать физические силы», «вызывать усталость, утомлять», Дж. Уинтерсон уподобляет ТЕЛО возлюбленной БОЛОТУ / HUMAN BODY IS A BOG, которое «затягивает» и сквозь которое нужно «пробираться»: «*Her husband lies over her like a tarpaulin. He wades into her as though she were a bog. She loves him and he loves her*» [18. С. 73], а также переосмысливает ТЕЛО сквозь призму образа ПАСТЫ, ВЫДАВЛЕННОЙ ИЗ ТЮБИКА / HUMAN BODY IS A PASTE IN A TUBE, которое будто бы «размазывается по полу» под звуки музыки, акцентируя за счет размягчения консистенции ТЕЛА, его «вязкости», признак «вялость», «бессилие», сравним: «*We can't hear anything but the music smooth as a tube lubricating us round the floor*» [18. С. 73].

Метафора ЛЮБОВЬ как ОПАСНОСТЬ / LOVE IS DANGER, актуализирующая признак «способность причинять вред», реализована в подавляющем количестве текстовых фрагментов, причем это осуществляется сквозь призму образа ПОВРЕЖДЕННОГО ТЕЛА / DAMAGED BODY. Соответствующие направления образного переосмысления ЛЮБВИ обобщают концептуальные метафоры ЛЮБОВЬ ЭТО БОЛЕЗНЬ / LOVE IS A DESEASE, где ТЕЛО ВОЗЛЮБЛЕННОГО ЭТО ЗАРАЖЕННОЕ ВИРУСОМ ТЕЛО / BELOVED PERSON IS A BODY INFLICTED BY A VIRUS: «*I had bought a new*

flat to start again from a nasty love affair that had given me the clap. Nothing wrong with my organs, this was emotional clap. I had to keep my heart to myself in case I infected somebody» [18. С. 25]; ЛЮБОВЬ ЭТО ХОЖДЕНИЕ НАД ПРОПАСТЬЮ / LOVE IS WALKING ON THE PRECIPICE, WALKING THE PLANK, где **каждое неосторожное движение означает смерть**: «*I didn't love her and I didn't want to love her. I didn't desire her and I could not imagine desiring her. There were all points in her favour. I had lately learned that another way of writing FALL IN LOVE is WALK THE PLANK. I was tired of balancing blindfold on a slender beam, one slip and into the unplumbed sea. I wanted the clichés, the armchair»* [18. С. 26].

«Опасность» ЛЮБВИ подчеркивается автором и за счет импликации образов РАЗБИТОГО СЕРДЦА / BROKEN HEART: «*Such things lead the heart-sore to the Jacquelines of this world but the Jacquelines of this world lead to such things»* [18. С. 74]; ИССУШЕННОГО СЕРДЦА / DRIED HEART, ставшего «стерильное зоной» и ОРГАНИЗМА, функционирующего БЕЗ КИСЛОРОДА / ORGANISM WITHOUT OXYGEN: «*In the train carriage, shut behind the thick glass, I feel comfortably locked away from responsibility. I know I'm running away but my heart has become a sterile zone where nothing can grow. I don't want to face facts, shape up, snap out of it. In the pumped-out, dry bed of my heart, I'm learning to live without oxygen. I might get to like it in a masochistic way. I've sunk too low to make decisions and that brings with it a certain lightheaded freedom»* [18. С. 183]; ДЫРЫ В СЕРДЦЕ / HOLE IN ONE'S HEART, соответствующей размерам возлюбленной, так что никто другой не может стать на ее место: «*The particularness of someone who mattered enough to grieve over is not made anodyne by death. This hole in my heart is in the shape of you and no-one else can fit it»* [18. С. 155]. Все эти образы применяются для метафорической репрезентации НЕСЧАСТНОЙ, НЕРАЗДЕЛЕННОЙ или УТРАЧЕННОЙ ЛЮБВИ, что свидетельствует о значимости ЛЮБВИ для человека, лишаясь которой, он испытывает немислимые страдания.

Итак, семантико-концептуальный анализ способов образной репрезентации ЛЮБВИ / LOVE в художественном тексте периода английского постмодернизма сквозь призму телесности позволил установить метафорический диапазон (перечень коррелятов) и спектр (перечень референтных сущностей) концептосферы ТЕЛО ЧЕЛОВЕКА / HUMAN BODY в разрезе его корреляции с концептом

ЛЮБОВЬ / LOVE, и таким образом, очертить концептуальное пространство телесного кода ЛЮБВИ. Анализ подтвердил, что, благодаря универсальности и многозначности телесных образов, тело выступает в качестве важнейшего образа-символа, семиотического кода, при помощи которого переосмыслиется одна из наиболее значимых категорий эмоционально-чувственной сферы человеческой жизни, и что отражает своеобразие понимания телесности в период постмодернизма через ее семиотизацию и определяет специфику формирования образного пространства анализируемого текстового материала.

Список литературы

1. Барт, Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М., 1989.
2. Белехова, Л. И. Историческая ретроспектива словесного поэтического образа как художественной категории // Вісник Черкаського ун-ту. Черкаси, 1999. №11. С. 82–100.
3. Воробйова, О. П. Равлик і метелик у вирі буття: когнітивні аспекти // Вісник Київського національного лінгвістичного університету. Серія Філологія. Т. 14, № 1. 2011. С.25–35.
4. Галуцких, И. А. Эротизация образности как проявление художественной телесности: концептуальный анализ // Материалы международного конгресса по когнитивной лингвистике. Т. XI. Тамбов, 2012. С. 636–640.
5. Галуцких, И. А. Специфіка образної концептуалізації сексуальності людського тіла та сексуальних стосунків в контексті художнього твору // Семантика мови і тексту. Івано-Франківськ, 2012. С. 107–110.

List of literature

1. Barthes, R. Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika. M., 1989.
2. Belehova, L. I. Istoricheskaya retrospective slovesnogo poeticheskogo obraza kak khodozhestvennoy kategorii // Bulletin of Cherkasy University. Cherkasy, 1999. № 11. P. 82–100.
3. Vorobyova, O. P. Ravlyk I metelyk u vyri buttya: kognityvni aspekty // **Bulletin of Kiev National Linguistic University. Seria Philologiya.** 14, № 1. 2011. P.25–35.
4. Galutskikh, I. A. Erotizatsiya obraznosti **kak proyavleniye khudozhestvennoy telesnosti: kontseptualny analiz** // **Materialy mezhdunarodnogo kongressa po kognitivnoy linguistike.** T. XI. Tambov, 2012. P. 636–640.
5. Galutskikh, I. A. Spetsifika obraznoyi kontseptualizatsii seksual'nosti lyuds'kogo tila ta seksual'nyh stosunkiv v konteksti khudozhnyogo tvoruvu // **Semantyka movy I tekstu.** Ivano-Frankivs'k, 2012. P. 107-110.

6. Дискурсы телесности и эротизма в литературе и культуре. Эпоха модернизма. Антология / по ред. Д. Иоффе. М., 2008.
7. Елифёрова, М. Е. Телесность и метафора плоти в «Венецианском купце» // Шекспировские штудии VII. М., 2007. С. 45–55.
8. Панченко, В. Антропологія статевиx взаємин у романі Д.Г. Лоренса “Коханець Леді Чатарлей” // *Studia methodologica*. Вип. 25. С. 249–256.
9. Полтаробатько, Е. Д. Категория телесности в акмеистическом дискурсе: дис... канд. филол. наук. М., 2009.
10. Редька, І. А. Синестезійна образність поетичного тексту: лінгвокогнітивний аспект: автореф. дис... канд. філол. наук. Київ, 2009.
11. Татару, Л. В. Представление концепта «Тело человека» в композиционно-нарративной структуре модернистского текста // *Вестник СПбУ. Серия 9. Филология, востоковедение, журналистика*. Вып. 4 (Ч. II). 2007. С. 68–77.
12. Телесность // *Энциклопедия постмодернизма*. <http://enc-dic.com/postmodern/Telesnost-399.html>
13. Штейнбук, Ф. М. Антропологічність тілесності в текстових стратегіях сучасної літератури в контексті відношення до власного тіла // *Культура народів Причорномор'я*. 2006. № 92. С. 86–90.
6. Diskursy telesnosti i erotizma v literature i kul'ture. **Epoha modernizma**. Antologiya / Ed. D. Ioffe. M., 2008.
7. Yelipherova, M. Ye. Telesnost' I **metaphora ploti v “Venetsianskom kuptse”** // *Shakespear Studies* VII. M., 2007. P. 45–55.
8. Panchenko, V. Antropologiya statevyh vzayemyn u romani D. H. Lawrence “**Lady Chatterley’s Lover**” // *Studia methodologica*. Vol. 25. P. 249–256.
9. Poltarobat'ko, Ye. D. **Kategoriya telesnosti v akmeisticheskom diskurse: dis. ... kand. philol. nauk**. M., 2009.
10. Red'ka, I. A. Synesteziyna obraznist' poetychnogo tekstu: lingvokognityvny aspekt: avtoref. dis. ... kand. philol. nauk. Kiev, 2009.
11. Tataru, L. V. Predstavleniye kontsepta «Telo cheloveka» v kompozitsionno-narrativnoy strukture modernistskogo teksta // *Vestnik SPU. Seria 9. Philologiya, vostokovedeniye, zhurnalistika*. Vol. 4 (Ч. II). 2007. P. 68–77.
12. Telesnost // *Entsiklopediya postmodernizma*. <http://enc-dic.com/postmodern/Telesnost>
13. Shteinbuk, F. M. **Antropologichnist' tilesnosti v tekstovyyh strategiyah suchasnoyi literatury v konteksti vidnoshennya do vlasnogo tila** // *Kultura narodov Prichernomorya*. 2006. № 92. P. 86–90.

14. Штохман, Л. Антропология нарації: статья, гендер і сексуальність в романі Дженет Вінтерсон „Тайнопис плоти”) // *Studia methodologica*. Вип. 25. С. 258–262.
15. Fauconnier, G., Turner, M. *The Way We Think: Conceptual Blending And The Mind's Hidden Complexities*. N. Y., 2003.
16. Kövecses, Z. *Metaphor: A Practical Introduction*. Oxford, 2002.
17. Lakoff, G., Johnson, M. *Metaphors We Live by*. Chicago, 1980.
18. Winterson, J. *Written on Body*. London, 2001.
19. Woods, G. *Articulate Flesh. Male Homo-Eroticism and Modern Poetry*. New Haven, London, 1987.
14. Stohman, L. *Antropologiya naratsii: stat', gender I seksual'nist' v romani J. Winterson "Written on the Body"* // *Studia methodologica*. Vol. 25. P. 258–262.
15. Fauconnier, G., Turner, M. *The Way We Think: Conceptual Blending And The Mind's Hidden Complexities*. N. Y., 2003.
16. Kövecses, Z. *Metaphor: A Practical Introduction*. Oxford, 2002.
17. Lakoff, G., Johnson, M. *Metaphors We Live by*. Chicago, 1980.
18. Winterson, J. *Written on Body*. London, 2001.
19. Woods, G. *Articulate Flesh. Male Homo-Eroticism and Modern Poetry*. New Haven, London, 1987.

УДК 82.0

**ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ
УСЛОВНОГО ПРОСТРАНСТВА
В РОМАНЕ М. ОСОРГИНА «ВРЕМЕНА»**

Е. П. Маренина

В статье предпринимается анализ пространственных отношений в автобиографическом романе М. Осоргина «Времена», которые в соответствии со стилевым сознанием его автора выстраиваются в результате взаимодействия оппозиций «расширение – сужение», «открытое – замкнутое».

Ключевые слова: русская литература, М. Осоргин, поэтика, художественное пространство.

Пространственная организация художественного мира произведения позволяет увидеть специфику авторского мировосприятия и миропонимания, ибо, по словам Ю. М. Лотмана, «художественное пространство представляет собой модель мира данного автора, выраженную на языке его пространственных представлений» [5. С. 253]. И действительно, художественное пространство романа «Времена» выстраивается по всем правилам автобиографической прозы и вместе с тем в соответствии с художественным мышлением М. Осоргина. Речь идет о противопоставлении мира реального, достоверного (традиционного для автобиографической прозы, детально воссоздающей конкретно-исторический контекст жизни героя) и мира условного, созданного детской фантазией. Каждый из названных миров создается также в результате взаимодействия оппозиций, что является приметой стиля М. Осоргина. Первый, реальный мир неоднократно становился предметом внимания исследователей, примером могут послужить работы М. С. Анисимовой, Е. В. Погодиной, А. В. Полупановой [2, 7, 8] и др., в то время как условный мир, созданный автором, рассматривается не столь пристально. А вместе с тем он не менее наглядно проявляет особенности почерка писателя.

Начнем с того, что существование условной реальности мы можем видеть и в других произведениях русской литературы, созданных в аналогичных условиях, например, в романах В. Набоко-

ва «Машенька» и «Защита Лужина». Конечно, их нельзя в полном смысле слова назвать автобиографическими, но многое из реальной жизни в эмиграции самого автора нашло в них свое отражение: берлинское настоящее и русское прошлое в «Машеньке», реальный и шахматный мир в «Защите Лужина». Но в текстах В. Набокова, как неоднократно отмечали исследователи, означенные миры постоянно меняются местами, реальное становится призрачным и наоборот [1; 3]. М. Осоргин же выстраивает соотношение миров совсем иначе: в его «Временах» абстрактный мир, созданный фантазией ребенка, существует наряду с реальным миром. Его условность подчеркивается характером фантазий, которые по сути своей предвосхищают дальнейшие события в жизни героя, хотя и возникают в его сознании намного раньше – в детском возрасте. Например, «устраиваюсь под столом ... чтобы обдумать впечатления поездки по многим странам, о которых никогда не слышал, так как я очень маленький и мне предстоит пережить и отца, и мать...» [6. С. 500]. Подобное «забегание» вперед не прихоть автора, а его глубокое убеждение в том, что «мечта ребенка – сложное из отзвуков *пережитого* его предками и дальних *предчувствий будущего*» [6. С. 499]. И в отличие от взрослых, которые свои мысли думают и придумывают, ребенок «свои допускает и видит, сам им ничем не помогая» [6. С. 499].

В целом условное пространство создается автором с той же тщательностью, внимательностью и достоверностью, что и реальное: мы встречаем при его описании как географические названия, так и традиционные для М. Осоргина локусы и образы. Самые распространенные – это Кама, Рим, подвал, пещера, лодка, гондола, поезд и т.п. Но так как этот мир носит условный характер, то и перемещение в нем максимально упрощается. Герой свободно преодолевает большие расстояния, целиком и полностью подчиняясь своей мысли: «Мои руки вытягиваются и обнимают ряд зданий – и двор с нелепой куклой Ломоносова, и холод колонн университета в Риме, и Сорбонну, катящуюся по скату улицы Сен-Жак!» [6. С. 541]. И это существенно отличает мир условный от реального.

Вместе с тем творческая природа М. Осоргина решительно восстает против искусственного порядка и строгого разделения двух миров. Как следствие реальное и условное пространство сближаются и перемежаются. Во многом это происходит потому, что осоргинский герой – творческая личность, которая живет сразу в двух мирах. Кроме того, эти миры обнаруживают общие принципы ор-

ганизации, это и связующий все воедино и задающий вектор расширения образ дороги, и оппозиции «расширение – сужение», «открытое – закрытое» [4].

Наиболее отчетливо тенденция соединения реального и кажущегося проявляется в хронотопе дороги и связанном с ним мотиве путешествия. Оно совершается не только в действительности, в реальном мире («Самое *главное* в моем детстве — мой первый *дальний выезд*, — не пытаюсь объяснить, почему в нём нет нужной *отчётливости*» [6. С. 504]), но и в воображении героя: «С ними (с родителями – Е. М.) я, ещё ни разу не побывав дальше деревни Загарье, уже давно *мысленно совершил все дальние поездки* из симбирской вотчины в угодья и приволья башкирцев Уфимского наместничества, из Казани в новое Багрово, с переправой на «посуде» через Каму повыше Щурана, лошадьми на Татарский Байтуган. Я помнил имена местечек, где такой же, как я, мальчик (герой Аксакова – Е.М.) гуливал или уживал рыбу» [6. С. 504].

Жизненные впечатления героя и его пространственные перемещения оказываются тесно связаны друг с другом, поэтому их невозможно отделить. Однако М. Осоргин, в отличие от В.Набокова, размывающего границу и не проводящего четких границ между различными мирами, четко фиксирует переход своего героя из одной реальности в другую, например, меняя средство его передвижения, как в приведенном ниже фрагменте романа: «А на *Деме*, в самом устье, летом застревают в песке и тине огромные коряги; в лунную ночь мы высаживались на них с *лодки* и располагались в живописных группах — по шесть-семь человек на одной коряге. Отмахнув рукой эту ночную живопись, я в *узкой и черной лодке с уютным балдахином* подъезжаю к разукрашенной цветными фонариками небольшой барке, в центре которой стоит пианино, и между пьестеттой и островом Св. Георгия слушаю затасканную, но в этой обстановке всегда свежую серенатину, пока *гондольер* вертит свою сигаретку; потом мы отплываем от слишком сладких звуков в глубины и ответвления большого *венецианского канала*, потому что сегодня хочется чувствовать себя беззаботными туристами. *Поезд* пролетает над блюдами и глубокими чашками *норвежских* сладких вод, и горный поток сталкивает в них завернутые в кружевную пену стволы строевого леса — трубочки со сливками в воде червленной стали. По лесному озеру в верховьях *Камы* мы стараемся не плескаться громко *веслами лодки...*» [6. С. 507].

Способность к подобному рода перемещениям, по мысли автора, с особой силой проявляется у человека в детстве, поскольку детское сознание максимально открыто миру и активно его постигает. Эту мысль подтверждает следующий фрагмент романа, где герой описывает свое состояние после того, как не сумел решить арифметическую задачу: «...я почувствовал себя *глубоко несчастным, заживо замученным и осужденным на гибель* человеком, лег на пол, разрыдался и так *заснул*. Я лежал в той *яме*, где арестант высосал корову, и *боялся* поднять голову, так как меня преследовали Иуда и братья его и хотели заставить писать мелом на черной доске, и это были древляне, которые привязали к *верхушкам деревьев* Святополка Окаянного за то, что он не решил задачи, и теперь хотели так же разорвать и меня. Лежать было очень холодно, *лодку* качало, под голову забралась *скользящая рыба*, пальцы мои были перемазаны в чернилах» [6. С. 511]. Чувство несправедливо свалившегося горя позволяет герою, лежащему на полу, перенестись, погрузившись в сон, в иное пространство, которое оказывается *закрытым*, а значит более защищающим и оберегающим героя.

Другой фрагмент «Времен» также выстраивается на оппозициях «расширение – сужение», «открытое – закрытое», более того пространственные перемещения здесь уже напрямую зависят от творческих способностей героя: «Большой письменный стол отца превращается в *пещеру*, размытую в скале вытекавшей из неё подземной речкой, и волосатый человек вползал в неё осторожно, не задев отцовской ноги и опасаясь натолкнуться на пещерного медведя» [6. С. 499]. Далее расширившееся вдруг пространство природного характера вдруг сокращается до зала *суда*, в котором служит отец: «Стараясь не глядеть на подсудимого, свидетели хмуρο утверждали, что слышали угрозы и видели, как парень шатался вокруг деревни, а тетка слышала и крик убиваемого, и, когда присяжные, недолго посоветавшись, представили свое заключение, арестанта увели обратно под свод тюремной камеры» [6. С. 499]. Но и этого герою оказывается недостаточно, его мысль следует дальше и пространство еще больше раздвигается, вновь обретая признак открытости: «чиркнула спичка, осветив уголок *пещеры*, и ее своды раздвинулись, а наверху, в проломе *базилики Константина*, на *римском Форуме*, заголубело небо. Я сидел на камне и слушал звуки города» [6. С. 500]. И здесь же реальное существование резко возвращает героя обратно: «Но сильно затекла согнутая нога, пришлось протянуть ее по ковру, а

рука отца нащупала мою голову и потрепала за хохолок на затылке, который никакой помадой не примазывался» [6. С. 499]. Однако ненадолго, ибо мир фантазии вновь овладевает мальчиком: «Когда же закрыл глаза, о борт *парохода*, шедшего с потушенными огнями, стали ударяться волны монотонной восточной музыкой, хотя мы шли к *берегам Норвегии*. Потом была крыша так же мерно стучавшего *поезда*...» [6. С. 499]. Итогом мысленного путешествия становится возвращение героя обратно – в низенький дом в шесть окон, где он устраивается «под столом на излюбленном местечке, под зашитой больших ног в спальнях туфлях, чтобы обдумать впечатления поездки по многим странам, о которых никогда не слышал...» [6. С. 500].

Таким образом, художественное пространство «Времен» при всем своем соответствии жанровым канонам автобиографического романа имеет свою специфику, обусловленную особенностями стилевого мышления М. Осоргина. Пространственные отношения выстраиваются с помощью образа дороги и мотива путешествия, а также в результате взаимодействия оппозиций «расширение – сужение», «открытое – закрытое», которые, с одной стороны, углубляют и заостряют противопоставление реального мира и мира фантазии, а с другой – «смягчают» и «сглаживают» ее. Ведь оба мира М. Осоргин описывает посредством одних и тех же антитез и стилевых механизмов.

Список литературы

1. Аверин, Б. Дар Мнемозины (романы Набокова в контексте русской автобиографической традиции). СПб., 2003. С. 231–378.
2. Анисимова, М.С. Мифология «дом» и ее художественное воплощение в автобиографической прозе первой волны русской эмиграции: на примере романов И.Шмелева «Лето Господне» и М.Осоргина «Времена» дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2007. 185 с.

List of literature

1. Averin, B. Dar Mnezoziny (romany Nabokova v kontekste ruskoj avtobiograficheskoj tradicii). SPb., 2003. S. 231–378.
2. Anisimova, M.S. Mifologema «dom» i ee hudozhestvennoe voploshhenie v avtobiograficheskoj proze pervoj volny ruskoj jemigracii: na primere romanov I.Shmeleva «Leto Gospodne» i M.Osorgina «Vremena» dis. ... kand. filol. nauk. Nizhnij Novgorod, 2007. 185 s.

3. Белоусова, Е .Г. Стилевая интенсификация в русской прозе рубежа 1920 – 1930-х годов. С. 87–142.
4. Белоусова, Е. Г. Особенности организации художественного пространства в романе М. Осоргина «Времена» / Е. Г. Белоусова, Е. П. Маренина // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Вып.78. 2013. (в печати)
5. Лотман, Ю. М. Художественное пространство в прозе Гоголя // Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М., 1988. С. 251–292.
6. Осоргин, М. Времена: Автобиографическое повествование. Романы. М., 1989. С. 488–599.
7. Погодина, Е. В. Специфика речевого функционирования категорий «пространство» и «время» в автобиографической прозе: На материале произведений М. Осоргина и И. Бунина: дис. ... канд. филол.наук. СПб., 2002. 182 с.
8. Полупанова, А. В. Формы выражения авторского сознания в автобиографической прозе И. Бунина и М. Осоргина: «Жизнь Арсеньева» – «Времена»: дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2002. 185 с.
3. Belousova, E .G. Stilevaja intensifikacija v russkoj proze rubezha 1920 – 1930-h godov. S. 87–142.
4. Belousova, E. G. Osobennosti organizacii hudozhestvennogo prostranstva v romane M. Osorgina «Vremena» / E. G. Belousova, E. P. Marenina // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija. Iskustvovedenie. Vyp.78. 2013. (v pechati)
5. Lotman, Ju. M. Hudozhestvennoe prostranstvo v proze Gogolja // Lotman Ju. M. V shkole pojeticheskogo slova: Pushkin. Lermontov. Gogol'. M., 1988. S. 251–292.
6. Osorgin, M. Vremena: Avtobiograficheskoe povestvovanie. Romany. M., 1989. S. 488–599.
7. Pogodina, E. V. Specifika rechevogo funkcionirovanija kategorij «prostranstvo» i «vremja» v avtobiograficheskoj proze: Na materiale proizvedenij M. Osorgina i I. Bunina: dis. ... kand. filol.nauk. SPb., 2002. 182 s.
8. Polupanova, A. V. Formy vyrazhenija avtorskogo soznanija v avtobiograficheskoj proze I. Bunina i M. Osorgina: «Zhizn' Arsen'eva» – «Vremena»: dis. ... kand. filol. nauk. Ufa, 2002. 185 s.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81'42

ВЗАИМОПОНИМАНИЕ В СЕМЬЕ КАК ОСНОВА НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ ЛИЧНОСТИ

А. С. Айткалиева

Рассматриваются актуальные проблемы нравственного воспитания поликультурной личности в условиях современного общества. Автор стремится решить данный вопрос с позиции формирования личности в семье.

Ключевые слова: нравственность, духовность, семья, семейное воспитание, культ родителей, авторитет родителей, забота, любовь, добро, уважение, трудолюбие, поликультурная личность, взаимопонимание, взаимопомощь, ответственность, межкультурная коммуникация, межнациональное общение, многоязычие, благоприятный морально-психологический климат, ата-ана, бала, немере, аскар тау, тәрбие, отбасы, ана тілі, национальная культура, познание окружающего мира.

Ориентация современного общества на гуманизацию человеческих отношений, на поддержание уважительного отношения к окружающим ставит в число актуальных проблем дифференциацию и индивидуализацию обучения и воспитания, создание максимальных условий для формирования, развития и нравственного воспитания поликультурной личности.

В этой связи ученые определяют три группы факторов, влияющих на нравственное воспитание в семье:

- социальная микросреда семьи, где осуществляется приобщение детей к социальным ценностям и ролям;
- внесемейная деятельность, т.е. совместный труд;
- собственно семейное воспитание как средство целенаправленных педагогических воздействий [1. С. 5].

Казахский национально-традиционный семейный уклад помогает ребенку познавать жизнь в разных ее проявлениях и учит вклю-

чаться в эту жизнь по мере сил и способностей. На основе традиционных духовно-нравственных устоев семьи закладывается последующая социальная и духовная состоятельность личности.

Следует отметить, что одной из причин кризиса в духовно-нравственной сфере современного общества является несоблюдение традиционных устоев семьи, хотя именно в семье ребенок получает азы знаний об окружающем мире, а при высоком культурном и образовательном потенциале родителей продолжает получать не только азы, но и саму культуру.

Семья – это определенный морально-психологический климат для ребенка, школа отношений с людьми. Именно в семье складываются представления ребенка о добре и зле, о порядочности, об уважительном отношении к материальным и духовным ценностям. С близкими людьми в семье он переживает чувства любви, дружбы, долга, ответственности, справедливости. Нравственное воспитание молодого поколения всегда связано с моральным кодексом семьи. Любовь к Родине, преданность интересам страны, чувство коллективизма, правдивость, честность, скромность, верность в дружбе и любви – таковы основные черты нравственной личности в понимании казахского народа. Много интересного содержится в этнопедагогике о физическом и эстетическом воспитании молодежи. Любовь к детям, постоянная забота о них в семье впоследствии сказываются в благотворных результатах воспитания молодого поколения. Одной из характерных черт казахской народной педагогики является культ матери, культ родителей, культ старшего человека вообще. Об этой специфике свидетельствуют следующие пословицы-поговорки: *Әке – асқар тау, ана – мөлдір бұлақ, бала – жағасындағы құрақ*, что в переводе означает: *Отец – высокая гора, мать – прозрачный родник, ребенок – зеленый тростник. Ата-ананың қадірін балалы болғанда білесің – Цену родителям узнаешь, когда сам станешь отцом. Баланың тілін тек анасы ғана түсінеді – Язык ребенка поймет только мать. Қарты бар үйдің қазынасы бар – Слово дедов – источник разума.* Также казахи верно подмечают, что *Ананың көңілі балада, баланың көңілі далада – Сердце матери в детях, сердце детей в играх* [2. С. 8].

В традиционной казахской семье отец и мать – это первые воспитатели, бабушка и дедушка – это неофициальные безымянные народные педагоги-воспитатели, аккумулирующие семейные традиции воспитания. Поэтому казахи и в шутку и в серьез изрекают:

Балаңды өскенше бағасың, немереңді өлгенше бағасың. О детях заботишься, пока они не вырастут, о внуках заботишься до конца дней своих.

Семейное воспитание начинается с привития простых норм нравственности. Эта закономерность общего порядка обусловлена социальными и физическими факторами. Простая норма – это своеобразные правила поведения, без которых невозможны совместная деятельность и жизнь людей.

Воспитывая у детей простые повседневные правила поведения, родители передают свой моральный кодекс, формируют систему определенных принципов, которой руководствуются сами в процессе практической деятельности. Возведение простых норм обыденной жизни семьи к оценочным категориям добра и зла является весьма важным моментом в формировании морального сознания. Если, скажем, определенная норма поведения совершенно ясна и проста для взрослого, то для ребенка она не совсем проста. Для детей простые нормы есть не что иное, как высшая форма обобщения окружающей действительности, позволяющая делать выводы, мотивировать свою деятельность, анализировать поступки, регламентировать поведение. А это уже нравственная деятельность, практическая реализация содержания, которое вкладывают родители в понятия добра и зла.

Нравственность как состояние духа регулирует поведение человека изнутри, из души, из совести, помогает установить против негативных внешних воздействий. Внутренние нравственные убеждения, высокие гуманные принципы делают человека духовным существом и обеспечивают уважение к самому себе. Нравственность возникает как совокупный продукт материально-духовного, социального бытия человека. В ней есть то духовное, общее для всех нравственных людей, что составляет ее стержень, и что выражается в ее принципах жизнедеятельности. Нравственное воспитание эффективно осуществляется только как целостный процесс общечеловеческой морали. Результатом целостного процесса является формирование нравственно-цельной личности, в единстве ее сознания, нравственных чувств, совести, нравственной воли, навыков, привычек, общественно ценного поведения.

Успех нравственного воспитания детей во многом зависит от характера субъективного нравственного пространства, в котором они живут. В него входят отношения и общение в коллективе; отношения и общение на улице; общение с товарищами; отношение

к себе; отношение к природе, к внешнему миру; отношение к общественным требованиям; отношения в семье, которое является самым важным пространством в этом процессе.

Семья – это колыбель духовного рождения человека. Она является одним из древнейших институтов воспитания, где происходит самопознание и формируются потребности ребенка в любви, ласке, уважении и общении. Семья также является первичной средой, где человек должен учиться творить добро. В казахском языке есть такая пословица: *Тәрбие тал бесіктен басталады – Воспитание начинается с колыбели*. Казахи часто вспоминают такой поучительный рассказ: *«К мудрецу приходит один человек и просит совета, как нужно правильно воспитывать сына. Мудрец спросил: – Сколько же лет Вашему ребенку? Ему ответили – 5 лет. Тогда мудрец сказал: – Уважаемый, Вы опоздали ровно на пять лет»* [3. С. 25].

Большую роль в семейном воспитании играет авторитет родителей, без которого воспитание невозможно. Главным основанием родительского авторитета может быть трудовая деятельность родителей, их гражданское лицо, поведение. Авторитет – это влияние какого-либо лица, основанное на знаниях, нравственных достоинствах и жизненном опыте. Быть авторитетным родителем – значит притягивать ребенка силой обаяния своей личности, руководить и помогать там, где это необходимо. Чаще всего авторитетом семьи является глава семейства – это отец, который непосредственно должен владеть нравственно-этической зрелостью, умением общаться с детьми. Именно в общении с детьми родитель обязан способствовать развитию их индивидуальности, а не подгонять индивидуальность под шаблон.

Авторитет родителей не является единственным фактором в становлении нравственности личности, наряду с ним можно выделить также и общеобразовательную и педагогическую подготовленность родителей. Концепция семейной педагогики – это создание системы воспитания, обеспечивающей всестороннее и гармоничное развитие личности. Только такое семейное воспитание может сделать ребенка счастливым.

Все правила нравственности и доброжелательности должны передаваться детям чаще и скорее всего не словами, а фактами самой повседневной жизнедеятельности. При этом необходимо, чтобы собственная нравственность воспитания была безупречна. Воспитание в семье носит комплексный, естественный характер. Важнейшим

фактором реализации воспитательного потенциала семьи выступает сознательная, целенаправленная и систематическая воспитательная деятельность родителей, которая подчинена ценностному идеалу и направлена на то, чтобы способствовать самосовершенствованию ребенка в его стремлении стать полноценной высоконравственной личностью. Хорошая семья представляет собой коллектив, где все члены спаяны отношением любви, взаимопонимания, взаимопомощи, ответственности друг за друга. В семье дети учатся разделять радости других людей, что представляет собой одну их величайших ценностей жизни. Приобщение детей к рачительному ведению хозяйства, т.е. воспитание трудолюбия также накладывает положительный отпечаток на нравственные качества личности. Особую пользу детям приносит тот труд, в котором они будут чувствовать необходимость и результаты которого будут явно кому-то нужны. В нравственном воспитании личности необходимо приобщить к народной культуре, через знакомство с национальной литературой. Необходимо читать как можно больше сказок, которые несут в себе воспитательные и поучительные воздействия. Именно они являются первыми учителями и формируют у детей первые представления о законах добра и зла. Такое же положительное влияние на духовный рост личности оказывают казахская национальная музыка, искусство, культура, спорт, традиции и обычаи.

Таким образом, проблема семейного воспитания – это наиболее острая проблема нашего времени. И в данной ситуации именно взаимопонимание в семье, достойный пример родителей способствуют формированию основ духовной культуры личности, отражающей основные признаки культуры мира, необходимой для полного развития человека как гражданина будущего общества.

Список литературы

1. Кожажметова, К. Поликультурное образование в условиях многоэтнического Казахстана. Алматы, 2008.
2. Кенжеахметов, С. Жеті қазына. Алматы: Атамұра, 2006.

List of literature

1. Kozhahmetova, K. Polikul'turnoe obrazovanie v uslovijah mnogojetnicheskogo Kazahstana. Almaty, 2008.
2. Kenzheahmetov, S. Zheti kazyna. Almaty: Atamұra, 2006.

УДК 81-26

**СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ,
ВЫРАЖАЮЩИХ ПРОТЯЖЕННОСТЬ В ПРОСТРАНСТВЕ,
В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ**

А. В. Аржановская

В статье рассматривается универсальная понятийная категория пространства с точки зрения такого параметра, как протяженность. В сопоставительном аспекте характеризуется семантическая структура базовых языковых единиц, обозначающих расстояние с точки зрения собственно протяженности, в русском и английском языках.

Ключевые слова: категория пространства, протяженность, семантическая структура, национально-культурные особенности.

Пространство – это одна из основополагающих и универсальных категорий, так как непосредственно связана с человеком. Все наши действия, наша жизнь протекает в пространстве, поэтому неудивительно, что категория пространства с давних пор интересует исследователей разных областей науки.

В силу своей универсальности и востребованности в каждой лингвокультуре категория пространства изучается с различных сторон в лингвистике. Нам представляется интересной и перспективной сопоставительная характеристика средств выражения растяжимых понятий пространства в русском и английском языках в аспекте национально-культурных особенностей.

Языковые средства выражения протяженности пространства могут быть классифицированы по различным основаниям: например, с точки зрения собственно протяженности (*далеко, близко* и др.), вертикальной оси (*вверх, вниз* и др.), местоположения кого-, чего-либо относительно какого-либо объекта (*рядом, около* и др.).

В рамках статьи остановимся на характеристике семантической структуры базовых языковых единиц *близко* (*close, near*), *вблизи* (*close up*), *далеко* (*far*), *вдали, вдалеке* (*in the distance*), *вдалеке* (*afar*), *издали, издалека* (*from afar, from a distance*) в русском и английском языках, обозначающих расстояние с точки зрения собственно про-

тяженности. Семантическую структуру мы рассматриваем как иерархию категориальной, интегральных и дифференциальных сем. В качестве категориально-лексической семы в семантической структуре данных единиц устанавливается 'протяженность в пространстве'. Остановимся на характеристике особенностей реализации интегральной семы 'характер протяженности'.

В семантической структуре языковых единиц *близко*, *вблизи* интегральная сема 'характер протяженности' реализуется в дифференциальной семе 'протяженность на малое расстояние'. В толковых словарях [ОСРЯ] приводятся синонимичные значения данных слов. Ср.: *близко* – «находящийся, происходящий на небольшом расстоянии, недалеко стоящий» [5. С. 44]; *вблизи* – «на близком расстоянии» [5. С. 58]. Однако данные единицы не являются полностью тождественными и взаимозаменяемыми. Например: *Мы рядом, близко друг к другу, стояли у окна, в которое свежо пахло водой и городской мокрой пылью, и, казалось, только смотрели и слушали с пристальным волнением* [2. С. 323]. В данном примере невозможна замена *близко* на *вблизи*, поскольку смысл высказывания искажается. Наличие контекстуального уточнителя *рядом* указывает на то, что расстояние между субъектом и объектом минимальное, в то время как *вблизи* обозначает протяженность несколько нечетко. Ср.: *Вблизи, в огромном пространстве долины, в прохладной и влажной свежести тумана лежало голубое, прозрачное и глубокое озеро* [3. С. 41]. Контекстуальный уточнитель *в огромном пространстве долины* подчеркивает, что данная языковая единица обозначает некое особое пространство, находящееся в непосредственной близости от субъекта восприятия.

В английском языке дифференциальная сема 'протяженность на малое расстояние' реализуется в семантической структуре *close* (*близко*), *near* (*близко, около*), *close up* (*вблизи*). Например: *Господин, если бы видели, из чего эту колбасу делают, вы бы близко не подошли к магазину – Sir, if you had only seen what that salami made of you would not have gone near that shop!* [1. С. 144]. *Он стоял так близко, что мы почти столкнулись – We were quite close, almost touching* [6. С. 10]. *А вот по глазам – тут уж и вблизи и вдали не снутаешь – It's by the eyes you can tell – from afar and close up* [1. С. 144].

Языковые единицы *close* (*близко*), *near* (*близко, около*), *close up* (*вблизи*) употребляются для обозначения минимальной пространственной протяженности между двумя или несколькими предметами

или между субъектом и объектом восприятия. Ср.: *Ноздрев вспыхнул и подошел к Чичикову так близко, что тот отступил шага два назад – Nozdryov flushed and walkwd up so close to Chichikov that he latter stepped back a couple of paces* [4. С. 272].

Дифференциальный признак 'протяженность на большое расстояние' в рамках указанной интегральной семы реализуется в семантической структуре единиц *далеко, вдали, издали, вдалеке, издалека*. Особенность данных языковых единиц заключается в том, что все они производны от прилагательного *далекий*, одно из значений которого – «находящийся, происходящий на большом расстоянии или имеющий большое протяжение» [5. С. 123].

Далеко и производные от него употребляются в тех случаях, когда речь идет о наиболее удаленном, крайнем из двух или нескольких предметов или объектов, например: *И вот издалека-издалека долетел до нас мерный и звонкий голос колокола, одиноко звонившего где-то в горах. Так далеко был он, что мы порою едва улавливали его* [3. С. 42]. В приведенном примере контекстуальные уточнители подчеркивают крайнюю удаленность колокола от субъекта. Или: *Мы представили самих себя далеко в сердцеvine гор, где не бывала еще нога человека...* [3. С. 43]. *Вдалеке* все было в легком светлом тумане, а мостовая в конце улицы блестела под солнцем, как золотая [3. С. 40]. В данном примере *вдалеке* называет некое пространство, которое воспринимает субъект, что подчеркивается и контекстуальным уточнителем *мостовая в конце улицы*.

В английском языке дифференциальная сема 'протяженность на большое расстояние' реализуется в семантической структуре языковых единиц *far (далеко), in the distance (вдали, вдалеке), afar (вдалеке), from a distance (from afar) (издали, издалека)*. Например: *На север от Гремячего Лога, далеко-далеко за увалами сумеречных степных гребней, за логами и балками, за сплошьяками лесов – столица Советского союза – North of Gremyachy Log, far beyond the dark folds of rolling steppeland, beyond the gullies and ravines, beyond the big timber masses lies the capital of the Soviet Union* [7. С. 123]. Контекстуальные уточнители подчеркивают, что *far (далеко)* обозначает кого-, что-либо, удаленное на очень большое расстояние.

Таким образом, была рассмотрена семантическая структура языковых единиц *близко (close, near), вблизи (close up), далеко (far), вдали, вдалеке (in the distance), вдалеке (afar), издали, издалека (from afar, from a distance)* в русском и английском языках, обозначаю-

щих расстояние с точки зрения собственно протяженности. Общей категориальной семой в их семантической структуре является сема 'протяженность в пространстве', реализующаяся в нескольких интегральных семах, которые, в свою очередь, представлены дифференциальными признаками. Релевантной интегральной семой является сема 'характер протяженности'.

В результате сопоставительного анализа мы пришли к выводу, что обозначение пространственной протяженности носителями русского и английского языков во многом совпадает. Однако в английском языке наблюдается более четкое структурирование характера протяженности объекта относительно какого-либо субъекта.

Список литературы

1. Булгаков, М. А. Собачье сердце // Булгаков М. А. Ханский огонь: Повести и рассказы. М., 1988.
2. Бунин, И. А. Ворон // Бунин И. А. Избранная проза. Мн., 1986.
3. Бунин, И. А. Тишина // Бунин И. А. Избранная проза. Мн., 1986.
4. Гоголь, Н. В. Мертвые души // Гоголь Н. В. Избранные произведения. М., 1959.
5. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. 19-е изд., испр. М., 1987.
6. Уайльд, О. Портрет Дориана Грея. М. : Элиста, 1986.
7. Шолохов, М. А. Поднятая целина // Шолохов М. А. Собр. Соч.: в 8 т. Т. 5–6. М., 1986.

List of literature

1. Bulgakov, M. A. Sobach'e serdce // Bulgakov M. A. Hanskij ogon': Povesti i rasskazy. M., 1988.
2. Bunin, I. A. Voron // Bunin I. A. Izbrannaja proza. Mn., 1986.
3. Bunin, I. A. Tishina // Bunin I. A. Izbrannaja proza. Mn., 1986.
4. Gogol', N. V. Mertvyje dushi // Gogol' N. V. Izbrannye proizvedenija. M., 1959.
5. Ozhegov, S. I. Slovar' russkogo jazyka / pod red. N. Ju. Shvedovoj. 19-e izd., ispr. M., 1987.
6. Uajl'd, O. Portret Doriana Greja. M. : Jelista, 1986.
7. Sholohov, M. A. Podnjataja celina // Sholohov M. A. Sobr. Soch.: v 8 t. T. 5–6. M., 1986.

УДК 81-26

**ОЦЕНОЧНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МЕТОНИМИИ 'МЫЛО'
В КИНОКРИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ УКРАИНСКОГО ЯЗЫКА)**

Ю. О. Гарюнова

Автор статьи рассматривает функционирование метонимии мыло в оценочных фрагментах украиноязычных кинокритических текстов. Выявлено, что аксиосемантика метонимии часто формируется контекстуально, интенсифицируется с помощью языковых средств стереотипизации, а также актуализации комического. Показано, что метонимические переносы могут иметь как прагматический, так и оценочный потенциал в кинокритическом дискурсе.

Ключевые слова: кинокритический дискурс, оценка, аксиосемантика, метонимия.

Киноискусство с момента своего появления заняло значимое место в жизни общества, став своего рода зеркалом, которое отображает особенности политической, экономической, культурной ситуации, демонстрирует ценностные установки и формирует мировоззренческие ориентиры социума. Кино, по мнению М. Ворошиловой, постепенно стало транслятором моделей поведения для среднестатистического носителя современной культуры [3. С. 106]. Поэтому логичным представляется обращение исследователей к проблематике кинотекста.

Как связанное, целостное и завершённое сообщение, оформленное при помощи вербальных и невербальных средств, соответствующее замыслу коллективного, функционально дифференцированного автора, транслируемое через кинематографические коды и предназначенное для аудиовизуального восприятия зрителями, кинотекст рассматривают представители волгоградской научной школы (Г. Слышкин, О. Иванова, М. Ефремова) [8. С. 32].

Традиционно кинотекст считают разновидностью креолизованного текста, то есть поликодового, синкретического образования, фактура которого, по определению Ю. Сорокина и Е. Тарасова, состоит из двух негомогенных частей (вербальной и невербальной) [9.

С. 180–181]. Ученые, разрабатывающие вопрос кинотекста, акцентируют на том, что его определяющей чертой является прагматическая направленность, а именно — комплексное влияние на адресата. Это утверждение принципиально для нашего исследования, объектом которого является вербальная составляющая рассматриваемого синкретического образования — массив кинокритических текстов печатных и интернет-изданий.

На сегодняшний день языковая составляющая кинотекста изучена достаточно фрагментарно. Так, М. Кронгауз, разрабатывая проблему успешности/ неуспешности коммуникативной ситуации, обращается к текстам кинокритических рецензий [5. С. 296–307]. Более масштабной является работа С. Панченко, который сделал попытку определить лингвистические параметры русскоязычного киноанонса. Ученый констатирует: исследуемый им специфический жанр несет информацию о предложенном для просмотра фильме и имеет прагматическую установку на привлечение внимания потенциального зрителя [7. С. 7]. Более широкий материал использует для своей работы Л. Ваховская: обращаясь к современной американской периодике, она рассматривает лингвокогнитивные и коммуникативные аспекты англоязычных текстов кинематографической проблематики. Выводы ученой достаточно полемичны: Л. Ваховская, выделяя ядро и периферию в исследуемых текстах, к последней причисляет оценку предлагаемого фильма. При этом оценочность называется *одной* из стратегий рассматриваемых текстов [2. С. 5]. Мы считаем, что аксиологическая составляющая является наиболее важной частью структуры критического текста о кино, а значит термин «кинокритическая статья» является более уместным, так как несет в своем семантическом наполнении указание на оценочность и охватывает всю систему жанров, связанных с кинематографической тематикой. Расхождение во мнениях относительно лингвистических параметров кинокритических текстов, отсутствие комплексных студий по данной проблеме на материале украинского языка свидетельствует о научной новизне предлагаемого исследования.

А. Токмаков, на материале французской кинокритики, рассматривает метонимию как средство прагматического воздействия [10]. По мнению же И. Гусаровой, метафора и метонимия являются основными способами создания вторичной номинации в кинематографическом тексте [4. С. 2]. В своем исследовании мы хотим рассмотреть

оценочный потенциал метонимии в украиноязычных кинокритических текстах на примере широко используемой метонимии *мыло*.

О. Ахманова в «Словаре лингвистических терминов» дает такое определение метонимии: «Троп, состоящий в том, что вместо названия одного предмета дается название другого, находящегося с первым в отношении «ассоциации по смежности», т. е. в отношении процесс – результат, материал – изделие, одно в другом, одно на другом, объект знания – отрасль знания и т. п.» [1. С. 234]. В лингвистическом энциклопедическом словаре находим такую дефиницию: «Метонимия – троп или механизм речи, состоящий в регулярном или окказиональном переносе имени с одного класса объектов или единичного объекта на другой класс или отдельный предмет, ассоциируемый с данным по смежности, сопредельности, вовлеченности в одну ситуацию [6. С. 300]. Метонимические переносы, утверждает А. Токмаков, могут использоваться в тексте для актуализации необходимого признака, определяющего объект в возможном мире, индивидуализируя его носителя, а метонимически использованные имена способны создавать основание для аксиологического вывода в оценочно ориентированных контекстах [10. С. 5].

Так, метонимия *мыло* впервые появилась в 30-х годах прошлого века в США в связи с транслированием по радио сентиментальных историй для домохозяек, которые прерывались рекламой моющих средств. С того времени метонимия активно употребляется в кинодискурсе, актуализируя в каждом контексте те или иные черты называемой реалии.

В кинокритических украиноязычных текстах метонимический перенос *мыло* часто используется с целью экспликации негативной оценки фильма: «*Кіно – це мова світу. І її треба знати, щоб відрізнити дешево “мило” від душевного спілкування*» [<http://zik.ua>; 14.06.2013]. Для интенсификации негативной оценочности, вербализированной коннотированным прилагательным *дешево*, автор статьи противопоставляет позитивный аксиологический смысл словосочетания *душевне спілкування*.

В некоторых контекстах актуализируются определенные черты киножанра, называемого *мылом*, например, предназначенность для определенной зрительской аудитории: «*Коли одні вважають за недоцільне знімати в цій країні кіно, інші — мовою цієї країни кіно показувати, тоді ефір заповнюється переважно господарським милом, себто — “милом” для домогосподарок* [Укр. тиждень. – 2007. – №

5]. Таким образом, метонимия *мыло* становится транслятором стереотипного образа кино, предназначенного не только для определенного зрителя, но и для определенного случая, праздника и т. п.: «*Нове мило до новорічного телестолу*» [<http://www.slovo-unp.com>; 13.06.2013].

На то, что за метонимическим переносом кроется стереотипный образ фильма, могут указывать прилагательные с семантикой «обычный, классический»: «*Звичайнісінька мильна опера*» [<http://1tv.com.ua>; 07.06.2013].

Метонимия *мыло* также отсылает реципиента к стереотипным ситуациям, связанным с жанром кино, а именно к его сценарным перипетиям: «*Історична мильна опера, де з кожного кадру випадають цицьки, вільно базується на житті Сулеймана Пишиного. І це лише одне з понад сотні шоу, які створила за останній рік турецька телеіндустрія, котра бурхливо розвивається*» [<http://infocorn.org.ua>; 06.06.2013]. Так, предложенный контекст демонстрирует актуализацию такой стереотипной черты киномыла, как вульгарный, незамысловатый сюжет. Негативная эстетичная оценочность усиливается посредством использования стилистически маркированной лексики – *цицьки*.

Для того чтобы сделать стереотипный образ «мыльного фильма» более рельефным, автор кинокритической статьи может использовать прецедентные имена, например: «*Історії “попелюшок”, або ж “героїв нашого часу” – незалежно від того, менти вони чи бандити, – ніколи не втраять своєї актуальності. Адже комусь мило допомагає збагатити бідне на події життя*» [TELECITY. – 2007. – №2]. Употребленные в критическом фрагменте прецедентные номены помогают подчеркнуть стереотипность киножанра. Оценочность же, вербализованная в тексте, не имеет негативного оттенка, в отличие от следующего примера: «*Минулого року остання серія турецької мильної опери “Ноор” про попелюшку-що-стає-принцесою зібрала 85 мільйонів глядачок – від Сирії до Марокко*» [<http://infocorn.org.ua>; 06.06.2013]. В этом фрагменте стереотипный образ мыльной оперы становится более четким благодаря использованному прецедентному имени, при этом во фрагменте транслируется негативная оценочность. Причина этому явлению — юмор, средством выражения которого является специфическая графическая оформленность текста.

Можно отметить, что метонимия *мыло* не всегда употребляется в негативнооценочных контекстах: «*Відома вітчизняним глядачам*

“класика жанру” – “Санта Барбара” знімалась і йшла на ТБ майже дев’ять років та налічує 2137 серій. “Не родись вродлива” – теж справжнє “мило”, і доволі високоякісне. Можемо, коли хочемо» [TELECITY. – 2007. – №2]. В аналізованому фрагменті підкривається така черта сентиментального кіножанра, як більше кількість серій, в зв’язі з чим уживається прецедентне ім’я – називання відомого серіалу «Санта Барбара». Автор дає телемылу «Не родись красивою» позитивну оцінку, актуалізуючи нормативну аксіосемантику прилагательного *високоякісне*. Використане визначення змінює повну аксіологічного значення, закладений в значенні метонимії.

Як показав аналіз мовного матеріалу, метонимія *мыло* частіше всього має чітку асоціацію з жанром серіалу, що підкриває використання лексеми словообразовательного гнезда сущствительного *серіал*: «Глядачам обіцяють, що “Сусіди” – це буде перший український “мильний” серіал» [http://www.volynnews.com; 12.06.2013]; «Цей фільм – не ті безглузді “мильні” серіали, якими перенасичене наше телебачення. Чудова і дуже зворушлива історія про справжні, сильні почуття, які можуть подолати всі мінливості долі» [http://top-film.in.ua; 24.04.2013]. В першому з досліджуваних фрагментів прилагательне *мильний* не має негативної оціночності, а во другому цей аспект значення актуалізується при допомозі визначення *безглузді*, являючогося вербалізатором негативного аксіологічного значення. Таким чином, метонимія *мыло* часто стає експлікатором негативної оціночності в визначеному контексті.

На негативну аксіосемантику номена *мыло* може вказувати комічність контекста: «Селеві потоки румунського “мила” насуватимуться на глядачів “1+1” з шаленою силою. Цілих двісті серій! Усього цього мила вам вистачить аж на рік!» [TELECITY. – 2007. – № 3]. Комічний ефект виникає шляхом порівняння прямого і метонимічного значень слова. В першому реченні автор актуалізує пряме значення лексеми в зв’язі з такою її характеристикою, як «текучість», однак одразу ж відсилає і до метонимічного значення – здатність викликати сльози у глядачів. Комізм посилюється парцелляцією во другому реченні. Юмор, реалізуваний в тексті, не можна розглядати однозначно як маркер негативної оціночності, однак для автора статті естетичні характеристики жанру серіалу є явно неприємними, що може свідчувати також і об імпліцитній оціночності.

Интересными с точки зрения вербализации аксиосмысла являются случаи иной вторичной номинации: «Згадані радянські серіали і сьогодні дивляться так, яке і не снилось жодній “мильній опері”. Адже вся ця продукція зроблена за законами мистецтва кіно і має зовсім іншу назву — “багатосерійний телевізійний фільм”» [TELECITY. – 2007. – №2]. По сути, название *багатосерійний телевізійний фільм* является синонимом сериала, называемого также мыльной оперой, однако эти два варианта вторичного номинирования транслируют противоположные типы оценки. Автор противопоставляет названия, соотнося их с разными полюсами аксиологической шкалы, что и позволяет метонимии *мыло* стать транслятором негативной оценочности.

Проведенное исследование показывает, что метонимия *мыло* активно используется в кинокритическом дискурсе, являясь в большинстве случаев транслятором негативной оценки. Однако такая аксиосемантика часто приобретается номеном в определенном контексте. В связи с метонимией *мыло*, ассоциируемой в основном с сериалом, могут актуализироваться различные стереотипные черты этого жанра: незамысловатый сюжет, большое количество серий, низкое качество продукции и др. Негативная оценочность иногда присваивается номену *мыло* в комических контекстах либо во фрагментах, где обозначаемой реалии противопоставляется другая, оцениваемая автором статьи позитивно.

Таким образом, использование метонимии *мыло* в кинокритическом дискурсе является средством прагматического воздействия на реципиента, способом актуализации оценочного смысла, что позволяет рассматривать кинокритические статьи (и кинотекст в общем) как аккумуляторы и трансляторы культурно-антропологических смыслов, а также подтверждает наличие связи между языковой и ценностной картинами мира.

Список литературы

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966. 606 с.
2. Ваховська, Л. Ф. Лінгвокогнітивний та комунікативний аспекти англomовних текстів з кінематографічної пробле-

List of literature

1. Ahmanova, O. S. Slovar' lingvisticheskikh terminov. M., 1966. 606 s.
2. Vahovs'ka, L. F. Lingvokognitivnij ta komunikativnij aspekti anglomovnih tekstiv z kinematografichnoї problematiki

- матики (на матеріалі сучасної американської періодики) : автореф. дис. ... канд. філол. наук. Київ, 2005. 14 с.
3. Ворошилова, М. В. Креолизованный текст : аспекты изучения // Политическая лингвистика. 2006. Вып. 22. С. 106–110.
4. Гусарова, И. В. Вторичная номинация в английских кинематографических текстах XX века : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2003.
5. Кронгауз, М. Русский язык на грани нервного срыва. М., 2007. 406 с.
6. Лингвистический энциклопедический словарь / глав. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990.
7. Панченко, С. А. Лінгвістичні параметри кіноанонсу : автореф. дис. ... канд. філол. наук. Дніпропетровськ, 2008. 20 с.
8. Слышкин, Г. Г. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа) / Г. Г. Слышкин, М. А. Ефремова. М., 2004. 153 с.
9. Сорокин, Ю. А., Тарасов, Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция / Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов // Оптимизация речевого воздействия. М., 1990.
10. Токмаков, А. Н. Метонимия как средство прагматического воздействия : на материале французской кинокритики : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2000.
- (na materiali suchasnoi amerikans'koї periodiki) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Kiev, 2005. 14 s.
3. Voroshilova, M. V. Kreolizovannyj tekst : aspekty izuchenija // Politicheskaja lingvistika. 2006. Vyp. 22. S. 106–110.
4. Gusarova, I. V. Vtorichnaja nominacija v anglijskih kinematograficheskikh tekstah XX veka : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. SPb., 2003.
5. Krongauz, M. Russkij jazyk na grani nervnogo sryva. M., 2007. 406 s.
6. Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar' / glav. red. V. N. Jarceva. M., 1990.
7. Panchenko, S. A. Lingvistichni parametri kinoanonsu : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Dnipropetrovs'k, 2008. 20 s.
8. Slyshkin, G. G. Kinotekst (opyt lingvokul'turologicheskogo analiza) / G. G. Slyshkin, M. A. Efremova. M., 2004. 153 s.
9. Sorokin, Ju. A., Tarasov, E. F. Kreolizovannye teksty i ih kommunikativnaja funkcija / Ju. A. Sorokin, E. F. Tarasov // Optimizacija rechevogo vozdejstvija. M., 1990.
10. Tokmakov, A. N. Metonimija kak sredstvo pragmaticeskogo vozdejstvija : na materiale francuzskoj kinokritiki : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 2000.

УДК 81'22

О НЕОБХОДИМОСТИ ИСПРАВЛЕНИЯ ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЕЙ

В. Ю. Емельянов

В статье рассматриваются: пути подхода к исправлению недостатков общества. Делается вывод о необходимости исправления толковых словарей на примере толкования современными словарями понятия воровство.

Ключевые слова: язык, общество, слово, воровство.

Когда у Конфуция спросили с чего надо начинать исправление дел в государстве, он посоветовал начать с исправления слов, с исправления их употребления. Народ в сегодняшнем «демократическом» обществе может влиять на законы только через «посредников» которые редко бывают честными, поэтому в массе своей не могут принимать истинных законов. Но, народ имеет возможность создавать язык, принимать новые толкования слов и правильно употреблять их. И такая работа со временем может привести к исцелению общества и государства.

Попробую показать, как такая работа может проводиться на примере термина воровство.

Воровство бывает очень разнообразным по своим проявлениям. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона говорит о воровстве так: «Воровство в старину означало всякое преступное действие: поджог, притоносодержательство, подлог, преступления государственные и проч. Иногда законодатель, не означая точно рода преступлений, выражением *«затеет какое воровское дело»* указывает вообще на преступное действие. В этом широком значении термин *воровство* употребляется в Уложении царя Алексея Михайловича, подобно тому, как в Русской правде родовое понятие для всех правонарушений была *обида*, воровство же, как тайное похищение чужого имущества, в Уложении называется *татьбой*, редко *кражей*. Воинские артикулы употребляют уже термин воровство в смысле кражи, хотя иногда они разумеют под воровством и всякое вообще преступное действие. Но в XVIII в. термин воровство и слова

от него производные (*воровской* набег; письмо сочинено *воровски*) продолжают употребляться в прежнем широком значении. Попытку выработать точную терминологию сделал указ 3 апреля 1781 г. «О суде и наказании за воровство разных родов и о заведении рабочих домов», который ввел сложные термины: *воровство-грабеж*, *воровство-кража*, *воровство-мошенничество*, соответствующие трем отдельным преступлениям. После указа 1781 г. термин воровство стал употребляться не только как понятие родовое, обнимающее различные виды похищения чужого имущества, но и в смысле видового, равнозначащего краже. Свод Законов усвоил терминологию указа 1781 г.; разбой же, хотя и отнесен в Своде к преступлениям против прав на имущество, но не обозначается термином «воровство»; кроме того, Свод Законов, следуя законодательству XVIII в., рассматривает как воровство-кражу и утайку вверенного, и утайку найденного, и растрату казенного имущества, и проч. Уложение 1845 г. сохранило только два сложных термина, установив четыре вида похищения чужого имущества: разбой, грабеж, воровство-кража и воровство-мошенничество. В изданиях Уложения 1866 и 1885 гг. сложные термины совершенно исключены и под похищение чужого имущества подведены: разбой, грабеж, кража и мошенничество, но в ст. 1645 сохранился термин воровство (“за кражу, когда она учинена составившейся для того или вообще для *воровства* шайкой...”).

Сегодня словари толкуют этот термин очень скупо, может быть поэтому и воровства в стране очень много. Вот что пишет о воровстве *Толковый словарь Ожегова. С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. 1949–1992:*

«ВОРОВСТВО́, -а, ср.

1. см. воровать.

2. Занятие вора, воров. *Простота хуже воровства* (посл.). *Литературное в.* (плагиат).

| прил. воровской, -ая, -ое.»

Вот уж воистину – простота хуже воровства. Ведь язык фундаментально влияет на психологию человека. Нельзя допускать зауживание понятий. Необходимо, что бы человек ясно видел в словарях весь тезаурус жизненно важных слов.

Синонимы: абигеат, бандитизм, война, вранье, грабеж, казнокрадство, kleптомания, кража, крысятничество, лиходейство, ложь, мазурничество, мошенничество, пекулат, покража, похищение, преступление, приватизация, прикарманивание, присваивание, раста-

щиповка, расхищение, скотокрадство, татьба, утаскивание, хапание, хищение.

Ложь, лицемерие это тоже воровство. Это лишение человека правды. Прелюбодеяние плохо, потому что может привести к воровству чужой жены. Убийство это воровство чужой жизни. Воровство, лишаящее человека средств к существованию, это тоже самое, что и убийство.

Существует множество видов политического воровства:

Манипуляция сознанием – воровство чужой воли. Фальсификация истории. Клевета – воровство чужой репутации. Фальсификация выборов – лишение человека нужного ему выбора. Присвоение властных полномочий. Навязывание людям ложных законов несправедливо регулирующих взаимоотношения между людьми. Нарушение клятвы. Пособничество вора. Попустительство вору. Дача и принятие взятки.

Правитель, который не наказывает воров, сам является большим вором, он ворует у людей чувство защищенности, надежду на справедливость, уверенность в будущем.

Религии мира сулят вору всевозможные наказания. Воровство, или грабительство, похищение чужой вещи тайно, или похищение чужой вещи явно с насилием, наказуется Богом (Прит.22:22,23), привлекает проклятие на вора (Втор.27:17), лишает его неба (1Кор.6:10).

Воровство ведет к дегенерации человека. Вору свойственны такие черты характера как лживость, лицемерность, бесчестность, хамство, трусость, подлость.

Случайно ли современные толковые словари столь скупы говорят о таком явлении как воровство? Конечно, интересно узнать ответ на вопрос – заговор это или идиотизм? Но исправлять ситуацию необходимо в любом случае.

УДК 81'23

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СПОРТИВНОГО КОММЕНТАРИЯ

С. Ю. Покалюхин

Данная статья рассматривает спортивный комментарий как тип текста СМИ с точки зрения лингвостилистических особенностей, а также раскрывает денотативный и коннотативный аспект лексического состава комментария. Рассмотренный материал исследуется с позиций эмоционально-оценочного компонента.

Ключевые слова: спортивный комментарий, коннотат, денотат, эмоциональность, оценочность, экспрессивность, лингвостилистический анализ.

Лексическое значение каждого отдельного лексико-семантического варианта слова представляет сложное единство. Состав его компонентов удобно рассматривать с помощью изложенного выше принципа деления речевой информации на информацию, составляющую предмет сообщения, но не связанную с актом коммуникации, и информацию, связанную с условиями и участниками коммуникации. Тогда первой части информации соответствует денотативное значение слова, называющее понятие. Через понятие, которое, как известно из теории отражения, отражает действительность, денотативное значение соотносится с внеязыковой действительностью. Второй части сообщения, связанной с условиями и участниками общения, соответствует коннотация, куда входят эмоциональный, оценочный, экспрессивный и стилистический компоненты значения. Первая часть является обязательной, вторая – коннотация – факультативной. Все четыре компонента коннотации могут выступать вместе или в разных комбинациях или вообще отсутствовать.

Однако нас особо интересует экспрессивная функция языка, которую О.В. Александрова определила как «способность выражать эмоциональное состояние говорящего, его субъективное отношение к обозначаемым предметам и явлениям действительности» [1. С.7].

Эмоциональный компонент возникает на базе предметно-логического, но, раз возникнув, характеризуется тенденцией вытеснять предметно-логическое значение или значительно его модифицировать.

Увеличительная экспрессивность изучена не меньше, чем образная; такие слова получили специальное обозначение **интенсификаторы**. Самые простые интенсификаторы *all, ever, even, quite, really, absolutely, so* очень частотны. Усилительные наречия постоянно обновляются, количество их растет. Они образуются от различных основ, обозначающих эмоции. Очень много таких наречий образовалось от слов, обозначающих страх: *frightfully, awfully, terribly* и т.д. Их широкая употребительность в оксюморонных сочетаниях свидетельствует о подавлении лексического значения в пользу усилительного компонента. Примерами **таких словосочетаний в спортивном комментарии** являются: *far too easily, it's only a yellow card, pretty good start, it's his first ever goal, far too early, they have so much strength, he wanted this title so badly, he'll take too much of criticism.*

Также частотным на материале нашего исследования являются **лексические повторы и параллельные конструкции**. Лексическим повтором называется повторение слова или словосочетания в составе одного предложения, абзаца или целого текста. Величина расстояния между повторяющимися единицами и число повторов могут быть различными, но обязательно такими, чтобы читатель мог заметить повтор.

Повтор может и не сочетаться с использованием многозначности, тогда его функция может быть усилительной или эмоциональной, или усилительно-эмоциональной [3. С. 143].

Повтор не предполагает абсолютного тождества, возможны приблизительные созвучия, т.е. звуковые сходства; позиционная эквивалентность здесь также отмечена, а указание на композиционную функцию крайне существенно, так как оно соответствует отмеченному выше свойству сцепления сообщать целостность всему тексту. Сюда можно отнести параллельные конструкции [3. С. 84].

В спортивном комментарии нам встретились следующие примеры такого типа конструкций: *utterly and totally out of order, everything is stretching and stretching, united will make substitutions – united will come strong, that's better – that's better, brilliant game and brilliant goal, I haven't seen such game in years and years and years, could go down as a big big episode, utterly unacceptable – totally unacceptable, it's a big big big game, many many times before, he looked very very dangerous, that's a mess – that's horrible.*

Также довольно частотны метафоры и сравнения, дающие характеристику происходящим на поле событиям и участникам данных событий.

Метафора есть способ выражения образа, и притом не единственный. Словесные образы могут быть также выражены метонимией, синекдохой, гиперболой и другими средствами. При рассмотрении и толковании любого литературного произведения образы в нем изучаются не как инвентарь обнаруженных тропов, а как единство взаимообусловленных элементов.

Границы и структура образа могут быть различны: образ может передаваться одним словом, словосочетанием, предложением, сверхфразовым единством [3. С. 94].

Метафора обычно определяется как скрытое сравнение, осуществляемое путем применения названия одного предмета к другому и выявляющее таким образом какую-нибудь важную черту второго [3. С. 99].

Сравнение может быть также лексически выражено глаголами *seems, resembles, looks like*. С точки зрения синтаксиса сравнение может быть выражено сравнительными оборотами или придаточными сравнительными [3. С. 93].

Проанализировав фактический материал нами были обнаружены следующие метафоры и сравнения: *that's two horse race – United have their noses in front; clever at martial art defense; it's a red territory, as a former United he knows the tricks of his old tribe; this is a day when United will spill blood to win this derby; a magic moment was followed by a miserable moment; an expensive signing is here to breach the gap between last year season; more spice into the game; very expansive; he was deadly serious; bid is high enough; two armies on festive occasion; bold defense; the Mexican star; a real Rio Ferdinand; it looks more like a basketball*.

Также крайне интересны случаи использования **транспозиции**, т.е. употреблении слов и форм в необычных для них грамматических значениях и /или с необычной предметной отнесенностью. Выражается транспозиция в нарушении валентностных связей, что создает дополнительные коннотации оценочности, эмоциональности, экспрессивности или стилистической отнесенности, а также в семантическом осложнении лексического значения. Самыми яркими примерами данного явления являются: *finding Hernandez with a good looking ball, nobody will be wanting their money back, decent enough punch, the unmissable type of game*.

Довольно таки частотно использование конверсии. **Конверсия** - образование нового слова, относящегося к иной части речи с иными дистрибутивными характеристиками без присоединения какого-либо словообразовательного элемента. Специфическим признаком со-

временной английской конверсии является то, что слова, соотносящиеся по конверсии, почти исключительно принадлежат разным частям речи [2. С. 156]. Valencia should have been redcarded; he was yellowcarded in this game; but it's a nice 3-3; an amazing third man run; fantastic run from Ashley Young.

Помимо лексических выразительных средств, в спортивном комментарии присутствуют словосочетания интересные с фонетической точки зрения. Так словосочетания *frantic and frenetic finish* и *a terrific finish* является примером **аллитерации** – повтора согласных или гласных звуков в начале близко расположенных ударных слогов. А словосочетание *thunderous game* являет собой **звукоподражание** (ономатопею), т.е. использование слов, фонетический состав которых напоминает называемые в этих словах предметы и явления.

Кроме фонетического и лексического уровней, нами был проанализирован синтаксический уровень спортивного комментария. Основными особенностями можно назвать отсутствие развернутых, осложненных синтаксических структур, а также пропуск логически необходимых элементов высказывания, частотное использование однословных эллиптических предложений.

Как указывает И. В. Арнольд: «номинативные односоставные предложения имеют большой экспрессивный потенциал, поскольку существительные, являющиеся их главным членом, совмещают в себе образ предмета и идею его существования. Они используются в описаниях обстановки действия <...> в любых описаниях, где общая картина складывается из отдельных элементов, а также и в динамическом повествовании» [3. С. 205].

Список литературы

1. Александрова, О. В. Проблемы экспрессивного синтаксиса: На материале английского языка: учеб. пособие. М. : Высш. шк., 1984. 211 с.
2. Арнольд, И. В. Лексикология современного английского языка. М. : Высшая школа, 1986. 259 с.
3. Арнольд, И. В. Стилистика. Современный английский язык: Учебник для вузов. М. : Флинта : Наука, 2002. 384 с.

List of literature

1. Aleksandrova, O. V. Problemy jekspressivnogo sintaksisa: Na materiale anglijskogo jazyka: uceb. posobie. M. : Vyssh. shk., 1984. 211 s.
2. Arnol'd, I. V. Leksikologija sovremennogo anglijskogo jazyka. M. : Vysshaja shkola, 1986. 259 s.
3. Arnol'd, I. V. Stilistika. Sovremennyj anglijskij jazyk: Uchebnik dlja vuzov. M. : Flinta : Nauka, 2002. 384 s.

УДК 81'33

ОСНОВЫ ТИПОЛОГИИ СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ СО ВЗАИМОЗАВИСИМЫМИ ЧАСТЯМИ

И. Ю. Ротару

Статья посвящена определению основных типов сложных предложений со взаимозависимыми частями на материале современного украинского литературного языка. В работе дается краткая характеристика формально-грамматической и семантико-синтаксической типологии сложных конструкций со взаимозависимыми компонентами.

Ключевые слова: сложные предложения со взаимозависимыми частями, глагольные предикаты, предикатный субъект.

В связи с тем, что в новейшей грамматике любое предложение рассматривают как разноуровневую единицу [1; 2; 3; 4; 5 и др.] и создают разноаспектные типологии, то считаем необходимым также создать детальную типологию сложных конструкций со взаимозависимыми частями¹.

Исследованный фактический материал дает основания распределить сложные предложения со взаимозависимыми частями на два основных типа, которые противопоставлены как формально-грамматической, так и семантико-синтаксической организацией:

- 1) конструкции, формируемые глагольными предикатами и предикативами;
- 2) конструкции с союзными словами *кто, что* в подлежащей части.

С формально-синтаксической стороны предложения первого типа формируют предикаты, которые своею семантико-синтаксической валентностью определяют необходимость подлежащей части. Эта подлежащая часть и вступает в синтаксическую связь с опорным предикатом сказуемой части.

¹ Сложные предложения со взаимозависимыми частями – это особый тип сложных предложений, предикативные части которых являются равноправными и соединены между собой на основе предикативной связи и его формы – взаимозависимой координации.

Второй же тип определен формальной и семантической структурой сказуемой части, которая является неполной и требует постановки субъекта, раскрывает свойства, приписываемые ему, а синтаксическая связь возникает между всей подлежащей и всей сказуемой частями.

Соответственно предложения отличаются между собой синтаксической связью.

С семантической стороны предложения первого типа формируют ограниченные со стороны семантики глагольные предикаты и предикативы сказуемой части. Семантико-синтаксические отношения возникают на основе валентных свойств этих предикатов, предикативная связь между предикативными частями определена именно валентностью.

Семантика подлежащей части первого типа не зависит от исполнителя действия, поскольку определяет только грамматический субъект, а в предложениях второго типа семантика подлежащей части определена ситуацией, которая требует лицо, являющееся участником этой ситуации, т.е. исполнителем действия, связанного с конкретной ситуацией. Сочетание предикативных частей больше зависит от лексического наполнения, подлежащая часть четко определена лексическим наполнением сказуемой части, т. е. определена не просто действием, а действием в конкретной ситуации.

Итак, выделение двух основных типов сложных предложений со взаимозависимыми частями является логически мотивированным и обусловленным природой синтаксической связи, возникающей между опорным предикатом сказуемой части и подлежащей частью в конструкциях первого типа и между всем подлежащим, и всем сказуемым компонентами в предложениях второго типа. Семантико-синтаксическая структура влияет на четкое различие предложений обоих типов, поскольку конструкции первого типа определены семантикой опорного предиката, а конструкции второго типа обусловлены семантической нагрузкой всей ситуации, представленной в сказуемой части.

Каждый из типов имеет свои формально-грамматические и семантико-синтаксические подтипы. В частности, предложение первого типа распадается на два подтипа:

1. Первый подтип конструкций структурируют ограниченные со стороны семантики глагольные предикаты сказуемой части. В качестве опорных глагольных предикатов функционируют глаголы третьего лица единственного числа по типу *розумітисся, гадатисся, міркуватисся, думатисся, подуматисся, пригадуватисся, пам'ятатисся*,

осяяти, чути́ся, вчува́тися, вичува́тися, зачува́тися, причува́тися, почути́ся, виді́тися, повіді́тися, почува́тися, показува́тися, мари́тися, приви́джувати́ся, повіді́тися, видава́тися, мере́щитися, зви́жати́ся, здава́тися, уявля́тися, відчува́тися, снитися, мари́тися, верзти́ся, дивува́ти, вража́ти, приголомшува́ти, чудува́ти, лякати, хвилюва́ти, турбува́ти, страхати, жахати, триво́жити, насто́рожувати, засмучува́ти, бенте́жити, гні́тити, пригні́чувати, дра́тувати, непоко́їти, шкоди́ти, бо́літи, ті́шити, звору́шувати, розчулюва́ти, радува́ти, влашту́увати, ціка́вити, бува́ти, виходи́ти, ви́падати, ви́ринати, вплива́ти, відкрива́тися, ставати́ся, трапля́тися, виявля́тися, опиня́тися, значити́ся, вимальо́увати́ся, прогляда́тися, чита́тися, ви́хопитися, вестися, зостава́тися и под.: ...мені не́давно **снилося, що** я землю їв, сиру землю (И. Багрянный); *Тоді малій Євпраксії здавало́сь, що* така неблаганність властива тільки тим коовесам, які везуть її з Києва до Саксонії... (П. Загребельный); ...і де́сь з півроку їй **гадало́сь, що** в світі нема і щасливішої пари (Р. Андрияшик); *Бувало, що* просто говорили якісь банальні фрази-бігунки (Литературная Украина, 13 января 2011); **Виглядало, що** робота йшла йому як по маслу (Г. Мирослава); *Особливо радує, що* всі виявляють правильне розуміння національної проблеми (Р. Андрияшик).

Соединительным средством в таких предложениях выступает преимущественно асемантический союз *что* (укр. *що*): **Здалося їй, що** недостатньо провітрюється кімната... (О. Гончар); **...а буває, що** й солоні гніздечко впаде збите вітром (О. Гончар). Однако подлежащую и сказуемую предикативные части могут соединять также союзы *як, ніби, нібито, мов, мовби, мовбито, немов, немовби, немовбито, наче, неначе, буцім, буцімто, щоб* и союзные слова *який, як, чому, чого* тощо: *Іноді здається, ніби, смертельно переляканий, він безоглядно тікає і в цій судомній втечі занпащує себе* (В. Дрозд); *Мені **снилося, наче** до моєї хати лізуть крадії, які хочуть мене пограбувати та вбити* (Л. Денисенко); *От **бувало** вам - **щоб** неінтересно, і все ?* (О. Гончар); *... вас **здивує, як** ця невисока фігура росте й росте перед вами, як у казці* (М. Коцюбинский); *Мене **цікавило і цікавить, чому,** власне Янгель перейшов з авіації в ракетну техніку....* (ЕКСПЕДИЦІЯ XXI, №4(82), 2009).

2. Второй подтип составляют сложные предложения со взаимозависимыми частями, которые формируют предикативы типа *добре, гарно, славно, приємно, радісно, похвально, здорово, прекрасно, чудесно, чудово, дивовижно, неймовірно, феноменально, перспективно, фантастично, прикро, кепсько, погано, недобре, жахливо,*

моторошно, трагічно, маркітно, нестерпно, несправедливо, неприпустимо, цікаво, байдуже, однаково, дивно, чудно, перспективно, відповідально, важливо, символічно, знаково, незвично, безумовно, безперечно, безсумнівно, однозначно, очевидно, ясно, зрозуміло, звичайно, неясно, незрозуміло, можливо, ймовірно, логічно, природно, правильно, характерно, прикметно, показово, істинно, напевно, точно, певне, алогічно, нелогічно, безглуздо, абсурдно і др.: Споживачеві, звичайно, **байдуже**, що робить перекладач на своїй кухні... (Літературна Україна, 24 лютого 2011); **Можливо**, що його спеціально вкинуто до в'язнів (його підшефних) з метою досліджень в двох напрямках... (І. Багрянний); **Втішно**, що на відкриття скульптури Юри в образі Швейка прийшов у повному складі практично весь театр (Зеркало недели, 03 лютого 2011); **Дивно**, що це не святкуємо святого Патрика і в День Подяки не їмо індичку (Л. Костенко).

Исследованный фактический материал свидетельствует, что подлежащий и сказуемый компоненты в предложениях второго подтипа часто соединяет наиболее продуктивный союз *что* (укр. *що*): **Цікаво**, що до праці над Беккеровими "Римами" Криштальську спонукала Ліна Костенко... (Літературна Україна, 27 лютого 2011); **Дуже важливо**, що ви повернулись! (День, 18 лютого 2011). Кроме союза *что*, предикатив сказуемой части может присоединять подлежащую часть с помощью союзных слов *який*, *хто*, *що*, *навіщо*, *скільки*, *наскільки*, *чого*, *чому* и союзов *як*, *де*, *коли*, *невже*, *хіба*, *чи*, *якщо*, *якби*: **Кому** вони були видані і коли, **незрозуміло** (Українська правда, 30 грудня 2010); ...йому було **байдуже**, кого "латати" більшовика чи гайдамаку (В. Шкляр); Мені **однаково**, **який** ти вибереш засіб... (П. Загребельний); **Однак тепер незрозуміло**, **чи** відбудеться це засідання... (Зеркало недели, 20 грудня 2007); **Цікаво** все ж таки, **де** їх тепер узяти... (В. Винниченко); **Погано**, коли керівництво шие тебе в дурні (Л. Денисенко); **Мабуть**, **дивно**, **якщо** політичний діяч мовчить у період такої важливої й такої складної кампанії (Зеркало недели, 05 лютого 2010); **Втім**, **навіщо** міністру мандат депутата обласної ради, **незрозуміло** (Україна молода, 26 грудня 2010); **І дивно було**, **чого** Ріна так хвилюється, сердиться... (В. Винниченко); **Не страшно**, **якби** чорна буря пройшла з курявою такою, щоб ці мури геть зарівняла, позамітала... (О. Гончар); **Цікаво**, **скільки** дитячих спортивних шкіл та майданчиків можна було б побудувати за ці кошти? (Українська правда, 25 грудня 2010).

Семантико-синтаксические виды предложений первого типа определяет семантика опорного предиката в сказуемой части, по-

сколькx именно он прогнозирует семантику подлежащей части.

Согласно семантической нагрузки опорного предиката выделяем следующие семантико-синтаксические виды предложений:

– с глагольными предикатами в сказуемой части: 1) конструкции интеллектуально-познавательной деятельности, 2) конструкции восприимчивой деятельности 3) конструкции речевой деятельности 4) конструкции бытия 5) эмоционально-оценочные конструкции;

– с предикативами в сказуемой части: 1) предложения эмоционально-оценочного отношения, 2) предложения интеллектуального состояния.

В отличие от конструкций первого типа, предложения второго типа не имеют семантического ограничения лексического наполнения ни подлежащей, ни сказуемой части. Но они ограничены со стороны соединительных средств, поскольку соединять предикативные части структур второго типа способны только союзные слова *кто, что* (укр. *хто, що*): *Та, може, й живий, хто лишився, хто про нього, Петра, пам'ятає...* (С. Тельнюк); *Хто захоче, їдь, коси, бери, паси* худобу (У. Самчук); *Що для безсмертя народилось, від зброї смертних не умре!* (М. Рильский). Семантико-синтаксические виды этих предложений определяет не опорный предикат сказуемой части, поскольку он не ограничен со стороны семантического выражения, а семантические функции подлежащей части, которые мы отождествляем с семантическими функциями субъекта в этом предложении. Соответственно выделяем такие семантико-синтаксические виды: 1) конструкции активного субъекта действия, 2) конструкции пассивного субъекта состояния, 3) конструкции процессуального субъекта 4) конструкции квалитативного субъекта 5) конструкции сложной объектно-субъектной семантики, 6) конструкции субъектно-адресатной семантики: *Хто дочікувався своєї черги, готував перед тим півня* (П. Загребельный); *Хто глянув на вершини, мусив картуз придержувати* (В. Барка); *Хто нищить землю, нищить також і себе* (П. Загребельный); *...хто пробував розпитувати, не отримував у відповідь нічого, окрім зневаги, хто ставав на шляху, усувався безжально й швидко залізною рукою Забуша...* (П. Загребельный); *Хто має бажання – може звірити риторику заяви з скандальною статтею Дмитра Табачника...* (Украинская правда, 27 ноября 2009); *Блаженні, хто не питає* (П. Загребельный); *Хто хоче заробити 100 карбованців у місяць, придбайте в Харкові за чотири карбованці апарат «Фотокартонет»* (И. Шаповал).

Таким образом, сложные предложения со взаимозависимыми частями, как и любой тип сложных предложений, имеет свои формально-грамматические и семантико-синтаксические особенности. Это предопределяет необходимость конструирования типологии рассматриваемых синтаксических единиц. В ходе анализа сложных конструкций со взаимозависимыми компонентами мы выделили два основных типа этих предложений: конструкции, формируемые глагольными предикатами и предикативами, и конструкции с союзными словами *кто*, *что* в подлежащей части. Каждый из выделенных типов имеет свои подтипы.

Список литературы

1. Вихованець, І. Р. Граматика української мови. Синтаксис: Підручник. Київ ; Либідь, 1993. 368 с.
2. Гладров, В. Функціональний аналіз складноподчинених пропозицій / Вольфанг Гладров // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста : сб. статей, посвященных юбилею Г.А. Золотовой. М. : Эдиториал УРСС, 2002. С. 254–267.
3. Загнітко, А. П. Теорія сучасного синтаксису. 3-тє вид. Донецьк : ДонНУ, 2008. 294 с.
4. Христіанінова, Р. О. Складно-підрядні речення в сучасній українській літературній мові : монографія. Київ : Інститут української мови; Видавничий дім Дмитра Бураго, 2012. 368 с.
5. Gladrow, W. Syntax und Syntaxkonzeptionen / W. Gladrow, R. Kosta // Handbuch der sprachwissenschaftlichen Russistik und ihrer Grendzdisziplinen / Hrsg. Von H. Jachnow. Wiesbaden, 1999. S. 386–424.

List of literature

1. Vihovanec', I. R. Gramatika ukraïns'koï movi. Sintaksis: Pidruchnik. Kiev ; Libid', 1993. 368 s.
2. Gladrov, V. Funkcional'nyj analiz slozhnopodchinennyh predlozhenij / Vol'fang Gladrov // Kommunikativno-smyslovyje parametry grammatiki i teksta : sb. statej, posvjashhennyh jubileju G.A. Zolotovoj. M. : Jeditorial URSS, 2002. S. 254–267.
3. Zagnitko, A. P. Teorija suchasnoho sintaksisu. 3-te vid. Donec'k : DonNU, 2008. 294 s.
4. Hristianinova, R. O. Skladno-pidrjadni rechennja v suchasnij ukraïns'kij literaturnij movi : monografija. Kiev : Institut ukraïns'koï movi; Vidavnichij dim Dmitra Burago, 2012. 368 s.
5. Gladrow, W. Syntax und Syntaxkonzeptionen / W. Gladrow, R. Kosta // Handbuch der sprachwissenschaftlichen Russistik und ihrer Grendzdisziplinen / Hrsg. Von H. Jachnow. Wiesbaden, 1999. S. 386–424.

УДК 81'23

**АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА:
КОГНИТИВНЫЕ И СЕМАСИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

В. Ю. Синцов

Статья посвящена когнитивным и семасиологическим аспектам антропоцентрической метафоры. Последняя является фундаментальным когнитивным инструментом, позволяющим интерпретировать одну сферу экстралингвистической действительности в категориях другой, более известной лингвосоциуму.

Ключевые слова: антропоцентрическая метафора, когнитивный инструмент, семасиологические аспекты, генезис антропоцентрической метафоры, транспозиция семного состава.

В центре когнитивной парадигмы анализа «предположение о том, что человеческие когнитивные структуры (восприятие, язык, мышление, память, действие) неразрывно связаны между собой в рамках одной общей задачи – осуществление процессов усвоения, переработки и трансформации знания, которые, собственно, и определяют сущность человеческого разума» [7. С. 41].

Лексические единицы, представляющие собой средство аккумуляции экстралингвистической информации, являются в то же время инструментом когнитивной деятельности и концептуализации экстралингвистической реальности [9; 2; 6]. Одним из важнейших языковых средств категоризации и познания действительности является антропоцентрическая метафора.

Концепция метафоры, в соответствии с которой последняя представляет собой когнитивный инструмент, находит отражение в работах М. Джонсона и Дж. Лакоффа. Они приходят к выводу, что метафора «пронизывает всю нашу повседневную жизнь», включая поведение и деятельность человека [4. С. 387]. Этот тезис обусловлен тем обстоятельством, что способы поведения в мире, а также социальные контакты упорядочиваются при помощи понятийной системы, носящей «преимущественно метафорический характер» [4. С. 387].

Сущность метафоры, в концепции М. Джонсона и Дж. Лакоффа, состоит в осмыслении явлений одного рода в категориях явлений

другого рода [4]. В качестве иллюстрации авторы анализируют метафору: *Argument is war* [4. С. 389]. Реципиент указанной номинации не придерживается точки зрения, согласно которой спор представляет собой разновидность войны. Несомненно, что здесь мы имеем дело с явлениями разного порядка. В этой метафоре «спор» частично упорядочивается, интерпретируется как война, и его воспринимают в терминах войны. Метафора проявляется в том, как говорится о споре и как он трактуется.

Таким образом, «понятийная система человека упорядочивается и определяется метафорически» [4. С. 390]. Метафоры как языковые номинации становятся возможны в силу того, что существуют метафоры в понятийной системе человека (метафорические концепты).

Метафора является средством создания модели, которая позволяет представить одну концептуальную систему с помощью системы, принадлежащей к другой сфере, где рассматриваемый элемент проанализирован более рельефно. В этой связи релевантным представляется тезис М. Минского: «Такие аналогии порою дают нам возможность увидеть какой-либо предмет или идею как бы “в свете” другого предмета или идеи, что позволяет применить знание и опыт, приобретенные в одной области, для решения проблем в другой. Именно таким образом осуществляется распространение знаний от одной научной парадигмы к другой» [5. С. 291].

Метафорический перенос является языковым средством концептуализации и аккумуляции знаний, имеющих значимость для лингвокультурного социума. Это обстоятельство дает возможность интерпретировать метафору как универсальный когнитивный инструмент, дающий возможность, с одной стороны, внедрить новое понятие в систему уже существующих, с другой – осмысливать одно явление (и соответствующий ему концепт) в терминах другого.

Рассмотрим когнитивный алгоритм генезиса антропоцентрической метафоры. Представляется, что именно когнитивный подход синтезирует важнейшие концептуальные положения рассмотренной выше парадигмы анализа метафоры. В рамках этого подхода метафорический перенос представляет собой пересечение двух концептуальных систем в целях применения к основному субъекту метафоры ассоциативных импликаций, которые связаны с ее вспомогательным субъектом [1; 8]. Указанное пересечение двух концептуальных систем основывается на принципе фиктивности (который выражается формулой «как если бы») [3. С. 127]. Последний прида-

ет динамизм двум взаимодействующим концептуальным системам и сводится к формуле: X является таким, как если бы был Y.

Таким образом, «модус фиктивности – это основной нерв метафоры как процесса и его результата, пока он осознается как продукт метафор» [9. С. 137]. Модус фиктивности непосредственным образом связан с принципом антропометричности, который состоит в том, что лингвокультурному социуму присуще оценивать те или иные явления, предметы и процессы на основе критериев той сферы материального бытия, с которой человек имеет дело в практической деятельности. Представляется, что модус фиктивности наряду с принципом антропометричности придают метафоре статус «получения гипотетико-выводного знания» [9. С. 138].

Рассмотрим семасиологический алгоритм генезиса антропоцентрической метафоры. Анализируемая метафоризация основывается на четырех типах транспозиции семного состава: 1) замене архисемы и актуализации в семантической структуре деривата эксплицитной или имплицитной семы «внешний признак»; 2) замене архисемы и актуализации одной или нескольких сем, называющих «внутренний признак»; 3) замене архисемы и актуализации в результативном значении функциональной семы («предназначенный для»); 4) замене архисемы и переходе ядерной семы в скрытую периферийную или периферийной (денотативной, коннотативной) в ядерную.

Первый тип транспозиции семного состава можно проиллюстрировать следующим образом: *doll n 1 a small figure of a person used esp. as a child's toy [10] > a pretty girl or woman [11]*. **Образный семантический** дериват основывается на следующих процессах: 1) замене архисемы «предмет» архисемой «человек»; 2) актуализации имплицитной семы, обозначающей «внешний признак»: «нечто красивое», которая переходит в эксплицитную сему переносно-фигурального деривата; 3) частичном погашении дифференциальных сем, обозначающих видовые особенности кукол.

Перераспределение семного состава второго типа проанализируем на примере следующей номинации: *stony adj 1 containing or covered with stones: stony soil 2 cruel; showing no pity or feeling [10]*. Семантические процессы в этом типе имеют следующий вид: 1) замена архисемы «относящийся к неодушевленным объектам» на архисему «человек»; 2) актуализация дифференциальной семы, называющей «внутренний признак», а именно: «твердость, жесткость» и переход ее в дифференциальную сему переносно-фигурального

деривата; 3) частичное погашение дифференциальных сем, отражающих видовые особенности кирпичей.

Третий тип **перераспределения семного состава можно пред-**ставить следующим образом: caustic adj 1 able to burn or destroy by chemical action; corrosive: caustic soda 2 (esp. of remarks) showing strong dislike or disapproval and intended to hurt; bitter [10]. Сущность семной транспозиции может быть проиллюстрирована следующим образом: 1) замена архисемы «относящийся к неодушевленному объекту» на архисему «человек»; 2) актуализация дифференциальной функциональной семы «имеющий целью разрушить, причинить ущерб», которая переходит в дифференциальную сему переносно-фигурального деривата; 3) частичное погашение дифференциальных сем, отражающих видовые особенности кислот.

Четвертый тип семной транспозиции можно проиллюстрировать на примере следующей лексической единицы: pin-head n 1 the head of a pin 2 infml derog a rather stupid person [10]. Семная транспозиция имеет здесь следующий вид: 1) замена архисемы «предмет» на архисему «человек»; 2) актуализация потенциальной семы «нечто ничтожное», которая переходит в дифференциальную сему переносно-фигурального деривата; 3) частичное погашение дифференциальных сем, отражающих видовые особенности референта предметно-логического значения.

Таким образом, антропоцентрическая метафора является фундаментальным когнитивным инструментом, отражающим социокультурный опыт лингвосоциума и основывающимся на соответствующем семасиологическом алгоритме.

Список литературы

1. Блэк, М. Метафора // Теория метафоры. М. : Прогресс, 1990. С. 153–172.
2. Гак, В. Г. Языковые преобразования. М. : Языки русской культуры, 1998. 768 с.
3. Жоль, К. К. Мысль, слово, метафора (Проблемы семантики в философском освещении). Киев : Наукова Думка, 1984. 300 с.
4. Лакофф, Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем

List of literature

1. Black, M. Metafora // Teorija metafory. M. : Progress, 1990. S. 153–172.
2. Gak, V. G. Jazykovye preobrazovanija. M. : Jazyki russkoj kultury, 1998. 768 s.
3. Zhol, K. K. Mysl, slovo, metafora (Problemy semantiki v filosofskom osveshchenii). Kiev : Naukova Dumka, 1984. 300 s.
4. Lakoff, G., Johnson M. Metafori kotorymi my zhivem /

- / Дж. Лакофф, М. Джонсон // Теория метафоры. М. : Прогресс, 1990. С. 387–415.
5. Минский, М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного [Текст] // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. М. : Прогресс, 1988.
6. Никитин, М. В. Курс лингвистической семантики. СПб., 1996. 760 с.
7. Петров, В. В. Язык и логическая теория: в поисках новой парадигмы // Вопросы языкознания. 1988. № 2. С. 39–49.
8. Ричардс, А. Философия риторики // Теория метафоры. М. : Прогресс, 1990. С. 44–67.
9. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Языки русской культуры, 1996. 288 с.
10. Longman Dictionary of Contemporary English в 2-х т. М. : Русский язык, 1992. 1229 с.
11. NTC's Dictionary of American Slang. М. : Русский язык, 1991. 528 с.
- G. Lakoff, M. Johnson // Teoriya metaphory. M. : Progress, 1990. S. 387–415.
5. Minskij, M. Ostroumije i logika kognitivnogo bessoznatelnogo // Novoje v zarubezhnoj lingvistike. Vyp 23. M. : Progress, 1988. S. 281–310.
6. Nikitin, M. V. Kurs lingvističeskoj semantiki. SPb., 1996. 760 s.
7. Petrov, V. V. Jazyk i logičeskaja teorija: v poiskah novoj paradigmy // Voprosy jazykoznanija. 1988. № 2. S. 39–49.
8. Richards, A. Filosofija ritoriki // Teorija metaforj. M. : Progress, 1990. S. 44–67.
9. Telija, V. N. **Russkaja frazeologija**. Semantičeskij, pragmatičeskij i lingvokulturologičeskij aspektj. M. : Jazyki russkoj kultury, 1996. 288 s.
10. Longman Dictionary of Contemporary English v 2-h t. M. : Russkij Jazyk, 1992. 1229 s.
11. NTC's Dictionary of American Slang. M. : Russkij Jazyk, 1991. 528 s.

УДК 81'27

ПОЛИТКОРРЕКТНЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО СОЗНАНИЯ

М. А. Сиривля, К. Бекбаева

В статье рассматриваются вопросы употребления политкорректных выражений в современном речевом потоке с целью определить уровень понимания политкорректных выражений носителями языка. Широкое использование политкорректных выражений в настоящее время в русскоязычном дискурсе недостаточно мотивировано и приводит к непониманию содержания высказывания.

Ключевые слова: национальная культура, политкорректность, языковая политика.

В современном мире актуально изучение специфики феномена политкорректность, который стал неотъемлемым компонентом идеологии и обязательной частью языковой практики американской культуры, а также культур западноевропейских стран. Став инструментом языковой политики западных стран, политкорректность помогает избежать социальных обострений и достичь бесконфликтной атмосферы в обществе.

Изучение политической корректности в русском языке представляет особый интерес, потому что ему уделяется меньше внимания по сравнению с западными странами, где это явление стало необходимым компонентом практически всех сфер человеческой жизни. Несмотря на то, что политкорректность стала предметом изучения многих лингвистов, ни одна из работ на сегодняшний день не представляет собой всестороннего анализа языковой ситуации, которая обусловлена серьезным влиянием политкорректности на все стороны жизни сообщества. Особенно актуальной представляется разработка данной темы на материале русского языка, в котором политкорректность пока не играет такой заметной роли, но, тем не менее, сам термин и некоторые политкорректные единицы уже прочно обоживались в русском языке.

Подходы к политкорректности различны, самый основной, на наш взгляд, трактуется как особая идеология, языковое движение, куль-

турно-поведенческая и языковая тенденция, языковая толерантность. В проведенном опросе политкорректность рассматривалась, в первую очередь, с точки зрения языка, представляя собой ограничение слов, дискриминирующих и унижающих человеческое достоинство, с одной стороны, и создание эвфемистических замен этим словам, с другой.

В анонимном опросе, целью которого было выявление знаний политкорректных слов и выражений, почувствовало двести человек – это лица разных национальностей, возрастов (от 18 до 45) и профессий, которым было предложено ответить на единственный вопрос: «Какие ассоциации у Вас вызывают данные слова и выражения: (см.ниже)?»

1. **Нетрадиционно мыслящий** - идиот, дурак (90%);
2. Кардинально эпилированный – лысый (94%);
3. Фолликулярно-озадаченный – лысый (6%);
4. Человек с нетрадиционной ориентацией рук – левша (90%);
5. Новообразование (в медицине) – опухоль (86%);
6. **Горизонтально ориентированный** – полный, толстый, упитанный, с избыточным весом (56%);
7. Комната отдыха - курилка, кулуары (96%);
8. Участник вооруженного формирования – террорист, смертник, шахид (98%);
9. Лишенные возможности или преимуществ – бедные, бомжи (94%);
10. Жилье, не отвечающее стандартам – трущобы, развалины (98%);
11. Инакозрячие – слепые (12%);
12. Временно-способные – здоровые (2%);
13. Хронологически обогащенный – пожилой, старый (8%);
14. Индекс уличной активности – уровень преступности (10%);
15. Претерпевший заключительный дискомфорт – умерший (8%);
16. Вертикально озадаченный – высокий (10%);
17. Социально слабый – малоимущий, бедный (14%);
18. Третьи зубы – вставная челюсть (30%);
19. Преодолевающий трудности из-за своего физического состояния – инвалид (56%);
20. Индивидуум иной трезвости – пьяный (40%);
21. Коренной американец – индеец (44%);
22. Исконное население – туземцы (34%);
23. Другого размера – высокий (12%);
24. Экономически ущемленные – бедные (14%);
25. Личность с гибким местом жительства – бездомный (45%);

26. Пренатально эксплуатируемая личность женского пола – беременная женщина (10%)

27. альтернативная логика – бредовые высказывания (40%)

28. Личность с альтернативной экономической ориентацией – вор (0%)

29. Альтернативно одаренный – глупый (10%)

30. Личность с недостаточной мотивацией – лентяй (60%).

Реципиентам было предложено 30 выражений, которые необходимо было объяснить. По результатам опроса были подведены итоги: общее понимание политкорректных выражений составляет 44%, при этом наибольшие трудности в понимании вызвали выражения: личность с альтернативной экономической ориентацией – 0% никто из опрошенных не смог правильно истолковать выражение; временно способные – только 2%; фолликулярно озадаченный – 6%, хронологически обогащенный, претерпевший заключительный дисконформ – 8%. Наиболее понятными оказались выражения: участник вооруженного формирования, жилье, не отвечающее стандартам – 98%, комната отдыха – 96%. Преимущественно к понятным политкорректным выражениям относятся наименования, относящиеся к политической и экономической сферам человеческой деятельности. «Основными распространителями «политкорректных» слов и выражений, как в США, так и в России являются СМИ. Ненавязчиво повторяя, российские СМИ делают такие выражения как «простые люди» (вместо «бедные») и «пойти на непопулярные меры» (вместо «сократить расходы на социальные нужды») неотъемлемой частью современного русского языка» [1]. При этом политкорректные выражения, выходящие за рамки политических и экономических тем, менее понятны носителям языка, а некоторые вызывают недоумение опрашиваемых, в частности, временно способные. Как показал опрос, менее 50% населения адекватно воспринимают политкорректные выражения, при этом прямые номинации: инвалид, высокий, бедный, мертвый, лысый, негр и т.п. не имеют отрицательной коннотации и не воспринимаются оскорбительно. В этой связи можно сделать вывод, что в современном русскоязычном политическом дискурсе политкорректность выступает преимущественно средством выразительности и не несет той функциональной нагрузки, какая предусматривается условиями политкорректного общения. «Суггестивные намерения говорящего состоят в стремлении направить мыслительную деятельность адресата...» [2. С. 169] путем создания видимости заинтересованности, участия в судьбе людей, чьи

интересы представляет выступающий/ пишущий. Политкорректные выражения (социально слабый, парк для захоронения, индекс уличной активности и т.д.) в этом случае выступают подтверждением искренности намерений адресанта речи.

В обществе всегда существовали слова и темы, упоминание о которых неприемлемо по этикетным или религиозным нормам, (вера в бога, бедность, возраст, состояние здоровья), но появление политической корректности привело к появлению новых запретных тем, обусловленных возможностью дискриминации отдельных слоёв населения. В рамках политкорректности также появились новые темы для обсуждения (сексуальные домогательства, права животных, толерантное отношение к людям с нетрадиционной сексуальной ориентацией).

Наиболее емко отражает суть явления «политическая корректность» определение, данное в книге профессора С. Г. Тер-Минасовой: «Политическая корректность есть стремление найти новые способы языкового выражения взамен тех, которые задевают чувства и достоинства индивидуума, ущемляют его человеческие права привычной языковой бестактностью и/или прямолинейностью в отношении расовой и половой принадлежности, возраста, состояния здоровья, социального статуса, внешнего вида и т.п.». [3. С. 215] Политкорректность находится в тесной взаимосвязи с культурой общества, говорящего на данном языке. Но, на наш взгляд, употребление политкорректных выражений приводит к возникновению непонимания и в настоящее время не выполняет функции соблюдения этических норм участниками политической коммуникации, не выступает в роли культурного явления языка, позволяющего познать мир и его культурные феномены.

Список литературы

1. Иванова, О. Политкорректность в России // Вестник Евразии. 2002. № 3.
2. Сиривли, М. А. Паралогические риторические приемы в политической коммуникации // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. 2013. № 4. С. 169–173.
3. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М. : Слово, 2000. 259 с.

List of literature

1. Ivanova, O. Politkorrektnost' v Rossii // Vestnik Evrazii. 2002. № 3.
2. Sirivlja, M. A. Paralogicheskie ritoricheskie priemy v politicheskoj komunikacii // Zhurnal nauchnyh publikacij aspirantov i doktorantov. 2013. № 4. S. 169–173.
3. Ter-Minasova, S. G. Jazyk i mezhkul'turnaja komunikacija. M. : Slovo, 2000. 259 s.

ЯЗЫК ПОЛИТИКИ

УДК 81'23

ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНАЛИЗА ГАЗЕТНЫХ ТЕКСТОВ КНР)

Т. Н. Лобанова, Н. А. Малюгина

Статья посвящена проблеме вычленения и описания политической лексики в современном китайском языке. Исследование выполнено в русле политлингвистики и связано с изучением лексического яруса политического языка сопоставительного характера с использованием дескриптивных методов описания. Материалом определены тексты газетных статей и других масс-медийных источников, переводческий анализ которых позволил описать исследуемый лексический пласт. Проблемы, представленные в статье, посвящены в основном технологии письменного перевода.

Ключевые слова: современный китайский язык; лексико-стилистические свойства газетных политических текстов; политическая лексика; технология письменного перевода; функционирование политической лексики.

В последние десятилетия политическая коммуникация выступила объектом ряда филологических и междисциплинарных исследований. Представители екатеринбургской научной школы Э. В. Будаев, А. П. Чудинов выделяют несколько направлений в исследовании политической коммуникации: риторическое (Р. Айви, Р. Д. Андерсон, Р. Карпенгер и др.), когнитивное (Дж. Лакофф, М. Джонсон), дискурсивное (Т. ван Дейк). Различные аспекты и ракурсы исследований политической коммуникации активно изучаются отечественными учеными-лингвистами (В. И. Карасик, В. З. Демьянков, Е. И. Шейгал и др.)

Когда необходимо подчеркнуть участие в речевой деятельности не только адресанта (то есть говорящего или пишущего), но и адресата (то есть слушающего или читающего), часто используется

термин «политическая коммуникация». Политическая – это процесс общения между участниками политической деятельности. Термин коммуникация восходит к латинскому *communis*, что означает «делаю общим, связываю, общаюсь». Современные специалисты называют коммуникацией совместную деятельность по кодированию, передаче и восприятию информации. В коммуникации участвуют две стороны: адресант (говорящий или пишущий) и адресат (слушающий или читающий). Основной способ передачи политической информации – вербальный, то есть с использованием языка, однако существуют и невербальные средства передачи политически важной информации (изображения, символы, мимика, жесты, позы и др.).

В политической коммуникации в отличие от бытовой или художественной субъектом и адресатом речевой деятельности во многих случаях является не человек как частное лицо, а человек как представитель определенной политической организации или властной структуры.

В зависимости от того, кто и для кого создает тексты, различают следующие разновидности (уровни, подсферы), относящиеся к ядру политической коммуникации: 1) аппаратная (служебная, внутренняя, бюрократическая) политическая коммуникация; 2) политическая коммуникация в публичной политической деятельности; 3) политическая коммуникация, осуществляемая журналистами и при посредстве журналистов; 4) политическая речевая деятельность «рядовых» граждан [7. С. 36–38].

В статье мы остановимся на политической коммуникации, осуществляемой журналистами и функционирующей в средствах массовой информации. Такая коммуникация вовлекает массовую читательскую аудиторию; жанрами в нашем случае выступают интервью, аналитическая статья в газете, написанная журналистом, политологом или политиком (часто при помощи специалиста по СМИ). Предполагается, что «журналисты в рассматриваемом случае привлекают внимание аудитории к проблеме, предлагают пути ее решения, сообщают об отношении к ней политических организаций и их лидеров, помогают политикам в решении их задач. Политически неактивные граждане воспринимают политическую информацию преимущественно в том виде, как она предстает в СМИ» [7. С. 37].

Изменения, перемены, потрясения в обществе влияют на политическую лексику СМИ как зеркала общественных явлений и процессов и на политическую коммуникацию в целом.

А. П. Чудинову [7] принадлежит классификация лексики, определяющей специфику современного политического языка.

1. Просторечная лексика.

Заметный лексико-стилистический признак политической коммуникации современного китайского языка – это активное вкрапление в газетные издания просторечной (в том числе грубо-просторечной) лексики. Некоторые участники политического процесса, бравирюя своей «близостью к народу», позволяют себе неллицеприятные выражения.

Для современной политической ситуации характерны резкие столкновения политических позиций, агрессивность поведения и бескомпромиссность в выражении собственной точки зрения. В подобных случаях использование субстандартной лексики иногда воспринимается как единственно возможный способ выражения авторской позиции. Материал китайских газет также позволяет обнаружить данный пласт лексики:

这样支持行将就木政权的人，是有，但多是极左疯子和政治傻子（《人民网》，2011-03-22）*Zhèyàng zhīchí xíngjiāngjiùmù zhèngquán de rén, shì yǒu, dàn duō shì jí zuǒ fēngzi hé zhèngzhì shǎzi* – *Поддержавшие это стоящее в одной могиле правительство – сумасшедшие и политические тупицы.* Здесь мы видим яркую авторскую позицию через использование просторечного слова 傻子 *shǎzi* тупицы.

2. Жаргонная лексика.

Использование жаргона позволяет подчеркнуть естественность и общепонятность слова. Жаргонная лексика пронизана концептуальными векторами тревожности, опасности, агрессивности, противостественности существующего положения дел, резкого противопоставления «своих» и «чужих», что, видимо, отвечает потребностям современной политической речи.

Использование жаргонной лексики в китайских политических текстах явление достаточно редкое, поскольку не стоит забывать о сильной роли государства в КНР. Политические статьи в СМИ достаточно жестко контролируются и подвержены цензуре со стороны политической элиты.

3. Иноязычная лексика.

В современной политической речи продолжается процесс заимствования иноязычных слов, что диктуется как потребностями общества, так и политической ситуацией. Большинство современных

заимствований пришли (и приходят) в китайский язык, прежде всего, из английского языка в его американском варианте.

Эти слова разнообразны по своей семантике и относятся к политике, экономике, финансам, компьютерной технике, коммерческой и многим другим областям: 写字板 xiězì bǎn – WordPad (写字 Xiězì – писать иероглифы, 板 bǎn – доска, плита) и др.

Заимствования в области политики, экономики, культуры и спорта в своём подавляющем большинстве, представляют имена собственные. Так, например, названия международных организаций: ЮКОС – 尤科斯 youkēsī, ООН – 联合国 liánhégúo (соединить, объединить + государство), ВТО – 世界贸易组织 shìjiè mǎoyì zuzhī (мир + торговля + организация).

В современной китайской печати всё чаще встречаются никак не оформленные в соответствии с нормами китайского языка иноязычные слова – так называемые иноязычные вкрапления:

利比亚最大的石油公司阿拉伯海湾石油公司 (AGOCO) 表态称, 俄罗斯和中国公司未来可能失去与利比亚的石油合同 (《青年参考》, 2011-09-01) Libīyǎ zuidà de shíyóu gōngsī ālābó hǎiwān shíyóu gōngsī (AGOCO) biǎotài chēng, Èluósī hé zhōngguó gōngsī wèilái kěnéng shīqù yǔ libīyǎ de shíyóu hétóng – Самая большая ливийская нефтяная компания AGOCO сообщила, что Россия и Китай могут лишиться договоренности о сотрудничестве с Ливией в сфере нефтедобычи.

4. Сложносокращенные слова.

Одним из общих законов развития любого языка является сокращение. Подобный процесс имеет место и в китайском языке, где большое количество новых слов составляют сложносокращенные слова.

Например: 挖潜 wāqián (挖掘潜力 wājué qiánli) – вскрывать резервы, выявлять возможности, 节能 jié néng (节约能源 jiéyuē néngyuán) – экономить (электро)энергию, 能耗 néng hào (能量消耗 néngliàng xiāohào) – потребление энергии, 扶贫 fúpín (扶助贫困 fúzhù pínkùn) – помогать бедным, 五讲四美 wǔjiǎngsīměi (讲文明, 讲礼貌, 讲卫生, 讲道德, 讲秩序和心灵美, 语言美, 行为美, 环境美 jiǎng wénmíng, jiǎng lǐmào, jiǎng wèishēng, jiǎng dàodé, jiǎng zhìxù hé xīnlíng měi, yǔyán měi, xíngwéi měi, huánjìng měi) – быть культурным, быть вежливым, соблюдать гигиену, соблюдать дисциплину, блюсти нормы нравственности, обладать красивой душой, красиво говорить, совершать красивые поступки, заботиться о природе.

Употребление сложносокращенных слов в газетном дискурсе КНР является частым явлением. Появление подобных слов связано с общественными движениями, поэтому их знание позволяет уяснить тенденции развития современного китайского общества.

В ходе работы с текстами китайских газет обнаружено большое количество статей, где автором использованы сложносокращенные слова. Такое явление можно объяснить экономией средств и места на полосах газет. Особенно часто употребляют сокращение слов в заголовках статей.

Например, в статьях о Каддафи очень часто употребляется выражение 反人民 fǎn rénmin – *выступать против народа*, что является сокращением выражения 反对人民 fǎnduì rénmin.

Перевод газетного материала дает основания утверждать, что содержательный признак исследуемых текстов – это изучение, анализ и отражение в них деятельности партий и общественных организаций других государств, а также поведения и активности политических лидеров. Лингвистический анализ [5] показал, что основным признаком политической лексики является ее связь с идеологией. Любые социальные изменения в обществе, переустройство социально-политических структур отражаются и фиксируются языком. В обществах со стабильным политическим устройством лексическая система более-менее устойчивая, в обществах для которых характерны социально-политические «потрясения» формируется новый пласт лексики, идеологией и прецедентных феноменов; смена и развитие политической метафоры также более характерна для лингвокультурных сообществ в «транзитные» периоды.

Рассматривая вопрос лексико-стилистических свойств политической коммуникации (газетного дискурса) современного китайского языка, можно сделать вывод, что наиболее важной особенностью политической коммуникации стало ослабление стилистических норм и усиление воздействия неcodифицированных сфер общенационального языка на политический дискурс. Результатом этих процессов стало активное использование просторечных слов, заимствованной лексики и сложносокращенных слов.

Современные геополитические процессы глобализации и вызовы требуют пристального внимания к странам Азии, особенно ее «дальневосточному полюсу» – Китаю, что определяет перспективность междисциплинарных исследований в области китаистики и политлингвистики.

Список литературы

1. Будаев, Э. В. Зарубежная политическая лингвистика : учеб. пособие / Э. В. Будаев, А. П. Чуудинов. М. : Флинта : Наука, 2008. 352 с.
2. Китайско-русский словарь / под ред. Ся Чжунъи. М. : Вече, 2008. 1280 с.
3. Китайско-русский словарь: пресса, Интернет, радио, телевидение. Около 14000 слов и словосочетаний / Н. Х. Ахметшин, Чжао Сю-цинъ, Ян Личэн [и др.]. М. : Восточная книга, 2009. 512 с.
4. Лобанова, Т. Н. Пособие по чтению современной китайской прессы : учеб. пособие. Хабаровск : Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2012. 120 с.
5. Лобанова, Т. Н. Политическая лексика в современном китайском языке (на материале масс-медийных источников) / Т. Н. Лобанова, О. В. Фесик // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 5 (23). С. 127–131.
6. Резникова, Н. А. Семантический анализ политической лексики // Вестник ТГПУ. 2005. Выпуск 4 (48). Серия: «Гуманитарные науки (Филология: Индоевропейские и Сибирские языки)» [Электронный ресурс]. URL: <http://vestnik.tspu.ru/>
7. Чуудинов, А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие. Изд. 4-е. М. : Флинта : Наука, 2012. 256 с.

List of literature

1. Budaev, Je. V. Zarubezhnaja politicheskaja lingvistika : ucheb. posobie / Je. V. Budaev, A. P. Chudinov. M. : Flinta : Nauka, 2008. 352 s.
2. Kitajsko-russkij slovar' / pod red. Sja Chzhun#i. M. : Veche, 2008. 1280 s.
3. Kitajsko-russkij slovar': pressa, Internet, radio, televidenie. Okolo 14000 slov i slovosochetanj / N. H. Ahmetshin, Chzhao Sju-cin', Jan Lichjen [i dr.]. M. : Vostochnaja kniga, 2009. 512 s.
4. Lobanova, T. N. Posobie po chteniju sovremennoj kitajskoj pressy : ucheb. posobie. Habarovsk : Izd-vo Tihookean. gos. un-ta, 2012. 120 s.
5. Lobanova, T. N. Politicheskaja leksika v sovremennom kitajskom jazyke (na materiale mass-medijnyh istochnikov) / T. N. Lobanova, O. V. Fesik // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2013. № 5 (23). S. 127–131.
6. Reznikova, N. A. Semanticheskij analiz politicheskoy leksiki // Vestnik TGPU. 2005. Vypusk 4 (48). Serija: «Gumanitarnye nauki (Filologija: Indoevropskie i Sibirskie jazyki)» [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://vestnik.tspu.ru/>
7. Chudinov, A. P. Politicheskaja lingvistika : ucheb. posobie. Izd. 4-e. M. : Flinta : Nauka, 2012. 256 s.

ЛИНГВИСТИКА И ПЕРЕВОД

УДК 81'22

ON FACTORS INFLUENCING THE RIGHT APPROACH TO GRAMMAR INSTRUCTION

Lindita Kaçani
(Korçë, Albania)

The teaching of grammar has been one of the most controversial issues in foreign language education. The demand for superior communicative ability in the target foreign language has made teachers confused about the approach in teaching grammar for a communicative purpose: teaching grammar explicitly or implicitly. Reviewing relatively recent theoretical and empirical studies on formal explicit and implicit grammar instruction, the paper presents the need of both types of grammar instruction to promote foreign language acquisition and the factors influencing the right approach to grammar instruction. Teachers need to be eclectic in selecting the appropriate instructional strategy to address the needs of their learners and contexts.

Keywords: communicative language teaching, factors, explicit instruction, implicit instruction.

1. Introduction

1.1 The aim of the study

The teaching of grammar has been one of the most controversial issues in language teaching (Richards & Renandya 2002: 145). It remains one of the most debated issues in foreign language teaching as well (Achard 2008: 433, Nassaji & Fotos 2011: 1). The most disputed questions have been about the role of grammar and the approach to grammar teaching in a foreign language classroom. The theoretical and empirical developments in language acquisition and other sciences (such as linguistics, psychology and sociolinguistics) as well, have influenced the approach to grammar teaching (ibid., Richards 2001, Richards & Renandya 2002). There is recently an agreement among researchers, educators and teachers on the necessity to teach grammar. Grammar competence, as part of the

communicative competence (Celce-Murcia 1991, Hedge 2000), is needed to be developed for effective and successful communication. However the present issue is not whether grammar should be taught or not, but how to teach it effectively (Richards & Renandya 2002: 145, Ellis et al. 2009).

What is often observed in a foreign language classroom is communication marked by low levels of linguistic accuracy, though learners have studied its grammar for many years. Naturally, the following question arises: are there any factors that influence the right choice between the implicit and explicit instruction strategies in the classroom-based settings?

This study attempts to draw on explicit and implicit grammar instruction and factors that influence the right grammar instructional strategy in classroom-based settings emanating from foreign language acquisition theory and research. A broader understanding of this issue has a positive advantage for foreign language teachers in improving grammar teaching in classroom-based settings.

1.2 Methodology

Literature review was conducted following a four-stage process, including research of preliminary sources, use of secondary sources, study of primary sources and synthesis of the literature (Gall, Borg & Gall 1996: 117). Preliminary source research was conducted using the databases of Educational Resources Information Center (ERIC), EBSCO and Cambridge Journals Online (from Electronic Resources for Albania, ERA2012). References within preliminary sources helped in choosing the primary material relevant to the topic, which critically studied, allowed a deeper insight in the subject.

2. Definitions of explicit and implicit instruction

Many foreign language teachers and students find confusing and sometimes synonymous the terms dealing with the approach to grammar teaching: explicit and deductive, implicit and inductive. Referring to the definitions of explicit and implicit instruction provided in second/foreign language acquisition, a clearer and wider understanding can be provided on explicit and implicit instruction practice.

According to Thornbury (2008) and DeKeyser (1994), deductive (approach) involves presenting a rule before the examples in which the rule is applied; inductive involves presenting examples from which a rule is inferred.

According to DeKeyser (1994) and Ellis (Ellis et al. 2009)

- explicit instruction involves making learners aware of the rule deductively (by providing them with a grammatical description of the rule

before examples or practice) or inductively (by helping learners to discover the rule from provided data, examples or practice). Ellis (Ellis et al. 2009), also, distinguishes reactive explicit instruction (when teachers provide metalinguistic corrective feedback on learner's errors in the use of the target feature) from proactive one (when the teacher offers a metalinguistic explanation of the target rule prior to any practice activities or when the teacher invites learners to discover the rule for themselves from data provided).

- implicit instruction involves enabling learners to learn the rule without awareness, but by providing them with experience of specific exemplars of the rule or linguistic form while they are focused on meaning. As such, implicit instruction needs creating a learning environment that is 'enriched' with the target feature. Implicit instruction can be reactive (where the attention to linguistic form arises naturally) or proactive (when tasks are designed to elicit the use of a specific linguistic form, and their performance naturally creates opportunities for experiencing the target feature).

Housen and Pierrard (2006, cited in Ellis et al 2009: 18), also, describe implicit instruction as attracting learner's attention to the target form in the context, without making use of rule explanation; what is more, he describes it as delivered spontaneously (e.g. in a communicative activity), encouraging free use of the target form. While explicit instruction predetermines and plans teaching the target form by directing learners' attention to it, presenting it in isolation by using rule explanation and practicing it in controlled practice activities.

Explicit and implicit instructions are not to be confused with explicit and implicit learning: implicit instruction do not always necessarily lead to implicit learning (learning that takes place without either intentionality or awareness) or that explicit instruction leads to explicit learning (intentional conscious process) (Ellis et al 2009: 18). When the learner is not attentive to teacher's explanation, he may acquire a certain grammatical item implicitly in communicative activities; equally, being involved in implicit instruction, the learner "may work out what the target of the instruction is and seek to make the understanding of it explicit" (ibid.).

It is also worth noting that, according to Ellis (ibid.), explicit instruction aims at not just developing explicit knowledge (knowledge about language) but also implicit knowledge (knowledge of language). The extent of the effectiveness of explicit instruction in the acquisition of implicit and explicit knowledge is still an inconclusive issue (ibid.).

3. On factors influencing the right approach to grammar instruction

3.1. The educational objective

Referring to different approaches and methods used in the history of foreign language didactics (Richards 2001; Larsen-Freeman 2000), implicit and explicit instruction is closely related to the *educational objectives*. Celce-Murcia (1991) (among other variables) considered educational objectives important in deciding the need to focus on form. “If the learner’s goal is survival communication, formal accuracy is of marginal value” (ibid.: 464); on the other hand, if the learner’s goal is accurate, meaningful, and appropriate communication, then a high degree of formal accuracy is important.

Grammar-translation method and cognitive approach relied entirely on explicit approach. Limiting the aims of studying a foreign language to making students able to know, prescribe, read and translate the written language, grammar-translation method approached the target language deductively through detailed analysis of grammar rules followed by application of this knowledge to translating written language. Though learners had considerable explicit knowledge of grammar rules, they could not express their thoughts or use the language communicatively. Similarly, the cognitive approach of language teaching, emphasizing the cognitive skills, approached explicit grammar instruction and diminished the importance of the communicative skills in language learning.

Direct method, total physical response and deep-end version of communicative approach relied entirely on implicit approach. Increased opportunities for communication among people created a demand for oral proficiency in foreign languages. These methods prioritized oral skills and applied implicit grammar teaching. The direct method and the total physical response encouraged natural language learning just as children pick up the grammar of their native language; without translation and grammar rules, but being immersed in language, learners would be able to induce the rules of grammar. Similarly, community language learning and desuggestopedia methods, assuming that learners would acquire the forms and vocabulary naturally, during the process of comprehending input, gave no formal grammar instruction. Also, the deep-end version (Thornbury 2008: 22) of communicative method rejected grammar instruction believing Krashen’s model of L2 acquisition (Krashen 1981) who suggested that rules are acquired naturally from meaningful input and opportunities to interact in the classroom, and that explicit grammar instruction was not needed.

Other methods as audio lingual, oral and situational method and silent way, largely, but not entirely relied on an implicit instruction. They were mainly organized based on the language forms and little on real life communication.

Therefore, being dissatisfied with the extreme of explicit or implicit grammar instruction, there has recently been suggested a need for both a focus on language forms and a focus on communication (Nassaji & Fotos 2011: 12). Researchers have agreed that grammatical competence cannot be attained simply through exposure to meaningful input: without some attention to form, learners may risk ‘fossilization’ (Hinkel & Fotos 2002: 5); moreover, certain types of language knowledge (such as English articles and conditional sentences) and skills (such as academic speaking and writing) are difficult to attain in the process of naturalistic learning. In such cases, instructed learning is needed to attain high levels of language competence and performance. Therefore considerable research has followed on methods for integrating grammar instruction with communicative language learning and supporting a combination of explicit and implicit instruction. *Focus on form’ approach*, drawing learner’s attention to linguistic forms in the context of meaningful communication (and reconciling the extreme explicit and implicit positions) is suggested to be effective in second/foreign language acquisition. Nassaji and Fotos (2011) recommended six input-and output-based instructional options for teaching grammar communicatively, suggesting the need of both implicit and explicit form-focused instructions to promote foreign language acquisition: processing instruction, textual enhancement, discourse-based grammar teaching, interactional feedback, grammar-focused tasks, and collaborative output tasks. It is important for teachers of foreign languages to try them in order to give their interpretations and suggestions for improving the quality of grammar teaching.

3.2. Other factors influencing the right approach to grammar instruction

Some researchers (Ellis et al. 2009, Khatib & Ghannadi 2011, LI & TIAN 2008, Nassaji & Fotos 2011, Spada & Lightbown 2008) have emphasized the benefit and need of both types of form-focused instruction (explicit and implicit) in foreign language acquisition. It is also evident even from the definitions of explicit and implicit instruction provided in second/foreign language acquisition that foreign language learners can benefit from both explicit and implicit instruction. Explicit instruction, drawing learners’ attention to linguistic forms and developing their meta-

linguistic knowledge of the target language structures, helps learners express meaning more effectively and accurately in the communicative interaction and not use continuously incorrect forms; whereas, implicit instruction enhances the communicative learning process by providing learners with more experience of specific exemplars of a rule or linguistic form as they are focused on meaning.

Furthermore, they have concluded that the choice of a grammar teaching strategy is affected by a number of factors.

Learners' native language: Spada and Lightbown (2008), Nassaji and Fotos (2011) support the use of explicit instruction for clarifications when native language has strong influence on foreign language by helping learners enhance their awareness of the target linguistic forms and learn them.

Salience in the input: 'Some grammatical features are inherently more salient (easy to notice) than others' (Ellis et al. 2009: 145) and as such, they are not acquired the same. For example, 'verb -ing (more phonologically salient) is acquired before third person -s (less phonologically salient)' (ibid.). Researchers (Akakura 2012, Ellis 1997: 80, Nassaji & Fotos 2011: 136, Spada & Lightbown 2008) claim that explicit instruction is useful with features that are not salient in the input. Clearly, directing learners' attention to the target language form(s) through explicit instruction can assist them to notice language forms that occur frequently but are imperceptible in the input. Therefore, it is necessary to make foreign language teachers aware of the salient features of the target foreign language, so as to help them decide the right instructional strategy in their teaching practice.

The *frequency the grammatical feature* in the input is also reported to be considered important in teaching grammar (Ellis et al. 2009: 144, Burgess & Etherington 2002, Nassaji & Fotos 2011: 136). The more frequent the feature is, the more noticeable it becomes. In the case of rare grammatical forms (such as function words), explicit instruction, attracting learners' attention to the grammatical feature and enhancing their awareness, can help learners notice and learn them in the input in the communicative activities. What about English articles, for example, which occur extremely frequently in the input but are certainly not easy to acquire?

Another factor, also recorded in relevant studies is *rule complexity*. Some linguistic forms (such as English articles) are considered structurally simple but functionally very complex as they perform a number of different functions (Ellis 1997: 80; Ellis et al. 2009: 150) (relating to type

of the noun they determine, the situational context and the discourse context). In such cases, the complex feature will require a complex explanation, using even technical metalanguage (as generic/specific reference or countable/uncountable nouns). For this reason, as authors have assumed in their studies (DeKeyser 1995, Ellis 1997, Ellis et al. 2009, Nassaji & Fotos 2011, Spada & Lightbown 2008), implicit form-focused instruction is more suitable for complex linguistic features and rules, while explicit instruction is more effective with simple ones. But Andrews's empirical study (2007) on the effects of explicit and implicit instruction on simple and complex grammatical structures for English language learners does not support the assumption of the above researchers. His study resulted that explicit instruction was better than the implicit for the complex rule (relative clauses) and that both strategies were equally effective for the simple rule (subject – verb agreement). Therefore further research is needed in this aspect: approaching the right teaching strategy to the type and complexity of the target structure, so as to guide teachers in choosing the most effective one.

Researchers (Ellis 1992, 2006, LI & TIAN 2008, Nassaji & Fotos 2011, Spada & Lightbown 2008) relate the form of instruction even to the *learner developmental level*. Formal instruction is considered pedagogically effective if it is “timed to match the learner’s developmental stage” (Ellis 1992: 52). If a learner is not developmentally ready to learn a structure as it is beyond his/her current developmental phase, he/she can hardly master the target structure. In this way, learners who have more metalinguistic knowledge and skill (even in the native language) can be more able to notice the target language form in a communicative context than those with poorer metalinguistic ability. For this reason the first group of learner needs less explicit approach than the latter.

Individual learning styles: Studies in educational psychology suggest that some learners have an analytic style; they, consciously or unconsciously, learn best by formulating and testing hypotheses or rules (Celce-Murcia 1991, Celce-Murcia & Hilles: 5). While other learners have a holistic style; they learn best by experiencing, gathering, and restructuring relevant data but doing little or no apparent analysis (ibid.). Foreign language learning studies suggest that, to be successful in learning, analytic learners need more explicit instruction, while holistic learners need more implicit instruction. Therefore, as foreign language classrooms may consist of learners having different learning styles, teachers need to select the appropriate instructional strategy to address their needs. However,

the above mentioned empirical research has not considered this factor in valuing the effectiveness of each grammar teaching approach (explicit/implicit) in language acquisition.

Learners' age is also considered influential in the approach to grammar teaching Celce-Murcia 1991, LI & TIAN 2008, Nassaji & Fotos 2011, Spada & Lightbown 2008). It is suggested that young children, as being more holistic in their approach to learning than adults, may need little explicit grammar instruction, while older children and adults (even because of their superior cognitive ability) may learn a foreign language more effectively and quickly with the support of some explicit focus on form.

Another investigated factor related to the approach to grammar teaching is *previous language learning experience*. Research has revealed that learners who have learnt language via a traditional grammar-based approach often have preferences for continuing to learn explicitly (Celce-Murcia 1991, Spada & Lightbown 2008). Even teachers often teach grammar in the way in which they were taught (Borg 2003, cited in Spada & Lightbown 2008). Our teaching and observation practice support them.

There is little research on the direct relationship between the approach to grammar teaching and the two following factors: *learner and teacher preferences* about grammar instruction, and *teacher's metalinguistic knowledge*. Dörnyei (2005, cited in Spada & Lightbown 2008) reported that learners benefit most from the type of instruction that suits their preferences about grammar instruction (not their teacher's). It is also reported (Spada & Lightbown 2008) that the extent to which grammar is taught deductively depends on the level of grammar metalinguistic knowledge the teacher has.

Conclusion

Current foreign language acquisition theory and research do not support the extreme of explicit or implicit instruction. Relying largely on either of them has been deficient in language learning and using the target language accurately and fluently; explicit instruction did not help learners use the target language communicatively, whereas implicit instruction did not help learners develop certain types of language knowledge and skills. It is suggested and naturally agreed that both types of instruction can be beneficial in promoting language acquisition: explicit instruction increases learners' awareness of the target language; implicit instruction, providing learners with comprehensible linguistic input, helps them develop grammatical competence in meaningful context. Empirical research on this issue is limited; therefore further studies are needed to value the

effectiveness of the instructional options that combine explicit and implicit grammar instructions.

Moreover, theory and research inform that there are many issues for teachers to consider in deciding on the right instructional strategy in teaching grammar effectively for communicative purposes: native language influence, salience and frequency of the grammatical feature in the input, rule complexity, learner developmental level, individual learning styles, learners' age, learner and teacher preferences, teacher's metalinguistic knowledge and previous language learning experience. More specifically, explicit instruction is recommended when native language has strong influence on FL, the target grammatical feature is rare or not salient in the input, teaching functionally simple language forms, teaching grammar to older children and adults and learners with poor metalinguistic ability and those that have an analytical learning style, and when the level of teacher's grammar metalinguistic knowledge is high. In other teaching contexts (salient and frequent grammatical forms in the input, functionally complex features, teaching FL to holistic, young children or learners with considerable metalinguistic knowledge, the other instruction strategy can be used when it suits learners' preferences as to make them feel comfortable and motivated. But if this preference is either extreme implicit or explicit the teacher's responsibility should be to gradually accommodate the learners with the other instructional approach.

Considering all these issues, FL teachers' decision on how to teach grammar has to be taken individually, based on his/her teaching situation and professional judgment in order to address the needs of their learners and create the best possible conditions where accuracy and fluency of language use can be developed simultaneously and supplementary.

Reference

1. Achard, M. (2008). Teaching construal: Cognitive Pedagogical Grammar. In, P. Robinson & N. C. Ellis (Eds.), *Handbook of Cognitive Linguistics and Second Language Acquisition* (pp.432–455). Taylor & Francis.
2. Akakura, M. (2012). Evaluating the effectiveness of Explicit instruction on implicit and explicit L2 knowledge. *Language Teaching Research*. 16(1), 9-37.
3. Andrews, K. (2007). The effects of implicit and explicit instruction on simple and complex grammatical structures for adult language learners. *Tesl-EJ*, 11(2), 1–15.

4. Burgess, J., & Etherington, S. (2002). Explicit or implicit grammar? *System*, 30, 433–458.
5. Celce-Murcia, M. & Hilles, S. (1998). *Techniques and Resources in Teaching Grammar (Teaching Techniques in English as a Second Language)*. Oxford University Press.
6. Celce-Murcia, M. (1991). Grammar Pedagogy in Second and Foreign Language Teaching. *TESOL QUARTERLY*, 25(3), 459–480.
7. DeKeyser, R. (1994). Implicit and Explicit Learning of L2 Grammar: A Pilot Study. *TESOL QUARTERLY*, 28(1), 188-194. Retrieved from http://203.72.145.166/TESOL/TQD_2008/VOL_28_1.PDF#page=183
8. DeKeyser, R. (1995). Learning Second Language Grammar Rules. *Studies in Second Language Acquisition*, 17, 379–410.
9. Ellis, R. (1992). *Second Language Acquisition and Language Pedagogy*. Multilingual Matters.
10. Ellis, R. (1997). *Second Language Acquisition*. Oxford University Press.
11. Ellis, R., Loewen, Sh., Elder, C., Erlam, R., Philp, J., & Reinders, H. (2009). *Implicit and Explicit Knowledge in Second Language Learning, Testing and Teaching*. Multilingual Matters.
12. Gall, M.D., Borg, W. R. & Gall, J.P. (1996). *Educational research: An introduction*. White Plains, NY: Longman.
13. Hedge, T. (2000). *Teaching and learning in the language classroom*. Oxford University Press.
14. Hinkel, E. & Fotos, S. (2002). From Theory to Practice: A Teacher's View. In E. Hinkel & S. Fotos (Eds.), *New perspectives on grammar teaching in second language classrooms*. *ESL & Applied Linguistics Professional Series* (pp. 1–12). Lawrence Erlbaum Associates, Inc.
15. Khatib, M. & Ghannadi, M. (2011). Interventionist (explicit and implicit) versus non-interventionist (incidental) learning of phrasal verbs by Iranian EFL learners. *Journal of Language Teaching and Research*, 2(3), 537–546.
16. Krashen, S. (1981). *Second Language Acquisition and Second Language Learning*. Pergamon Press Inc.
17. Larsen-Freeman, D. (2000). *Techniques and Principles in Language Teaching* (2nd ed.). Oxford University Press.
18. Li, X. & TIAN, T. (2008). On formal explicit and implicit grammar instruction. *US-China Foreign Language*, 6(3), 54–58.

19. Nassaji, H. & Fotos S. (2011). Teaching Grammar in Second Language Classrooms: Integrating form-focused instruction in communicative context. Routledge Taylor & Francis Group.

20. Richards, J. C. (2001). Approaches and methods in language teaching. Cambridge Language Teaching Library.

21. Richards, J.C. & Renandya, W. A. (2002) Methodology in language teaching: An anthology of current practice. Cambridge University Press.

22. Spada, N. & Lightbown, P. M. (2008). Form Focused Instruction: Isolated or Integrated? TESOL QUATERLY, 42(2), 181–207.

23. Thornbury, S. (2008). How to teach grammar. Longman.

УДК 81'25

**ALBANIAN STUDENT AMONG CHANGES
AND CHALLENGES IN LEARNING ESP COURSES**

Vanina Kanini
(Tirana, Albania)

Albania, a small country, situated in Southeastern Europe, has been isolated to the world for almost 50 years, because of the communism governing. After the 90s', Albanian students began learning foreign languages, and they are really good at it. They love learning languages, and English language is among the most favorites. English language is taught since the third grade of elementary school, till the second year of Bachelor studies in the Universities.

Till some years ago, English Language was taught as a general language, based upon traditional methods, like translation method, grammar, verb-patterns, idioms, etc.. With the opening to the world, commerce industry, building industry, agriculture, business etc. so the need of a growing demand for English for Specific Purposes (ESP) instruction in Albania. They began to be applied in different universities around the country, and there was a big interest upon students and teachers to apply it in their English classes. This was due to the fact because they found it worth for their future career. But the ESP courses are still limited to learning specific lexicon and translating texts. With the continued expansion and participation in the international arena, much attention should be drawn to the design of ESP courses which can help to prepare learners for future professional communication. In response to these needs, there should be done an attempt to provide a guided approach to ESP course design for Albanian engineering students at tertiary level.

Keywords: ESP courses, designing ESP courses, learning skills.

Introduction

With the globalization of trade and economy and the continuing increase of international communication in various fields, the demand for English for Specific Purposes is expanding, especially in countries where English is taught as a Foreign Language. Even though ESP courses have become popular recently in Albania and many institutions and universi-

ties offer ESP courses for senior students, for years the instruction has been limited to specialized lexicon and sentence structures, an approach which fundamentally ignores the learners' personal interests. This often leads to low motivation in their English studies and, in turn, poor performance later when they use English in their future profession.

Their views about school, studies, life, leisure activities etc. have changed significantly. Desire is the most diverse occupy an increasingly important role in the lives of youth interest to support education, and in many cases they manage to avoid it. Besides school, young people use other sources more numerous for getting information and gaining knowledge.

Ways young people act, observe and analyze the world around them changed and is constantly enriched. Unemployment casts a dark shadow in the imaginations of young people for a future of safe and independent.

On the other hand, the tendency of young people to leave Albania to increase the ratio of population aging on her new, especially in rural areas, where the burden of agricultural work decreased at the expense of women, especially minors. Avoiding such a phenomenon requires our educational system the ability to make a thorough review, based on a deep knowledge of reality and future-oriented possible, even desired by most Albanians.

Contemporary curriculum in the field of learning emphasizes the active role of students in building their knowledge structure. Attitudes and perceptions of their students go to the points where the focus of their attention. To some extent, this depends on the information they receive and make that interpretation. The management of the learning process depends very much on their experiences.

The process of learning to serve structuring and completion of previous knowledge of students and their operating models of behavior, they themselves should be evaluated as active participants in the process of acquiring, processing and evaluation of knowledge. Just so further work and through knowledge and skills will be organized and will focus on structures that enable their use. It also requires changing role of teachers who appear more and more as managers and drafters learning situations.

The school is keen to transmit only a very small amount of information from rapidly growing. For this reason, schools and education, in general, should make very careful choices to ensure the required effectiveness of teaching and learning.

School is very important to determine:

- on what basis will select the contents of what should be taught,

- will be selected as it is important that the large amount of information, but
- how it will be accomplished structuring of knowledge, skills and values for a single purpose.

Information outdated and irrelevant content contained in various school disciplines, should be avoided by replacing the scale - the scale and so very careful of new information.

Schools should guide students toward increasingly critical attitude toward gaining knowledge and skills acquired to solve practical problems and situations. Increasing the efficiency of learning requires connection between different subjects.

In response to these problems, it is important to help students adapt to today's competitive society, meaning that university English faculties need to design ESP courses that can best prepare learners for future professional communication. Designing a new ESP course involves issues such as what to teach, how to teach or where to start. Based on an integrated approach, this paper stresses the fact that teachers should work harder on creating a sample ESP course framework and critically analyze the core elements of ESP course design: needs analysis; course goals and objectives; course details; materials design; and finally, assessment and evaluation, in order to have a good result in their ESP classes.

LITERATURE REVIEW

The growth of the ESP movement is a result of the fast development of the world economy and has been greatly influenced by ELT methodology and the development of Applied Linguistics. The first dominating approach to ESP course design focused on the grammatical and lexical items of a particular field of English. With the popularity of Communicative Language Teaching, language use became the key emphasis in the ESP world, known as the functional-notional approach. In the early 80s, it was found that there was a certain need underlying a particular language use and in addition, the process of learning and learning skills needed to be taken into account (Dudley-Evans & St John, 1998).

Analyzing the specific needs of a particular learner group serves as the prelude to an ESP course design, because it determines the 'what' and 'how' of an ESP course. Chen (2006) also reached the conclusion that ESP course designers should explore and identify the learners' potential needs in the first place. The current concept of needs analysis in ESP, according to Dudley-Evans and St John (1998, p.125), includes consideration of the following aspects:

A. Professional information about the learners: the tasks and activities learners are/will be using English for- *target situation analysis* and *objective needs*.

B. Personal information about the learners: factors which may affect the way they learn such as previous learning experiences, cultural information, reasons for attending the course and expectations of it, attitude to English- *wants, means, subjective needs*.

C. English language information about the learners: what their current skills and language use are- present situation analysis- which allows us to assess (D).

D. The learners' lacks: the gap between (C) and (A)- lacks.

E. Language learning information: effective ways of learning the skills and language in (D)- learning needs.

F. Professional communication information about (A): knowledge of how language and skills are used in the target situation- linguistic analysis, discourse analysis, genre analysis.

G. What is wanted from the course.

H. Information about the environment in which the course will be run – means analysis.

In the ESP curriculum design for Greek EFL students of computing, Xenodohidis (2002) states that, in addition to needs assessment, the course development process should also include determination of goals and objectives. In order to avoid de-motivation, the goals should be realistic and the objectives should be appropriate to the goals (Nunan, 1988, as cited in Xenodohidis 2002).

When designing an ESP course, another issue to take into consideration is that grammatical functions, acquisition skills, terminology, specific functions of discipline content are crucial parts of the ESP course. In the meantime, general English language content should also be integrated into the course since content-related language cannot function without general English language content (Chen, 2006).

Based on the professional experience developing the curriculum for Language Preparation for Employment in the Health Science, Gatehouse (2001) pointed out that when developing an ESP curriculum, three abilities need to be integrated into it for the purpose of successful communication in occupational settings. The three abilities encompass the ability to use particular jargon in specific context; to use generalized set of academic skills; and finally the ability to use everyday informal language to communicate effectively. Therefore, ESP course designers should take

into account how to integrate the three abilities into the components of an ESP course.

Assessment and evaluation are also two important issues that should be included in the course design process. Assessment is a process of measuring what learners know and what they can do, whereas evaluation reveals how well the ESP course works with emphasis not only on successful factors but also on modifying less successful aspects (Dudley-Evans & St John, 1998).

Background to the Engineering English course

Albanian is the national language in Albania and English is taught as a foreign language. All subjects are taught in Albanian at the majority of colleges and universities, while English is included in the school curriculum as a compulsory subject. With the adoption of English as the international language for communication and its wide use all over the world, more and more colleges and universities place an emphasis on running different kinds of English courses for their students to enable them to become competitive and competent enough in their future career. At the Polytechnic University in Tirana, Albanian students have English classes in the first semester of the first year and in the first semester of the second year, which is 7 credits, and this is according to Bologna System which has been applied in our faculties since 2006.

In what bases are the text books and materials selected?

When designing an ESP course, the primary issue is the analysis of learners' specific needs. Other issues addressed include: determination of realistic goals and objectives; integration of grammatical functions and acquisition skills; and assessment and evaluation. Although ESP contexts view these issues from their own perspectives, the proposed framework for ESP course development is argued as being of benefit to teachers who may encounter problems in ESP course design.

Students work with the text book "Technology", an Oxford University Press book and we also provide them extra materials according to their branch, (electronics, informatics, telecommunication), which are taken from different web sites on the internet. The materials are chosen according to the students' needs. The purpose is to raise their English proficiency in engineering settings as well as to prepare them for successful communication in their future profession. The use of these ways of getting information in their professional language, is a little bit difficult, because, as English is taught since the first semester of the first year, students are faced with these terms for the first time, even before knowing

their meaning in Albanian language, because the subjects taught in the first year of Bachelor studies are general, (such as mathematics, physics, chemistry), and not those of the profession (such as electronics, CAD, or informatics, etc.)

Another problem is the fact that there is a lack of laboratory of English studies, which makes it more difficult for students to get the information and so they find the information concerning their profession on different web sites on the net. After having found it, they work with the vocabulary, finding out the new words and terms and analyzing the text.

After having studied for two years in Engineering terms and general English, students have a well understanding of Engineering language but their English level is not so much sufficient, as there is such a short period of time. We are attempting to negotiate with the other departments in the university in order to have English classes during the three years of bachelor studies and that way students will have sufficient understanding of their engineering skills in English language which will help them in their future career.

CONCLUSIONS

As a conclusion I can say that the foreign language teaching for specific purposes has become a necessity of time and requires a particular focus of attention, it is necessary, at the outset, to define the place to voice this way of studying a foreign language in relation to general language then, going into its language content. The goal is to meet the most comprehensive needs of students or specialized public through practical and economic means. This selection also varies depending on the part of reality that is taken as the object of study, because each area of life has its own vocabulary and way of conceiving of reality. The use of a language is, to some extent, a reflection of a reality.

Material selection and processing of language for specific purposes requires the construction of a special pedagogy of teaching English depending on the interests of the public and to follow these courses.

In contemporary pedagogy, learning a foreign language is not an end in itself, but a means to achieve a particular purpose. As in every field of life, even here works the operating principle of functionality.

I am pretty sure that, we, as teachers and researchers, will do our best towards teaching and especially ESP courses, in order to have successful students that will succeed in their future career.

References

1. Dudley Evans, T. & St John, M. .J. (1998). Developments in English for Specific Purposes: A multi-disciplinary approach. Cambridge: Cambridge University Press.

2. Xenodohidis, T. H. (2002). An ESP Curriculum for Greek EFL Students of Computing: A New Approach. ESP World, Issue 2, Vol. 1. Retrieved November 29th, 2006 from [http:// www. esp-world.info/index.html](http://www.esp-world.info/index.html)

УДК 81'25

ДЕКАУЗАТИВ В АНГЛИЙСКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ

Ю. В. Баклагова

*В статье рассматриваются семантические особенности декаузатива в английском и немецком языках. Описываются способы каузативной деривации: в английском языке – это немаркированный декаузатив (как семантический дериват исходного каузативного глагола); в немецком – маркированный декаузатив (образование декаузатива с помощью *sich* и умлаута корневой гласной) и немаркированный декаузатив.*

Ключевые слова: каузативный глагол, маркированный/ немаркированный декаузатив, актантная деривация, агенс.

Декаузатив – это распространенный и во многих языках регулярный тип производного (непереходного) употребления каузативных глаголов [4. С. 23]. В отношении дефиниции каузативного глагола мы придерживаемся определения, которое предлагает М. В. Всеволодова: каузативные – это акциональные глаголы со значением интеллектуального или ментального, физического, социального действия, направленного на другое лицо или предмет, в результате чего последнее само совершает какое-либо действие, испытывает состояние, меняет качество [2. С. 58].

Семантика декаузатива толкуется неоднозначно. В типологической литературе распространен термин «антикаузатив», искажающий смысл декаузативации. Декаузатив значит «образованный от каузатива», а не лишенный каузативного значения. В работе Б. Левин и М. Раппапорт используется термин *causative alternation*, подразумевающий симметричное отношение между каузативным глаголом и его декаузативом. Авторы справедливо приходят к выводу, что есть две разные деривационные модели – декаузативация и каузативация, каждая со своей областью применения и семантическим результатом [7].

И. А. Мельчук относит декаузатив к отрицательно фактитивным дериватам. Суть этой дериватемы – «минус-каузировать», то есть означаемым каузатива является команда «стереть составляющую каузировать в означаемом исходной лексемы» [3. С. 379].

Некоторые ученые, например [6], утверждают, что декаузатив представляет новое состояние, наступившее само по себе, без внешней причины. Такая трактовка видится нам несколько противоречивой. И основное противоречие здесь заключается в том, что декаузатив – явление чаще всего производное от каузатива, и оно трактуется через каузатив. Следовательно, причинно-следственные отношения обязательно присутствуют в семантике декаузатива (причина есть!).

Набор участников актантной структуры в декаузативе отличается от набора участников каузативной ситуации, а именно понижается на один актант. Декаузатив по этой причине называют понижающей актантной деривацией. В декаузативе ситуация, которая исходно представлялась как агентивная, т. е. каузируемая волей некоторого лица или активной силой, преобразуется в «некаузируемую» ситуацию, которая не имеет внешнего агенса и происходит как бы «сама по себе» [5. С. 212].

В декаузативе в качестве неагентивного каузатора может выступать событие, природная сила, лицо, для которого возникновение нового состояния не было осуществлением его намерения. Отсюда тот факт, что декаузативация применима только к неагентивным употреблением каузативного глагола [1. С. 25].

Интересным является тот факт, что не от всех каузативных глаголов возможно образование декаузатива. Самый обычный каузатив – это глагол действия. Однако каузативы не образуются от тех глаголов действия, в семантику которых входят компоненты, фиксирующие способ или характер деятельности (смахнуть, подмести), в частности, наличие и даже тип орудия или инструмент (разрезать, разрубить). Отсюда различие между глаголом порвать с декаузативом порваться и глаголом разрезать без декаузатива [1. С. 29].

Исходным для декаузатива всегда является такой каузативный глагол, который хотя бы в одном из своих употреблений не агентивен. В декаузативе в качестве неагентивного каузатора может выступать событие, природная сила, лицо, для которого возникновение нового состояния не было осуществлением его намерения. Отсюда тот факт, что декаузативация применима только к неагентивным употреблением каузативного глагола [1. С. 25].

Из всего вышесказанного можно резюмировать: первое условие позиционирования глагола как декаузатива – наличие одноименного каузативного глагола, второе – неперемное отсутствие в семантике декаузативного глагола указания на целеполагающего участника,

агенса действия (причина действия в любом случае есть, но агент – неодушевленный и обязательно нецеленаправленный).

В морфологическом плане модели образования декаузативных глаголов могут быть различными. Например, в русском языке декаузатив (V_d) является морфологическим или синтетическим, поскольку образуется путем добавления к каузативному глаголу (V_c) суффикса -ся/-сь, ср.:

V_c испугать – V_d испугаться,

V_c разбить – V_d разбиться.

Декаузатив в английском языке представлен единственным способом декаузативной деривации: немаркированным. Суть немаркированного декаузатива в том, что декаузативный глагол представляет собой в точном смысле семантический дериват исходного каузативного глагола (то есть деривация формально не выражена). Речь идет о парных глаголах в переходном и непереходном употреблении, ср.:

V_c break «сломать» – V_d break «сломаться»,

V_c open «открыть» – V_d open «открыться»,

V_c close «закрыть» – V_d close «закрыться»,

V_c feed «кормить, питать» – V_d feed «кормиться, питаться»,

V_c drop «уронить» – V_d drop «падать».

Неагентивность характерна только для декаузатива. В пассиве статус агенса как участника ситуации сохраняется, даже если агент отсутствует в предложении, ср.:

(1) *She dropped the bowl.* Она уронила вазу.

(2) *The apple dropped from the tree.* Яблоко упало с дерева.

(3) *The bowl was dropped (=by somebody).* Вазу уронили.

В предложении (1) и (3) глагол *drop* употребляется как каузатив. В предложении (2) – как декаузатив, поскольку здесь глагол *drop* – неагентивен (нам неизвестна точная причина падения яблока). В предложении (3) отчетливо показано, что если в семантической структуре подразумевается целенаправленный агент, то это обязывает нас использовать именно пассив, а не декаузатив (как в предложении (2)).

Для немецкого языка характерны два типа декаузатива (или способа декаузативной деривации): маркированный и немаркированный.

Наиболее продуктивным типом является маркированный декаузатив; типологически его можно отнести к синтаксическому или аналитическому декаузативу. Маркированный декаузатив представлен глаголами с рефлексивной клитикой *sich*. Рассмотрим следующие примеры:

(4) *Peter zerriss den Bogen.* Петер разорвал лист.

(5) *Der Bogen wurde (von Peter) zerrissen*. Лист был разорван (Петром).

(6) *Das Segel zerriss sich*. Парус разорвался.

В предложениях (4) и (5) глагол *zerreißen* – каузатив. В предложении (6) глагол *sich zerreißen* – декаузатив, т.к. данный глагол – не-агентивен (причина разрыва паруса – нецеленаправленный, неодушевленный каузатор, например, природная сила).

Здесь сразу следует оговорить, что не все формы с *sich* могут считаться декаузативом. Рефлексивные (возвратные) глаголы с *sich* формально совпадают с декаузативом. Совпадение в семантической структуре глагола агенса и пациенса (объект совершает действие сам, без воздействия извне) является признаком рефлексива, ср.:

(7) *Die Mutter badete das Kind*. Мама купала ребенка.

(8) *Das Kind badete sich*. Ребенок купался.

В предложении (7) глагол *baden* – каузатив, в предложении (8) – рефлексив (ребенок купал сам себя).

Существует большое количество маркированных декаузативов в немецком языке, ср.:

V_c *erwärmen* «нагревать» – V_d *sich erwärmen* «нагреваться»,

V_c *verfärben* «окрасить» – V_d *sich verfärben* «окраситься»,

V_c *verkürzen* «сокращать» – V_d *sich verkürzen* «сокращаться».

Еще один способ маркированной декаузативной деривации – образование декаузатива с помощью умлаута корневой гласной. В силу ограниченного количества таких глагольных пар этот способ деривации – наименее продуктивен. Ср.:

V_c *fällen* «валить» – V_d *fallen* «падать»,

V_c *füttern* «кормить, давать корм» – V_d *futtern* «есть, уплетать»,

V_c *dörren* «сушить, вялить» – V_d *dorren* «сохнуть, вянуть».

Также в немецком языке представлен немаркированный способ, когда декаузативные глаголы являются точными семантическими дериватами одноименных каузативных глаголов, ср.:

V_c *einfrieren* «заморозить» – V_d *einfrieren* «замерзнуть».

Кроме того, важно отметить, что в немецком языке существуют глаголы, которые имеют каузативное значение, декаузативное значение и рефлексивное значение с *sich*, ср.: *abreißen* «оторвать» (каузатив), *abreißen* «оторваться» (декаузатив), *sich abreißen* «сорваться (с привязи)» (рефлексив).

На основании проведенного анализа можно заключить, что способы декаузативной деривации в английском и немецком языках раз-

няться. В английском языке существует только немаркированный декаузатив (декаузативный глагол – это семантический дериват исходного каузативного глагола). В немецком языке – это маркированный декаузатив (образование декаузатива с помощью клитики *sich* и умлаута корневой гласной) и немаркированный декаузатив. Невозможность образования от всех каузативных глаголов одноименных декаузативных пар ограничивает проявление системной продуктивности декаузативных моделей как в немецком, так и в английском языках.

Список литературы

1. Апресян, Ю. Д. Избранные труды. Т. I. Лексическая семантика. М. : Языки русской культуры, 1995. 472 с.
2. Всеволодова, М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. М. : Изд-во МГУ, 2000. 502 с.
3. Мельчук, И. А. Курс общей морфологии. Т. II. М. ; Вена : Языки русской культуры, Венский лингвистический альманах, 1998. 544 с.
4. Падучева, Е. В. Русский декаузатив и его формальные модели // Научно-техническая информация. Вып. 2. М., 2001. С. 23–34.
5. Плунгян, В. А. Общая морфология: введение в проблематику. М. : Едиториал УРСС, 2003. 384 с.
6. Haspelmath, M. More on typology of inchoative/causative verb alternations // B. Comrie, M. Polinsky. Causatives and Transitivity. Amsterdam, Philadelphia: Benjamins, 1993. P. 87–120.
7. Levin, B. Unaccusativity: At the syntax – lexical semantics interface / B. Levin, H. M. Rappoport. Cambridge, 1995. 270 p.

List of literature

1. Apressjan, J. D. Izbrannye trudy. T. I. Leksicheskaja semantika. M. : Jazyki russkoj kultury, 1995. 472 s.
2. Vsevolodova, M. V. Teorija funkcionalno-kommunikativnogo sintaksisa. M. : Izd-vo MGU, 2000. 502 s.
3. Mel'chuk, I. A. Kurs obshej morfologii. T. II. M. ; Vena: Jazyki russkoj kultury, Venskiy lingvisticheskiy al'manach, 1998. 544 s.
4. Paducheva, E. V. Russkij decausativ i ego formalnye modeli // Nauchno-technicheskaja informacija. Vip. 2. M., 2001. S. 23–34.
5. Plungjan, V. A. Obshaja morfologija: vvedenije v problematiku. M. : Editorial URSS, 2003. 384 s.
6. Haspelmath, M. More on typology of inchoative/causative verb alternations // B. Comrie, M. Polinsky. Causatives and Transitivity. Amsterdam, Philadelphia: Benjamins, 1993. P. 87–120.
7. Levin, B. Unaccusativity: At the syntax – lexical semantics interface / B. Levin, H. M. Rappoport. Cambridge, 1995. 270 p.

УДК 81'25

**ПРОБЛЕМА ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ И БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОСТИ
В ПЕРЕВОДЕ И ДВУЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ**

Ю. Э. Дорохова

В статье рассматриваются проблема эквивалентности в художественном переводе и двуязычном словаре. Показаны средства и примеры решения безэквивалентности и проанализированы случаи отказа переводчика от словарных соответствий в тексте перевода.

Ключевые слова: эквивалентность перевода, безэквивалентная лексика, двуязычная лексикография

Эквивалентность в переводе неоднократно становилась предметом научных исследований (Комиссаров, 1980, Латышев, 1980), в новейших исследованиях рассматриваются вопросы эквивалентности в текстах различных жанров, например, в поэтических текстах (Кулемина, 2006). В нашей статье мы рассмотрим проблему эквивалентности и безэквивалентности лексических единиц в художественных переводах с немецкого языка и в двуязычном словаре, покажем примеры решения этой проблемы в практике перевода и лексикографии.

Сопоставление словарного состава языков показывает, что во всех языках есть группы лексических единиц, не имеющих соответствий в словарном составе других языков, значение которых не может быть передано с помощью лексико-семантических трансформаций. Такие лексемы называют безэквивалентными. Выделяют две основные причины безэквивалентности. Во-первых, в культуре каждого народа существуют присущие только ему явления материальной и духовной жизни, реалии. Реалии, отраженные в лексической системе ИЯ, малоизвестны носителям других языков, поэтому в этих языках нет лексических единиц для их обозначения. Так, подавляющему большинству русскоязычных не известны такие явления, как Richtfest (праздник строительной бригады по случаю возведения кровли дома) или drive-in (предприятия, где клиентов обслуживают в автомобиле). Во-вторых, номинация носит во многом случайный и стихийный характер, поэтому одни языки фиксируют в

понятиях и значениях слов то, что не выделяется другими. Так, например, в русском языке нет специальных обозначений для отрезков суток, которые в немецком языке обозначаются словами *Vormittag* (время с утра до полудня), *Spätnachmittag* (время около шести часов вечера). Особую группу безэквивалентной лексики составляют так называемые структурные экзотизмы [1. С. 158]. Эта группа безэквивалентных лексических единиц сходна со случайными безэквивалентами тем, что обозначаемые ими предметы или явления также присутствуют в практическом опыте носителей ПЯ, но не имеют в нем обозначений. Однако существование структурных экзотизмов, в отличие от случайных безэквивалентов, поддается объяснению. ПЯ не располагает средствами, которые были бы аналогичны средствам ИЯ и позволяли бы создать однословное соответствие исходной единице. Так, немецкое словосложение позволяет одним словом выразить достаточно сложные явления, которые в русском языке требуют развернутой характеристики: *Anlernberuf* – профессия, осваиваемая путем краткосрочного обучения непосредственно по месту работы. И немецкий, и русский язык обладают средствами префиксально-суффиксального словообразования, которые каждому из этих языков позволяют создать слова, не воспроизводимые средствами другого языка. Значения этих слов могут быть переданы только с помощью словосочетаний: *wegloben* – отделаться (от плохого работника), дав ему хвалебные рекомендации на другую работу; отлюбить – *nicht mehr imstande sein zu lieben* [1. С. 157–159]. В литературе подчеркивается, что термин «безэквивалентная» лексика употребляется только в смысле отсутствия соответствия той или иной лексической единице в словарном составе данного языка, а не в смысле «невозможности перевода» данной лексики. Неоднократно было отмечено, что любой язык в принципе может выразить любое понятие. Отсутствие в словарном составе языка специального обозначения для какого-либо понятия в виде слова или устойчивого словосочетания не означает невозможности выразить это понятие средствами данного языка. При отсутствии данного знака в системе языка его содержание всегда может быть передано в речи или тексте с помощью целого ряда средств. Безусловно, перевод лексики, не имеющей соответствий в ПЯ, представляет собой определенную трудность в переводе, но эта трудность вполне преодолима. Для передачи безэквивалентной лексики переводческой практикой выработан ряд приемов. Переводческая транскрипция и транслитерация

– передача написания или звучания исходной лексической единицы с помощью графем ПЯ: *internet cafe* – интернет-кафе, *Hackerpeter* – хакепетер. С помощью данного приема всегда переводятся географические названия, имена собственные, названия средств массовой информации и т.д. В настоящее время в переводческой практике предпочтение отдается транскрипции. Недостатком транскрипции является то, что при передаче звукового облика иноязычной единицы содержание нового понятия раскрывается только в контексте, и то весьма приблизительно. Поэтому данный прием обычно сочетают с другими методами.

Калькирование – передача лексической единицы или словосочетания при помощи замены их составных частей прямыми соответствиями в ПЯ: *skyscraper* – небоскреб, *brain drain* – утечка мозгов. Встречаются смешанные случаи, когда при калькировании одна часть слова или словосочетания переводится, а другая – транскрибируется:

Dies ist also wieder der Kleine Tiergarten, Pinneberg kennt ihn schon seit seiner Kindheit. (Fallada H. Kleiner Mann – was nun?) / Ага, выходит, он снова забрел в Малый Тиргартен, Пиннеберг знает его еще с детства.

Как транскрипция и транслитерация, так и калькирование не всегда раскрывает для читателя значение переводимого слова. Причина в том, что сложные и составные слова нередко имеют значение, не равное сумме значений их компонентов, а поскольку при калькировании используются эквиваленты именно этих компонентов, значение всего лексического образования в целом может остаться нераскрытым. Многие соответствия, созданные путем транскрипции и калькирования, широко распространяются в переводческой практике, а затем начинают использоваться и в непереводаемых материалах на ПЯ. В результате соответствующие единицы ИЯ выходят из ряда безэквивалентных, приобретая постоянные соответствия. Так вошли в прочное речевое употребление такие слова, как рейсфедер, штангенциркуль, брендмауэр, штрейкбрехер, грейпфрут, мини-юбка, нефтедоллар и мн. др.

Приближенный перевод заключается в подыскании ближайшего по значению соответствия:

“Wissen Sie nicht, dass heute Faschingsanfang ist?” (Remarque E. M. Drei Kameraden) / – Разве вы не знаете, что сегодня первый день масленицы?

Конечно, данные понятия не идентичны, но поскольку они обозначают праздник, предшествующий началу предпасхального поста, они могут заменить друг друга при переводе. Точно также в определенных контекстах могут оказаться взаимозаменяемыми слова *Sankt Nikolaus* и Дед Мороз, *Hanswurst* и Петрушка, каждое из которых обладает собственной национальной спецификой, но в то же время имеет общие семантические компоненты со словом ИЯ.

Элиминация национально-культурной специфики – прием, заключающийся в том, что при переводе реалии ее национально-культурная специфика снимается:

... *vergessen Kikis Tänze um den Salzbrezelkorb im Morgengrauen. (Remarque E.M. Drei Kameraden) / ... забыть, как пляшет Куки на рассвете вокруг корзинки с булочками.*

Хотя Большой немецко-русский словарь и приводит соответствие *Salzbrezel* – соленые крендельки, однако в данном контексте такое конкретное наименование несущественно, поэтому данное слово заменено словом с более широким значением – булочки.

Описательный (разъяснительный) перевод – способ передачи безэквивалентных ЛЕ, заключающийся в раскрытии значения исходной единицы с помощью развернутого словосочетания, раскрывающего существенные признаки обозначаемого данной лексической единицей, т.е. ее дефиниции: *landslide* – победа на выборах с большим перевесом голосов; *umweltfeindlich* – наносящий ущерб окружающей среде.

“*Noch tausend andere Dinge,*” *sagte ich, “zum Beispiel Lakritzen, Luftballons.” (Böll H. Ansichten eines Clowns) / Ну и еще тысячи разных вещей,* – продолжал я, – например, дешевые леденцы или воздушные шарик.

БНРС дает описательное соответствие лексеме *Lakritze* – экстракт солодового корня. Однако в данном контексте лексема используется как название популярного в Германии лакомства. Исходя из значения лексической единицы в оригинале, переводчик использует вариант перевода леденцы.

Описательный перевод хотя и раскрывает значение исходной безэквивалентной единицы, обычно бывает громоздок и неэкономичен, обычно это средство для передачи безэквивалентных лексических единиц в двуязычных словарях, а в переводе текстов переводчики обычно сочетают приемы транскрипции или калькирования и описательного перевода, давая последний в сноске:

Die Blockwarte hatten den Befehl, besonders darauf zu achten und alle zu melden, die nicht flaggten. (Kellermann B. Totentanz) / Блоквартам было приказано смотреть в оба и доносить о тех, кто не вывесил флага.

В тексте перевода безэквивалентная единица *Blockwarte* переведена с помощью транскрипции. В сноске разъясняется значение этого слова: специальный уполномоченный национал-социалистской партии по наблюдению за жителями вверенных ему домов.

Es gibt noch Tausende hier, die sich an ihre berühmte Rede im Rathaussaal zur Feier der Befreiungskriege erinnern. (Kellermann B. Totentanz) / Вашу замечательную речь в ратуше на торжестве в честь Освободительных войн запомнили тысячи людей...

Немецкая историческая реалия *Befreiungskriege* переведена с помощью кальки Освободительные войны, в сноске разъясняется: войны и отдельные вооруженные выступления против Наполеона в Пруссии и др. немецких государствах. Такой метод дает возможность сочетать краткость и экономность средств выражения, собственные транскрипции и калькированию с раскрытием семантики данной единицы, достигаемый через описательный перевод: разъяснив однажды значение данной единицы, переводчик в дальнейшем может использовать транскрипцию или кальку, смысл которой будет уже понятен читателю.

Таким образом, значения безэквивалентных слов в конкретном контексте передаются с помощью указанных способов столь же успешно, как и значения слов, имеющих эквивалентные и варианты соответствия.

При сопоставительном анализе оригиналов и переводов можно выделить группу отклонений, обусловленных, на наш взгляд, субъективными факторами, т.е. являющихся индивидуальными, авторскими решениями переводчика. Речь идет о тех случаях, в которых условия контекста, языковые нормы и узус позволяли использовать словарные соответствия, но переводчик предпочел иной вариант перевода.

Видные теоретики перевода неоднократно указывали на то, что процесс перевода в своей наиболее существенной части ненаблюдаем, так как он происходит в мозгу переводчика (Цвиллинг, 1977, Комиссаров, 1990). Даже самонаблюдения переводчиков-практиков и теоретиков, имеющих богатый опыт практической работы, не могут дать реальной объективной картины происходящего вследствие

того, что многие умственные действия переводчика происходят за порогом его сознания [2. С. 176]. Одним из таких умственных действий является перебор вариантов с постепенным приближением к оптимальному переводу. С одной стороны, переводчик не может ставить перед собой цель употреблять всякий раз именно словарные соответствия исходных лексических единиц, особенно если речь идет о прочно усвоенных им межъязыковых эквивалентах, которые он неоднократно встречал в разнообразных контекстах. С другой стороны, словари отражают регулярные, наиболее часто повторяющиеся соответствия, и отклонения от них должны быть мотивированы. Мотивированность и минимальность трансформаций Л.К. Латышев считает важнейшими критериями, определяющими меру трансформации. Всякая трансформация должна быть мотивирована «необходимостью достижения равноценности регулятивного воздействия ИТ и ПТ» [1. С. 39]. Принцип минимальности трансформации подразумевает минимальные отступления от семантики и структуры оригинала. Мера трансформации, обеспечивающая качественный перевод, на практике обеспечивается профессиональным чутьем переводчика [1. С. 39].

Причины трансформаций нам удалось установить лишь для небольшой группы примеров. В этой группе лексемы и свободные словосочетания заменялись устойчивыми словосочетаниями. Как известно, фразеология является наиболее специфичной частью словарного состава любого языка и обладает минимальной степенью переводимости по сравнению с лексическими единицами и свободными словосочетаниями. В области фразеологии наблюдаются наибольшие переводческие потери. Стремясь восполнить эти потери, переводчик, по возможности, вводит в текст перевода фразеологические единицы там, где это позволяют условия:

... aber ich hatte in meinem Leben so viele Tote gesehen, dass jede Krankheit für mich immer noch Leben und Hoffnung war. (Remarque E.M. Drei Kameraden) / ... но на своем веку я видел столько мертвых, что любая болезнь была для меня все-таки жизнью и надеждой.

...ich habe nicht einmal einen Menschen, der mir die Wahrheit sagt. (Kellermann B. Totentanz) / Ни одна живая душа не говорит мне правды.

... kenne hier viele Leute: Verwandte, Bekannte, ehemalige Mitschüler. (Böll H. Ansichten eines Clowns) / ... знаю здесь каждую собаку; в этом городе живут мои родственники, знакомые, товарищи по школе.

“Entschuldige, dass ich so offen spreche.” (Böll H. Ansichten eines Clowns) / Извини, что я называю вещи своими именами.

Sie freue sich darauf, ihn wiederzusehen und sich mit ihm über all diese Dinge, über die man nicht schreiben kann, auszusprechen und hoffe, dass diese Begegnung in nicht allzusehr ferner Zeit erfolge. (Kellermann B. Totentanz) / Она радуется, что снова увидит его, что они поговорят обо всем, чего нельзя написать, и надеется, что свидание не за горами.

Как видно из примеров, переводчики отказались от словарных соответствий, заменив их устойчивыми сочетаниями: в своей жизни - на своем веку, человек – живая душа, многие – каждая собака, говорить открыто – называть вещи своими именами, в ближайшее время – не за горами.

В большинстве случаев мотивы отказа от словарного соответствия не вполне ясны. Анализируя такие отклонения, можно выделить три группы по степени различия в значении исходного и переводного высказывания.

Во многих случаях отклонения от словарных соответствий не вызвали расхождений в семантике или стилистике исходных и переводных высказываний:

Er warf als erster und gewann eine Weckuhr. (Remarque E. M. Drei Kameraden) / Он начал первым и выиграл будильник.

Ich suchte meinen Hut, den ich gestern abend irgendwo gelassen haben musste... (Remarque E.M. Drei Kameraden) / Я искал шляпу, которую, видимо, забыл где-то накануне вечером...

Die Welt glitzerte und glitt, sie schwankte und fiel in einen schwarzen Tunnel zurück... (Remarque E. M. Drei Kameraden) / Мир искрился и скользил, он наклонялся и проваливался в черный туннель...

Eine Menge von Ringen breitet sich glitzernd vor ihr aus, der Verkäufer ist so achtlos, er bedient zwei Parteien... (Fallada H. Kleiner Mann – was nun?) / Перед ней лежит целая россыпь сверкающих колец, а продавец так невнимателен, он занят с двумя покупателями.

Sie haben heute schon dazu ein System der Überwachung und Kontrolle eingerichtet, wozu sie vollkommen berechtigt sind, nicht wahr? (Kellermann B. Totentanz) / С этой целью они учредили систему полицейского надзора и контроля, на что, разумеется, имеют полное право.

Действительно, словарные соответствия словам *werfen* – бросить, *lassen* – оставить, *glitzern* – сверкать, *bedienen* – обслуживать

и *einrichten* – организовать вполне могли быть использованы в русском переводе вместо лексических единиц начал, забыл, искрился, занят и учредили.

В следующих примерах отход от словарных соответствий вызвал небольшие расхождения в семантике и стилистике исходных и переводных высказываний:

Er wusste alles von ihr, und es war ihm gleichgültig. (Remarque E. M. Drei Kameraden) / Он знал о ее прошлом, и это ему было безразлично.

Hasse blieb an der Schwelle stehen. (Remarque E. M. Drei Kameraden) / Хассе остался в коридоре.

Sie entsetzen sich über diese Ruchlosigkeit, meine Tochter, ganz wie ich mich entsetze. (Kellermann B. Totentanz) / Вы так же возмущены этой безбожной жестокостью, дочь моя, как был возмущен и я.

Bescheidenheit und Pflichttreue werden nur in Romanen belohnt. Im Leben werden sie ausgenutzt und dann beiseite geschoben. (Remarque E. M. Drei Kameraden) / Скромность и добросовестность вознаграждаются только в романах. В жизни их используют, а потом отшвыривают в сторону.

“Zur Vorsicht habe ich auch eine Decke mitgebracht.” (Remarque E. M. Drei Kameraden) / У меня на всякий случай припасен плед.

Варианту «Он знал о ней все» переводчик предпочитает более конкретный «Он знал о её прошлом», вместо «Хассе остановился на пороге» – «Хассе остался в коридоре». Используя словарные соответствия, можно было бы перевести «Вы так же пришли в ужас от этого злодеяния...» вместо «Вы так же возмущены безбожной жестокостью...». В двух последних примерах нейтральные лексемы «отодвигают» и «взял с собой» заменены разговорными «отшвыривают» и «припасен», видимо, в рамках приема компенсации. Всё же, используя данные варианты перевода, переводчики верно передали смысл исходных высказываний.

Наконец, встречаются случаи, в которых отказ от словарных соответствий вызывает достаточно значительные семантические и стилистические сдвиги:

Sein Gewährsmann führte hunderte von Beispielen an, erschreckende Beispiele. (Kellermann B. Totentanz) / Один надежный человек привел ему в доказательство тысячи примеров... Страшных примеров...

Aber dann dreht er sich um, auf dünnen Beinchen mit krummem Rücken stelzt er zur Tür. (Fallada H. Kleiner Mann – was nun?) / Но он

поворачивается и, съжившись, ковыляет к двери на своих кривых ножках.

Die nächste Tür war angelehnt... Eine Wolke Parfüm kam heraus. (Remarque E. M. Drei Kameraden) / Следующая дверь была приоткрыта... Оттуда струился густой запах косметики.

Вряд ли обоснованными являются замены, произведенные в данных высказываниях: сотни – это, конечно, не тысячи, тоненькие ножки не значит кривые, а пахнет все же не косметика, а духи, как в оригинале.

Fabian schüttelte ungläubig den Kopf und lächelte voller Unbehagen. (Kellermann B. Totentanz) / Фабиан покачал головой и с досадой рассмехался.

Отклонение от соответствия усмехнуться достаточно сильно искажает смысл оригинала и создает неверное представление о герое и его душевных качествах. Фабиан вряд ли смог бы рассмеяться, прочтя о юноше, которому оторвало руку, даже при том, что он считал эту историю неправдоподобной.

Sie war zweiundvierzig, etwas schwammig und verblüht, aber natrlich nicht so verbraucht wie der Mann. (Remarque E.M. Drei Kameraden) / Это была женщина сорока двух лет, несколько рыхлая, отцветшая, но, разумеется, не так опустившаяся, как муж.

Хассе, к которому относится эпитет *verbraucht* - изношенный, вовсе не был опустившимся человеком. Это был порядочный, добросовестный служащий, работавший на износ, отсюда эпитет изношенный.

... er war bis auf weiteres beurlaubt und sollte sich zu weiterer Verfügung bereithalten. (Kellermann B. Totentanz) / Он был просто-напросто уволен, и теперь ему предлагалось ожидать нового назначения.

Данный пример демонстрирует неоправданный, на наш взгляд, стилистический и семантический сдвиг. Стиль официального письма не позволяет использовать такие лексические единицы, как просто-напросто уволен. Гораздо уместнее словарные соответствия отстранен от должности до дальнейших распоряжений. Принимая во внимание значительные семантические и стилистические расхождения, возникающие в примерах третьей группы, отклонения в них, видимо, можно квалифицировать как переводческие ошибки.

Таким образом, мотивы автора, отклоняющего приемлемые словарные соответствия, не всегда ясны. Замена лексических единиц

и свободных словосочетаний фразеологизмами объясняется стремлением автора компенсировать переводческие потери, особенно существенные в сфере фразеологии. Причины других отклонений не всегда понятны. В некоторых случаях такие отклонения вызывают достаточно значительные семантические и стилистические сдвиги и, несомненно, могут быть квалифицированы как переводческие ошибки.

Таким образом, безэквивалентная лексика в двуязычном словаре и переводе передается с помощью транскрипции и транслитерации, калькирования, приближенного перевода и объяснительного перевода, в переводных текстах применяется также элиминация – снятие культурной специфики реалии. Сопоставительный анализ художественных текстов и переводов показывает, что переводчик в отдельных случаях отказывается от эквивалентов, приводимых в словарях, что противоречит принципу минимальности трансформаций и может вызывать семантические и стилистические сдвиги.

Список литературы

1. Латышев, Л. К. Технология перевода. Учебное пособие по подготовке переводчиков. М. : НВИ–Тезаурус, 2000. 280 с.
2. Цвиллинг, М. Я. Эвристический аспект перевода и развитие переводческих навыков. // Чтение, перевод, устная речь. Л. : Наука, 1977. С. 172–180.

Источники

1. Бёлль, Г. Глазами клоуна / пер. с нем. Л. Черной. СПб. : Азбука, 1999. 329 с.
2. Келлерман, Б. Пляска смерти / пер. с нем. А. А. Ариан и Б. С. Арон. М. : Правда, 1986. 474 с.
3. Ремарк, Э. М. Три товарища / пер. с нем. И. Шрайбера и Л. Яковенко. Минск: Вышэйшая шк., 1980. 409 с.

List of literature

1. Latyshev, L. K. Tehnologija perevoda. Uchebnoe posobie po podgotovke perevodchikov. M. : NVI–Tezaurus, 2000. 280 s.
2. Cvilling, M. Ja. Jevristicheskiy aspekt perevoda i razvitie perevodcheskih navykov. // Chtenie, perevod, ustnaja rech'. L. : Nauka, 1977. S. 172–180.

Sources

1. Bjoll', G. Glazami klouna / per. s nem. L. Chernoj. SPb. : Azbuka, 1999. 329 s.
2. Kellerman, B. Pljaska smerti / per. s nem. A. A. Arian i B. S. Aron. M. : Pravda, 1986. 474 s.
3. Remark, Je. M. Tri tovarishha / per. s nem. I. Shrajbera i L. Jakovenko. Minsk: Vyshhejschaja shk., 1980. 409 s.

4. Фаллада, Г. Что же дальше, маленький человек? / пер. с нем. В. Смирнова и И. Татариновой. М. : Худ. лит., 1964. 359 с.
5. Böll, H. Ansichten eines Clowns. Köln : Verlag Kiepenheuer & Witch, 1992. 247 S.
6. Fallada, H. Kleiner Mann – was nun? Berlin ; Weimar : Aufbau Verlag, 1967. 403 S.
7. Kellermann, B. Totentanz. Berlin : Aufbau Verlag, 1954. 495 S.
8. Remarque, E. M. Drei Kameraden. Frankfurt/M ; Berlin ; Wien : Ullstein Verlag GmbH, 1984. 347 S.
4. Fallada, G. Chto zhe dal'she, malen'kij chelovek? / per. s nem. V. Smirnova i I. Tatarinovej. M. : Hud. lit., 1964. 359 s.
5. Böll, H. Ansichten eines Clowns. Köln : Verlag Kiepenheuer & Witch, 1992. 247 S.
6. Fallada, H. Kleiner Mann – was nun? Berlin ; Weimar : Aufbau Verlag, 1967. 403 S.
7. Kellermann, B. Totentanz. Berlin : Aufbau Verlag, 1954. 495 S.
8. Remarque, E. M. Drei Kameraden. Frankfurt/M ; Berlin ; Wien : Ullstein Verlag GmbH, 1984. 347 S.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКА

УДК 81'24

СТРАТЕГИИ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Н. А. Бексаева

Статья анализирует эффективные стратегии самостоятельного изучения иностранного языка. Они позволяют студентам брать на себя больше ответственности за свое обучение. Стратегии содержат мероприятия, направленные на определение стиля, потребностей и мотиваций и т.д. Студенты и преподаватели самостоятельно определяют необходимые стратегии.

Ключевые слова: СРС, компетенции, стратегии обучения.

Современный этап модернизации системы высшего образования, присоединение России к Болонскому процессу ориентирует вузы на формирование у студентов потребности и умения самостоятельно мыслить, способности находить способы решения различных задач. Во всех документах в Европе, в том числе в Болонской декларации, ясно выражена мысль о том, что цель образовательного учреждения – отвести обучаемому главную роль. Подчеркивается, что осознанно действующий обучаемый самостоятельно развивает навыки и компетенции, чтобы активно участвовать в жизни общества. Учебный процесс в вузе все больше приобретает характер самостоятельной деятельности студентов, организуемой и управляемой преподавателем с использованием новейших методов и средств обучения. Самостоятельная работа студентов (СРС) – неотъемлемая часть образовательного процесса, на которую отводится 50% времени. СРС является средством активизации учебно-познавательной деятельности студентов, способствует формированию самостоятельности как свойства личности.

Глобальной целью обучения иностранному языку в рамках создания концепции инновационной образовательной среды является удовлетворение тех общественных потребностей и личных целей

и мотивов студентов, которые связаны с активной интеграцией нашего общества в мировую экономическую систему. Задачи курса, таким образом, включают развитие всех компонентов иноязычной профессионально ориентированной компетенции, то есть овладение системой иностранного языка в целях профессионального общения, протекающего в контакте с представителями иного культурного сообщества. Проведенный анализ подходов к наиболее распространенным концепциям информационных образовательных сред позволяет сделать вывод, что концепция инновационной образовательной среды для обучения иностранным языкам студентов неязыкового вуза должна строиться в рамках личностно-ориентированной парадигмы на основе интеграции коммуникативного, компетентностного, профессионально ориентированного и контекстного подходов. Принципы проектирования информационно-образовательной среды обучения иностранному языку сводятся к следующему:

1. Определение студента как активного субъекта познания.
2. Ориентация студента на самообразование, саморазвитие.
3. Обучение в контексте будущей профессиональной деятельности, то есть создание профильности образовательной среды.
4. Дифференциация различных уровней обучения с самостоятельными целями, задачами, средствами и методами обучения.
5. Преемственность обучения;
6. Вариативность образовательной среды.
7. Полиmodalность восприятия.
8. Информационное наполнение образовательных ресурсов.

Студент рассматривает себя как клиента, покупающего образовательный товар, поэтому он требует качества и подотчетности. Университеты вынуждены конкурировать между собой на глобальном уровне. Возникновение новой экономики повлекло за собой появление культуры потребления. Студенты в качестве потребителей хотят инвестировать деньги в образование, что в будущем могло бы гарантировать им возможность устроиться на хорошую работу. Они стремятся: получить практические знания; комплекс технических навыков; диплом, который соответствует требованиям рынка.

Формирование у студентов готовности и привычки самостоятельно учиться особенно актуально при изучении иностранного языка. Растет число студентов, получающих одновременно два образования. А это значит, что организация СРС и повышение её качества приобретает всё большее значение. Активизация СР студентов, по-

вышение степени их ответственности за процесс обучения тесно связаны с проблемой непрерывного образования. Цель СРС – формирование у студентов потребности в систематическом самообразовании путем освоения технологий самостоятельного накопления необходимых знаний и способов их применения при решении поставленных задач. Все это требует коренных изменений содержания СРС при изучении иностранного языка, разработки нетрадиционных видов заданий. Студенту следует осознать свою новую роль – соавтора процесса изучения иностранного языка. Основная проблема, стоящая перед преподавателем: как организовать учебный процесс таким образом, чтобы студенты стали его активными участниками, способными брать на себя больше ответственности за этот процесс [1. С. 57].

Для эффективной организации СРС необходимы следующие условия:

- понимание преподавателем значимости этого вида деятельности для формирования коммуникативной компетенции студентов,
- владение преподавателем приемами организации СРС, требующими от него высокого уровня методической компетенции,
- осознание студентами целей СР, её значимости для учебной, а затем профессиональной деятельности,
- владение студентами основными приемами СР.

Преподаватель должен заранее выстроить систему СРС, учитывая её формы, цели, отбирая материал и средства педагогической коммуникации, продумывая собственную роль в этом процессе. СРС предполагает внедрение её отдельных форм в процесс обучения иностранному языку как при участии преподавателя, так и без него на протяжении всего процесса обучения в вузе.

СРС должна быть максимально индивидуализирована и иметь систематический, непрерывный, усложняющийся характер, соответствующий определенному этапу обучения. Преподавателю необходимо собрать соответствующую информацию о каждом студенте. Студенты должны быть проинформированы о том, что подобная информация способствует повышению эффективности их самостоятельной деятельности. Данные о студенте в виде «досье» (*learner profile*) представляются в определенном формате и затем анализируются для последующего использования в организации СРС [2. С. 173]. Цель такого «досье» – создать представление о текущем уровне компетенций студента и его потенциале на будущее.

Мы предлагаем провести анкетирование студентов для определения типа обучения и выбора правильной стратегии «Как вам нравится учиться?» Студентам необходимо указать цифры 0, 1, 2 или 3, соответствующие их предпочтениям. Цифры обозначают: 0 – нет; 1 – возможно; 2 – иногда; 3 – да.

Tun 1

Мне нравится учиться у носителей языка, смотреть и слушать их	
Я хотел бы учить язык, разговаривая с друзьями на английском языке	
Я хотел бы изучать язык дома, смотря телевизор и/или видео на английском языке	
Мне нравится учиться, используя английский вне аудитории	
Мне нравится изучать слова английского языка на слух	
Я хотел бы больше общаться на английском языке	
Всего:	

Tun 2

Мне нравится, чтобы преподаватель все объяснял	
Я хочу вести записи в тетрадке	
Я хотел бы иметь свой собственный учебник	
Я хотел бы читать в аудитории	
Мне нравится изучать грамматику	
Мне нравится изучать слова английского языка, когда я вижу их	
Всего:	

Tun 3

В аудитории я хотел бы изучать язык с помощью игр	
В аудитории, я хотел бы изучать язык с помощью картинок, фильмов и видеороликов	
Мне нравится изучать английский язык, работая в парах	
Дома я хотел бы изучать английский язык с помощью аудиозаписей	
В аудитории я люблю слушать и использовать аудиоматериалы	
Мне нравится практиковать язык вне аудитории	
Всего:	

Тун 4

Мне нравится изучать грамматику.	
Дома я хотел бы читать книги на английском языке.	
Мне нравится изучать английский язык самостоятельно.	
Мне нравится, когда преподаватели разрешают мне исправлять свои ошибки самостоятельно.	
Мне нравится, чтобы преподаватели давали нам сложные материалы для изучения.	
Я хотел бы читать газеты дома.	
Всего:	

Суммируя баллы, по самому высокому показателю, можно определить тип вашего студента.

Тип 1: Если студент набрал высокий балл в этом разделе, он умеет хорошо общаться и получает удовольствие от общения с людьми на английском языке.

Тип 2: Если студент набрал высокий балл в этом разделе, ему, вероятно, нравится изучать английский язык в аудитории с помощью преподавателей.

Тип 3: Если студент набрал высокий балл в этом разделе, ему нравится изучать английский язык для развлечения.

Тип 4: Если студент набрал высокий балл в этом разделе, ему нравится изучать английский язык подробно, в деталях.

Иногда студенты не вписываются в перечисленные выше категории. Попросите студентов проанализировать варианты, которые они отметили как 0. «Досье» может включать в себя такие разделы, как анализ потребностей и желаний студента, определение целей на конкретный период обучения, составление плана своей деятельности для достижения целей и задач, результаты деятельности (самооценка, оценка достигнутого преподавателем), рефлексия (мнение, размышления по поводу используемых методов и материалов и т.д.) «Досье» дает студенту возможность больше узнать о себе, брать на себя больше ответственности за учение.

В заключение следует отметить факт изменения такой парадигмы обучения как самостоятельная работа студентов. Это обусловлено, во-первых, наличием новых субъектов системы учебного взаимодействия, принимающих активное участие в процессе обучения, во-вторых, усложнением структуры этого взаимодействия в направ-

лении развития коммуникативных и информационных реализаций, в-третьих, возможностью организовывать виды учебной деятельности, обеспечивающие высокий уровень самостоятельности и «открытость» образования, что полностью соответствует вхождению в Болонский процесс.

Список литературы

1. Вехаева, N. E-Learning in ESP Teaching // Languages for Specific Purposes: Searching for Common Solutions (2007). Cambridge : Cambridge Scholars Publishing. P. 95–102.
2. Gardner, D. Establishing Self-Access From theory to practice / D. Gardner, L. Miller. Cambridge : University Press, 2005.

УДК 81'24

**ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКИЙ ИНТЕГРИРОВАННЫЙ КУРС
КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ
ЦЕЛОСТНОЙ КАРТИНЫ МИРА КУРСАНТОВ
ПРИ ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ
В ВОЕННОМ ВУЗЕ**

Н. Н. Сбитнева

Описываются ключевые моменты авторского интегрированно-го лингвострановедческого курса «Соединенные штаты Америки». Автор доказывает, что интегрированные формы обучения иностранному языку в военном вузе являются наиболее удачными.

Ключевые слова: интегрированный курс, обучение иностранному языку, лингвострановедение.

Интенсивное развитие контактов между государствами, их связей в политике, экономике, культуре и других областях требует четкой ориентации современной методики обучения иностранным языкам, приспособлении ее к реальным условиям коммуникации. Коммуникативная компетенция представляет собой результат обучения, а значит, предполагает не только сформированность языковой компетенции обучаемых, но и усвоение в большом объеме неязыковой информации, необходимой для полноценного существования в рамках глобального мироустройства. Таким образом, общепризнанным стал вывод о необходимости глубоко знать специфику стран изучаемого языка, а, следовательно, и о необходимости страноведческого подхода как одного из главных принципов обучения иностранным языкам.

В качестве мотивированного практического применения иноязычных знаний большую актуальность имеет интегрированный подход при обучении иностранному языку, с помощью которого возможно формирование у обучаемых целостной картины мира за счет объединения возможностей разных учебных предметов вуза.

Одним из возможных интегрированных курсов при обучении курсантов иностранному языку может стать лингвострановедческий курс. Такой курс органично вписывается в учебную программу и отвечает требованиям к уровню подготовки выпускников вуза.

Разработанный нами на кафедре русского и иностранных языков Рязанского высшего воздушно-десантного командного училища имени генерала армии В. Ф. Маргелова лингвострановедческий интегрированный курс «Соединенные Штаты Америки» состоит из 5 разделов (географическое положение, политическая система, экономика, города, культура страны). Он нацелен на формирование социокультурной компетенции курсантов на основе знания лексических единиц национально-культурной семантики и умения использовать их в различных ситуациях межкультурного общения, с одной стороны, а также знания военной географии и истории, экономики и культуры страны изучаемого языка, с другой.

Перед изучением лингвострановедческого материала курсантам предлагается пройти тест на знание различных аспектов страны изучаемого языка (см. Приложение 1). Тест позволяет выявить уровень знаний обучаемых по страноведению, а также способствует активизации интереса курсантов к изучению истории, культуры, экономики и политики США.

Применяя интегративно-тематический подход при комплексном изучении страноведения в военном вузе, преподаватель ставит общеобразовательную цель проведения интегрированных занятий, например, формирование единого культурного пространства при изучении страны. Основными задачами курса являются: синтез страноведческих и социокультурных знаний о стране изучаемого языка; изучение национальных стереотипов поведения, специфики национальной политической культуры, формирование у курсантов определенного стиля мышления, позволяющего видеть объекты, явления, процессы в их взаимосвязи.

Интегрированные занятия в рамках лингвострановедческого проекта целесообразнее строить на базе проанализированных программ по тематике иностранного языка, выявлении ключевых аспектов и точек соприкосновения родственных предметов и объединения их с позиции ведущей идеи и ведущих положений. Так, например, тема «Города США» изучается в физической географии, истории, экономической и социальной географии, культуроведении и английском языке. Целесообразно подавать материал таким образом, чтобы изучаемая тема воспринималась курсантами целостно, комплексно.

Интегрированные занятия в рамках лингвострановедческого проекта по английскому языку могут быть разнообразны по форме: конференции, телепередачи, исследования, соревнования, экскурсии.

Проект предусматривает использование интегрированного, социокультурного, личностно-деятельностного, коммуникативно-ориентированного подходов.

В качестве педагогических технологий и методик применяются информационно-коммуникационные технологии, обучение в сотрудничестве, разноуровневое обучение.

Основной формой итогового контроля является реферат по проблемам, рассматриваемым в данном интегрированном курсе. Темы рефератов могут быть следующие: «Страноведение среди других наук», «История США», «Культурные традиции США», «Вашингтон», «Город небоскребов», «Многонациональная страна».

Интегрированный подход при обучении иностранному языку представляет собой определенную систему в деятельности преподавателя и проявляется в конкретных результатах обучения, а именно в повышении уровня знаний по предмету, в приобретении знаний и умений по иностранному языку в ситуациях ежедневной практики, для успешного взаимодействия в межкультурном общении. Курсанты приобщаются к культурному и историческому наследию страны изучаемого языка. Положительные результаты проявляются и в расширении объема потенциального словаря курсантов в области других предметов, росте интереса не только к иностранному языку, но и к другим гуманитарным предметам, что способствует возникновению желания активной самостоятельной работы и во внеучебное время.

Приложение 1.

Are you good at...?

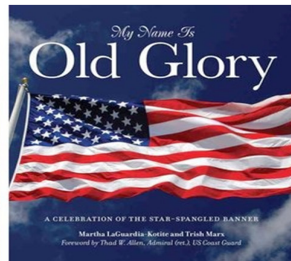
**The United States
of America**

кафедра русского
и иностранных
языков
преподаватель
Сбитнева Н.Н.



2) What do American people call the national flag?

- a) the Stars and Bars, the Confederate Flag, the Southern Cross
- b) the Union Jack, the Saint George's Cross, the Saint Andrew's Cross
- c) the Stars and Stripes, the Star-Spangled Banner, the Old Glory



4) Who made the first American flag?

- a) Betsy Ross
- b) Harriet Tubman
- c) Elizabeth Stanton



Betsy Ross

6) What is the national anthem of the USA?

- a) the Stars and Stripes
- b) the Star-Spangled Banner
- c) America the Beautiful



The Star-Spangled Banner

7) What is the motto of the USA?

- a) "God save our gracious Queen"
- b) "In God we trust"
- c) "Liberty Enlightening the World"



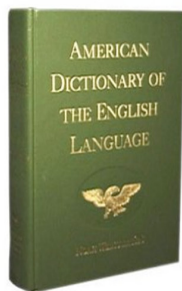
24) Which State is called the Golden State?

- a) Pennsylvania
- b) California
- c) Texas



34) Who is the author of the first dictionary of American English?

- a) D. Jones
- b) J.C. Wells
- c) N. Webster



**1828
Noah Webster
Dictionary**

Список литературы

1. Крестинский, И. С. Формирование интегративного подхода к обучению иностранным языкам в западноевропейской педагогике второй половины XX века: автореферат дис. ... канд. пед. наук. Тверь, 2007. 19с.
2. Курчаткина, И. Е. Технологические критерии, лежащие в основе интегративных курсов // Педагогические технологии. 2005. №2. С. 4–5.
3. Лепин, В. П. Концепция интегральной педагогики и пути её реализации / В. И. Лепин, В. В. Крашенинников, Л. А. Барахтеннова // Школа духовности. 2001. №5. С. 73–77.
4. Лиферов, А. П. Основные тенденции интеграционных процессов в мировом образовании: дис. ... д-ра пед. наук. Рязань, 1997. 371с.
5. Морозова, М. А. Становление дидактической теории интеграции в отечественной педагогике XX века: дис. ... канд. пед. наук. Владимир, 2000. 229с.

List of literature

1. Krestinskij, I. S. Formirovanie integrativnogo podhoda k obucheniju inostrannym jazykam v zapadnoevropejskoj pedagogike vtoroj poloviny HH veka: avtoreferat dis. ... kand. ped. nauk. Tver', 2007. 19s.
2. Kurchatkina, I. E. Tehnologicheskie kriterii, lezhashhie v osnove integrativnyh kursov // Pedagogicheskie tehnologii. 2005. №2. S. 4–5.
3. Lepin, V. P. Konceptcija integral'noj pedagogiki i puti ejo realizacii / V. I. Lepin, V. V. Krasheninnikov, L. A. Barahtenova // Shkola duhovnosti. 2001. №5. S. 73–77.
4. Liferov, A. P. Osnovnye tendencii integracionnyh processov v mirovom obrazovanii: dis. ... d-ra ped. nauk. Rjazan', 1997. 371s.
5. Morozova, M. A. Stanovlenie didakticheskoi teorii integracii v otechestvennoj pedagogiki HH veka: dis. ... kand. ped. nauk. Vladimir, 2000. 229s.

ABSTRACTS

Ajtkalieva A. S. The understanding of the family as the basis of moral education of the polycultural personality

In the article actual problems of moral education of the polycultural personality in modern society are discussed. The author tries to solve the issue from a position of formation of the personality in a family.

Keywords: morality, spirituality, family, family education, the cult of the parents, parental authority, care, love, kindness, respect, diligence, polycultural personality, mutual understanding, cooperation, responsibility, intercultural communication, international communication, multilingualism, favorable moral and psychological climate, ATA-Ana, Bala, немере, Askar Tau, tarbie, отбасы, Ana tili, national culture, cognition of the world.

Arzanovskaya A. V. Semantic peculiarities of language units expressing length in space, in Russian and English languages

The article deals with the concept of space which is viewed with concern to its national and cultural peculiarities of perception. In the focus of the issue is the semantic structure of lexical units in the Russian and English languages.

Keywords: the category of space, the length, the semantic structure of the national-cultural features.

Atzhanova N. E. Ways to reflect inclusions in fiction

This article discusses the questions of interaction and mutual enrichment of languages. The analysis of the Kazakh words – realities is made and ways of introduction of inclusions in bilingual literary texts are described.

Keywords: spiritual life, moral and aesthetic development of fact, the word of art, the national vocabulary, unknown words.

Baklagova Ju. V. Decausative in English and German

The article deals with semantic features of decausative in English and German. It describes the manners of causative derivation: in English it is unmarked decausative (as a semantic derivative of an initial causative verb); in German – marked decausative (decausative formation by means of “sich” and i-mutation of a root vowel) and unmarked decausative.

Keywords: causative verb, marked/ unmarked decausative, actant derivation, actor.

Beksaeva N. A. New strategies in independent foreign language learning

The article analyzes effective strategies of independent learning of foreign languages. They allow students to take more responsibility for their training. The strategy contains the activities, directed on the determination of style, requirements, motivation, etc. Students and teachers define the necessary strategy independently.

Keywords: independent work, competence, learning strategies.

Bulycheva V. P. Russian adventure prose first half of XX century

The first part of the XX century is the time for developing science and culture in Russia. By this time the reader has changed and a new mass reader has appeared. He wanted to read a new literature. It was adventure prose. Its task was to create emotions during the whole text, which had to follow the reader for the actions.

Keywords: adventure, Russian, literature, genres, mystery, science fiction, adventure story, the hero.

Galutskich I. A. Nude code of love, in a figurative space fiction English postmodernism: semantic and cognitive analysis (on the material of the text of the novel of J. Winterson «Written on the Body»)

The article focuses on the study of literary interpretation of LOVE concept in the imagery space of the English postmodernist literary text (“Written on the Body” by J. Winterson) and its literary extension through the prism of corporeality, that is carried out by means of conceptual analysis applied.

Keywords: corporeality, LOVE concept, literary text, conceptual metaphor.

Garyunova Yu. O. Evaluative capacity метонимии МЫЛО in cinemacritical discourse (on the material of the Ukrainian language)

The author of the article studies a functioning of метонимии МЫЛО in evaluative fragments of Ukrainian-language cinemacritical texts. It is shown, that the axiological semantics of metonymy frequently forming by context, intensifying with the help of stereotyping means and actu-

alization of comics. It is exposed, that metonymical transferences could have pragmatic and valuative potential in the cinemacritical discourse.

Keywords: cinemacritical discourse, valuation, axiological semantics, metonymy.

Dorokhova Yu. E. The problem of equivalence and nonequivalence in translation and bilingual lexicography

The article deals with the problem of equivalence in literary translation and bilingual dictionaries. It presents the means and examples of resolution of non-equivalence and analyses cases of refusal of the translator from the verbal correlations in the text of the translation.

Keywords: equivalence of translation, non-equivalent vocabulary, bilingual lexicography.

Emelyanov V. U. About the necessity of correcting the explanatory dictionaries

The article deals with the ways of the approach to remedy the deficiencies of the company. The conclusion about necessity of repair of the explanatory dictionaries for example, the interpretation of modern dictionaries concepts theft.

Keywords: language, society, word, theft.

Lobanova T. N., Malyugina N. A. Lexico-stylistic properties political communication (on the material of the analysis of newspaper texts China)

The author considers the problem of setting apart and describing the political vocabulary in the modern Chinese language. The research is mostly held in the field of Political linguistics related to the study of Chinese political language of the comparative nature of the phenomena using descriptive methods. As the material the author uses the texts of newspaper articles and other mass-media sources, which translation analysis allows describing lexical layer under consideration. The article tackles the writing translation techniques.

Keywords: the modern Chinese language; lexical and stylistic features of newspaper political texts; political lexicon; writing translation technique; functioning of the political lexicon.

Marenina E. P. Organization Peculiarities of the Conditional Space in M. Osorgin's Novel "The Times" ("Vremena")

The analysis of spatial relationships in M. Osorgin's autobiographical novel "The Times" ("Vremena"), which, according to author's stylistic cognition, line up as a result of interaction of the oppositions "widening – narrowing", "open – enclosed", is represented in the article.

Keywords: Russian literature, M. Osorgin, poetics, art space.

Pokalukhin S. Yu. Linguo-stylistic analysis of sports commentaries

The article deals with the problem of stylistic characteristics of sports commentaries as a mass media text and dwells upon the expressiveness of its lexis and its role in affecting the addressee with emotive charge.

Keywords: sports commentaries, linguo-stylistic analysis, expressiveness, emotive charge, lexis.

Rotaru I. Yu. Basis for the typology of complex sentences with interdependent parts

The article is devoted to the definition of the main types of complex sentences with interdependent parts on the material of the modern Ukrainian language. **It is given a brief description of the formal grammatical and semantic and syntactic typology of complex structures with interdependent components in this article.**

Keywords: complex sentences with interdependent parts, verbal predicates, subject predicate.

Sbitneva N. N. Linguocultural integrated course as a way to create an integral picture of the world cadets in training to foreign language in the military College

The article deals with the main principles of the own integrative linguistic course «The United States of America». The author considers the integrative forms of learning a foreign language in the military school the most effective.

Keywords: integrative course, learning a foreign language, linguistic.

Sintsov V. Yu. Anthropocentric metaphor: the cognitive and semasiological aspects

The article is devoted to the cognitive and semasiological aspects of anthropocentric metaphor. The latter is a fundamental cognitive instru-

ment facilitating to interpret one sphere of extralinguistic reality in the categories of another which is better known to the language community.

Keywords: anthropocentric metaphor, cognitive instrument, semasiological aspects, the genesis of anthropocentric metaphor, the transposition of a number of semes.

Sirivlya M. A., Bekbayeva K. Politically correct expression as a component of national and cultural consciousness

The article examines the use of politically correct expressions in contemporary speech flow in order to determine the level of understanding of the politically correct expressions speakers. Extensive use of politically correct expressions currently in the Russian-language discourse is not enough to motivate and lead to misunderstandings content of the statement.

Keywords: national culture, political correctness, language policy.

Verbovsky N. Yu. Poetic dialogue: O. O. Suleimenov A. A. Voznesensky (comparative analysis of the lyrics of authors)

In the article, the poetry of Olzhas Suleimenov and Andrey Voznesenskiy are reviewed for exploring the common themes, motifs and artistic images in their work. Applying the method of comparison, the author reveals the presents of “poetic dialogue” in the lyric of these poets.

Keywords: poetics, the method of comparison, dialogue, artistic image and the literary genre.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аржановская Анастасия Валерьевна – аспирант кафедры русского языка Волгоградского государственного университета.
400062, Волгоград, пр. Университетский, 100.
arzhanovskaya@yandex.ru

Айткалиева Алмагуль Салыковна – преподаватель Костанайского филиала Челябинского государственного университета.
110000, Костанай, ул. Бородина 168 а.
filfakkfchelqu@mail.ru

Атжанова Найля Ерденевна – старший преподаватель Костанайского филиала Челябинского государственного университета.
110000, Костанай, ул. Бородина 168 а.
filfakkfchelqu@mail.ru

Баклагова Юлия Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка в профессиональной сфере Кубанского государственного университета.
350040, Краснодар, ул. Ставропольская, 149.
liliann@mail.ru

Бекбаева Карина – студентка 3 курса Костанайского филиала Челябинского государственного университета.
110000, Костанай, ул. Бородина 168 а.
sima-all@yandex.ru

Бексаева Нина Александровна – кандидат социологических наук, доцент кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации Саратовского государственного технического университета.
410054, Саратов, ул. Политехническая, 77.
beksaeva_nina@mail.ru

Булычева Вера Павловна – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры английского языка для экономических специальностей Астраханского государственного университета.
414056, Астрахань, ул. Татищева, 20-а.
nauka.bvp@mail.ru

Вербовский Николай Юрьевич – студент 3 курса Костанайского филиала Челябинского государственного университета.

110000, Костанай, ул. Бородина 168 а.

krasawchik2009@mail.ru

Галуцких Ирина Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры английской филологии Запорожского национального университета.

69000, Запорожье, ул. Железнодорожная, 22.

irina_galutskih@mail.ru

Гарюнова Юлия Олеговна – аспирант кафедры украинского языка филологического факультета Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина.

61077, Украина, Харьков, пл.Свободы, 4.

makhankov@ukr.net

Дорохова Юлия Эдуардовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

julia.dorokhova@mail.ru

Емельянов Вадим Юрьевич – аспирант кафедры теории и методологии науки Белгородского государственного технологического университета им. Шухова.

308012, Белгород, ул. Костюкова 46.

vuemel@mail.ru

Лобанова Татьяна Николаевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Тихоокеанского государственного университета.

680035, Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136.

lobanovaty@mail.ru

Малюгина Наталья Адольфовна – преподаватель кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Тихоокеанского государственного университета.

680035, Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136.
spearl@yandex.ru

Маренина Евгения Павловна – аспирант кафедры литературы
Института гуманитарного образования Челябинского государственного
университета.

454000, ул. Бр. Кашириных, 129.
marzhenya@yandex.ru

Покалюхин Станислав Юрьевич – аспирант, ассистент кафедры
английского языка и методики преподавания иностранных языков
Поволжской государственной социально-гуманитарной академии.

443000, Самара, ул. М.Горького, 65/67.
pokalukhinstanislav@gmail.com

Ротару Ирина Юрьевна – аспирант кафедры украинского языка
Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина.

61077, Украина, Харьков, пл.Свободы, 4.
kushnira@ Rambler.ru

Сбитнева Наталья Николаевна – преподаватель кафедры русского
и иностранных языков Рязанского высшего воздушно-десантного
командного училища.

390031, Россия, Рязань, пл. Генерала армии В.Ф. Маргелова, д. 1.
honey.sbitneva@mail.ru

Синцов Владислав Юрьевич – кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков Муромского института (филиала)
Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г.
Столетовых.

600000, г. Владимир, ул. Горького, 87.
inyaz@yandex.ru

Сиривля Мадина Александровна – кандидат филологических
наук, доцент кафедры филологии Костанайского филиала
Челябинского государственного университета.

110000, Костанай, ул. Бородина 168 а.
sima-all@yandex.ru

M.A. Sidita Hoxhiq Dano – lecturer of the Department of English Faculty of Foreign Languages University of Tirana, Albania
Rr. Elbasanit, Fakulteti i Gjuheve te Huaja, Tirane, Albania.
sidita21@yahoo.com

Lindita Kaçani – lecturer at the Department of Foreign Languages University of Korçë, Albania.
lkacani@yahoo.com

Vanina Kanini – lecturer, Center of Foreign Languages Faculty of Mathematical Engineering and Physics Engineering, Polytechnic University of Tirana, Albania.
Rr.e Dibres, Kompleksi “Tower Bridge”, Ap, C 202, Tirana, Albania.
vanada22@yahoo.it